Слова Старца Паисия Святогорца:

Духовное Пробуждение

Том I, 1999 г.

Переведено с греческого иеромонахом Доримедонтом

Содержание:

Биографическая Справка.

Предисловие.

Введение (из слов старца).

Как мучаются люди. Безопасность и беззащитность. Искания людей. В нашу эпоху не хватает живых примеров. Легко найти “сладкую горку” и покатиться по ней вниз Бог не бросает нас на произвол судьбы. Грядут нелегкие времена.

Часть первая. О Грехе и Диаволе.

1. Грех вошел в моду.

Людей обличает совесть. Отходя от Бога, человек испытывает адскую муку. Человеку заплатит тот хозяин, на которого он работает.

2. В наши дни диавол разгулялся не на шутку.

Своим грехом мы даем диаволу права над собой. Исповедь лишает диавола прав над человеком. К чистому созданию Божию диавол не приближается Не будем заводить с тангалашкой бесед. Диавол бессилен. Диавол глуп. Зачем Бог попускаем диаволу нас искушать. Диавол не хочет покаяться. От смирения диавол рассыпается в прах.

3. О мирском духе.

Диавол правит суетой. Предпочтение должно быть отдано красоте души. Мирские пожелания. Мирские радости — это радости вещественные. Мирской дух в духовной жизни. Мирской дух в монашестве. Мирской дух — это болезнь.

4. Великий грех несправедливости.

Несправедливость собирает гнев Божий. Неправедный человек испытывает страдания. Неправда причиняет страдания и потомкам. Тот, кто поступает с нами несправедливо, благодетельствует нам. “Емуже дань — дань" (Рим. 13:7). Как изолгался мир. Если человек справедлив, то Бог на его стороне. Праведный человек приемлет воздаяние еще в сей жизни.

5. “Благословите, а не кляните...” (Рим. 12:14)

Болезни и несчастные случаи, происходящие от проклятия. Родительское проклятие действует очень сильно. “Благородное проклятие.” Сглаз. Исходящее от сердца благословение есть благословение божественное.

6. Грех приносит несчастья.

Человеколюбиво все, что попускает Бог. Сегодня Бога отодвигают на последнее место. Да пожалеет Бог мир и пошлет нам дождь. Будем просить Бога, чтобы Он дал миру покаяние.

Часть вторая. О современной культуре.

1. Божия Премудрость.

Чего сегодня удалось достичь людям. Люди потеряли терпение. Всю атмосферу загадили — так это ничего, а кости им помешали. Загрязнение и разрушение окружающей среды.

2. Эпоха многих удобств равняется эпохе множества проблем.

Сердца людей тоже стали железными. Из-за машин люди посходили с ума. Телевидение нанесло людям огромный вред. Монах и современные технические достижения. Лишение очень помогает людям. Об эпохе многих удобств и множества проблем. Множество удобств делает человека ни на что не годным.

3. Надо сделать свою жизнь проще.

Мирской успех приносит душе мирскую тревогу. Нынешняя жизнь, с ее безостановочной гонкой — это адская мука. Душевная тревога происходит от дьявола. Безыскусность очень помогает в монашеской жизни. Роскошь обмирщвляет монахов. Упростите вашу жизнь.

4. Внешний шум и внутреннее безмолвие.

Люди изменили умиротворенную природу. Люди разрушили даже святые пустынные места. Безмолвие это таинственная молитва. Слышать или не слышать шум — зависит от самого человека. Будем уважать безмолвие других. Противоядие от шума: добрые помыслы. Нам надо стяжать внутреннее безмолвие.

5. Многое попечение удаляет от Бога.

Не будем хвататься за многое. Не надо отдавать своего сердца материальному. Делание, совершаемое с умиротворением и молитвой, освящается. От многопопечительности человек забывает Бога. Много работы и попечений обмирщвляют монаха. Там, где много хлопот, — много духовных “радиопомех.” Нам надо стяжать доброе попечение.

Часть третья. О духе божием и духе мира сего.

1. Мирское образование и знания.

Умный человек — это человек очистившийся. Знание без божественного просвещения является катастрофой. Наука должна быть использована в жизни духовной. Святой Дух снисходит не с помощью техники. Нам надо освятить знание. “Разум надмевает.” Будем правильно работать головой.

2. Рационализм нашего времени.

Здравый смысл в духовной жизни. Мирская рассудочность мучает человека. Мирской здравый смысл искажает орган духовного чувства. Люди смотрят на вещи поверхностно и поэтому истолковывают всё на свой лад.

3. Новое поколение

Оскудение духа жертвенности. Нерассудительная любовь делает детей ни на что не годными. Темные силы направляют молодежь ко злу. “Не смейте трогать детей!” Юным нужно сдать экзамен на целомудрие. Истинная любовь извещает о себе молодых.

4. Бесстыдство и неуважение.

Вольное обращение изгоняет благоговение. Почтение к старшим. Люди дошли уже до того, что винят Бога. Бесстыдство изгоняет божественную Благодать. “Чти отца твоего и матерь твою…” Разрыв поколений.

5. Внутреннее неустройство людей.

Люди одеваются соответственно своему внутреннему состоянию. Иногда трудно отличить мужчину от женщины. Люди жаждут простоты. “На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье” (Втор. 22:5). Косметика — пятна на образе Божием.

Часть четвертая. О Церкви в нашу эпоху.

1. Просвещение.

Греческий язык. Проблемы образования. Детей уводят от Церкви. Детей загружают многим. Дело учителя священно.

2. Духовенство и Церковь.

Священник несет великую ответственность. Обмирщение духовенства. “Кто обличит Меня в грехе?” Управление Церковью. Божественная Литургия.

3. Праздники.

“Празднуем, верные, праздник духовный.” “Лучше малое праведнику...” Люди работают по воскресеньям.

4. Православное Предание.

“Иисус Христос вчера, сегодня, и во веки Тот же.” Уважение к Преданию. Будем хранить в монашестве то, что проверено опытом. Люди вернутся к старому. Без веры мир не может устоять. После себя мы должны оставить доброе Предание.

Биографическая Справка.

Блаженный Старец Паисий (мирское имя Арсений Эзнепидис) родился 25 июля 1924 года (по старому стилю) в селении Фарасы, в

Каппадокии (Малая Азия). При Обмене населением (Обмен населением в 1924 г., в ходе которого греки из Малой Азии переселились в Грецию, а жившие в Греции турки — в Турцию. — Прим. пер.) грудным ребенком был привезен в Грецию. Его родители поселились в небольшом городке Коница, где будущий Старец вырос и получил начальное образование.

Уже с детских лет Арсений жил как подвижник. Он наслаждался чтением Житий Святых, усердно, с чрезвычайной ревностью и с удивительной бескомпромиссностью стремясь подражать их подвигам. Он отдавался непрестанной молитве и, одновременно с этим, старался развить в себе любовь и смирение. В юношеском возрасте будущий Старец выучился ремеслу плотника, желая и в этом быть похожим на Христа. Когда в Греции началась Гражданская война (1944-1948) (Гражданская война в Греции в 1944-1948 гг. между правительственной армией и мятежниками-коммунистами. — Прим. пер), Арсений Эзнепидис был призван в действующую армию, получил воинскую специальность радиста и три с половиной года служил Родине. В армии он продолжал подвижническую жизнь, отличался отвагой, самопожертвованием, высокой христианской нравственностью и многообразными дарованиями.

Отдав долг Отечеству, Арсений встал на путь монашеской жизни — той, к которой стремился с самою детства. Еще будучи мирянином, он не раз переживал божественные опыты жизни во Христе. Но когда он стал монахом, особое благоволение к нему Святых, Пресвятой Богородицы и Самого Господа стало очевиднейшим. Отец Паисий подвизался на Святой Афонской Горе, в монастыре Стомион в Конице и на Святой Горе Сжинай. Он проводил свою жизнь в безвестности, всецело вручив себя Богу, Который, в Свою очередь, явил и отдал его людям. Многие и многие приходили к Старцу и находили руководство и утешение, исцеление и покой своим измученным душам. Божественная любовь изливалась из освященной души Старца, сияние Божественной Благодати исходило от его преподобнического облика. Целыми днями, без устали Старец Паисий Свя-тогорец забирал у людей их боль, расточая вокруг себя божественное утешение.

12 июля 1994 года (По гражданскому календарю. — Прим. пер.) после поистине мученических страданий, которые, по словам самого Старца, доставили ему пользу большую, чем подвижнические подвиги всей предыдущей жизни, он почил о Господе. Местом его блаженной кончины стал Свято-Иоанно-Богословский монастырь, расположенный близ селения Суроти, неподалеку от Салоник. Там же, слева за алтарем монастырского храма Преподобного Арсения Каппадокийского, Старец Паисий Святогорец был погребен.

Благословение его и молитвы да будут с нами. Аминь.

Предисловие.

После своей кончины в июле 1994 года Блаженный Старец Паисий Святогорец оставил миру духовное наследие — свои поучения. Простой монах, получивший лишь элементарное образование в начальной школе, но щедро облагодатствованный мудростью по Богу, он воистину истощил себя ради ближнего. Его учение не было проповедничеством или катехизаторством. Он жил по Евангелию сам, и поучения проистекали из его собственной жизни, отличительным признаком которой являлась любовь. Он “образовал себя” согласно Евангелию и поэтому, в первую очередь, учил нас всем своим обликом, а уже после этого — своей евангельской любовью и богопросвещенным словом. Встречаясь с людьми — такими непохожими друг на друга, — Старец не просто терпеливо выслушивал то, что они ему поверяли. С присущими ему святой простотой и рассуждением он проникал в самую глубину их сердец. Их боль, их тревогу, их трудности Старец делал своими. И тогда, неприметным образом, происходило чудо — изменение человека. “Бог, — говорил Старец, — творит чудо, когда мы сердечно соучаствуем в боли другого человека.”

Нам было радостно видеть, с каким интересом читались первые книги, посвященные жизни и учению Старца Паисия. Многие люди с изумлением рассказывали о том, что в этих книгах они находили ответы на мучавшие их вопросы, разрешение проблем и утешение в скорбях. Нам было особенно радостно видеть, как люди, далекие от Церкви, прочитав о Старце, становились по-доброму обеспокоены и изменяли свою жизнь. В связи с этим, нам часто вспоминались слова церковного песнописца, посвященные Святителю Василию Великому: “Живет и умерый о Господе, живет и с нами, якоже глаголай из книг.” (Из стихов перед Синаксарием по 6 песне канона на Утрене, 1 января. — Прим. пер). В то же время, откликаясь на настойчивые просьбы наших братьев во Христе, мы ощущали необходимость познакомить их со словами Старца — словами, которые мы благоговейно записывали с самых первых шагов жизни нашей обители и которые нам самим оказали немалую пользу.

По промыслу Благого Бога, наша монашеская обитель обязана своим существованием Старцу Паисию Святогорцу. Именно отец Паисий получил благословение архиерея на основание монастыря, именно он приложил старание к тому, чтобы было найдено место для строительства. В 1966 году, познакомившись с отцом Паисием в больнице, после того как он перенес операцию на легких, мы пришли ему на помощь. С тех пор, будучи нам благодарным всем своим благородным и чутким сердцем, он чувствовал себя нашим старшим братом и говорил, что его долг — “пристроить своих сестер” — имея в виду основание монастыря.

В октябре 1967 года, когда в монастыре поселились первые сестры, Старец Паисий приехал к нам и два месяца пробыл в общине, помогая в налаживании общежительного строя обители. В течение последующих, лет, живя на Святой Афонской Горе, Старец обычно навещал нас дважды в год, помогая своими бого-просвещенными советами и личным примером духовному становлению как обители в целом, так и отдельно каждой из сестер. Кроме этого, со Святой Афонской Горы, из этой, как он говорил, “духовной Америки,” Старец помогал нам своею молитвой и письмами, которые присылал разным сестрам лично или же всем вместе.

Итак, в 1967 году Старец Паисий начал закладывать основы общежительного строя нашего монастыря. Он вникал во все стороны жизни обители — начиная от самых простых, житейских, вплоть до самых серьезных и духовных. Ему было тогда 43 года, но он уже был мужем, совершенным, “в меру возраста исполнения Христова” (Еф. 4:13). Уже тогда отец Паисий обладал поистине старческой мудростью. С самых первых дней существования монастыря мы относились к его словам как к “глаголам жизни вечной” (Ин. 6:68) и осознавали, что они являются теми исходными и непреложными истинами, на которых должна строиться наша повседневная жизнь. Поэтому, боясь забыть то, что говорил Старец, мы спешили записывать его слова, с тем, чтобы в будущем использовать их как надежный канон нашей иноческой жизни.

Когда записями заполнились первые тетради, мы очень робко предложили их на суд Старца. Почему робко? Потому, что Старец всегда подчеркивал важность применения поучений на деле, потому, что он не хотел, чтобы мы лишь накапливали “сырье,” “боеприпасы,” не применяя услышанного на практике. Он требовал от нас духовной работы над услышанным или прочитанным. Старец говорил, что в противном случае множество записей и заметок не принесет нам никакой пользы, подобно тому, как множество оружия и боеприпасов не приносит пользы государству, армия которого не обучена и не умеет пользоваться этим арсеналом. Уступая нашим настойчивым просьбам, отец Паисий согласился просматривать наши записи и в случае необходимости (если что-то из его слов было нами недопонято) вносить свои исправления и дополнения.

Старец духовно окормлял нашу обитель двадцать восемь лет. Все эти годы мы записывали его слова: во время собраний всей монастырской общины, а также во время заседаний Духовного Собора монастыря, на которых он присутствовал. Поначалу сестры вели записи от руки, а в последние годы — с помощью магнитофона. Кроме этого, каждая насельница монастыря сразу же после своих личных бесед со Старцем записывала их содержание. Узнав обо всем этом, отец Паисий даже немножко выругал нас: “Да что вы всё это пишете? На черный день, что ли, копите? Задача в том, чтобы вы работали, применяли услышанное на деле. И кто его знает, чего вы там понаписали! А ну-ка, принесите мне посмотреть!” Но когда мы показали ему записи одной из сестер, выражение его лица изменилось, он успокоился и с удовлетворением воскликнул: “Вот так дела, брат ты мой! Да эта сестра — прямо магнитофон какой-то! Точь-в-точь как я сказал, так и записала!..”

Обычно наше общение строилось в форме его ответов на наши вопросы. Главной темой личных бесед с сестрами всегда был личный духовный подвиг. Темы для заседаний Духовного Собора готовились заранее. Мы предлагали на суд отца Паисия вопросы, скопившиеся во время его отсутствия, — административные и житейские, духовные и общественные, церковные и национальные, а также многое-многое другое. Наконец, во время общих монастырских собраний, кроме вопросов, которые задавали сестры, поводом для того, чтобы Старец начинал говорить на какую-то тему, могло стать что угодно: гул летящего самолета, шум мотора, пение птицы, скрип двери, случайно брошенное кем-то слово, — Старец из всего умел извлекать пользу для души. Любая мелочь и пустяк могли стать поводом для долгого разговора на серьезную тему. Он говорил: “Я все использую для связи с горним, с Небом. Знаете, какую духовную прибыль и духовный опыт приобретает человек, если он духовно работает над всем тем, что встречается ему на пути?”

“Благий Бог прежде всего заботится о нашей будущей жизни и [только] потом — о жизни земной,” — говорил Старец. Сам он, общаясь с людьми, имел ту же самую цель: помогая человеку познать волю Божию и соединиться со своим Творцом, отец Паисий готовил его к Небесному Царствию. Приводя примеры из области природы или науки, искусства или повседневного человеческого бытия, Старец не рассматривал их отвлеченно, в отрыве от духовной реальности. Он стремился, пробудить от сна души своих собеседников, с помощью притчи помогал им постичь глубочайший смысл жизни и “ухватиться за Бога.”

Речь Старца Паисия отличалась простотой, остроумием, живым и неподдельным юмором. Великую истину он мог выразить просто и радостно. “Я вас как солнышко грею,” — говорил Старец, имея в виду, что как солнечное тепло необходимо, чтобы распустились цветочные бутоны, так и нежное пастырское прикосновение к душе помогает ей раскрыть себя и исцелиться от недуга. Это было воистину богопросвещенное Пастырство. Оно нередко готовило почву души к принятию строгого слова о не допускающей компромиссов евангельской истине. Поэтому даже самое строгое слово Старца Паисия воспринималось сердцем как благодетельная роса. И впоследствии возделанные учением Старца сердца приносили духовный плод.

Скопившиеся за двадцать восемь лет записи, а также письма Старца со Святой Горы были систематизированы после его кончины. Мы разобрали материал по темам для более удобного пользования им в нашей повседневной жизни. Одновременно с этим были систематизированы записанные нами случаи из жизни Старца, а также те чудесные события, которые ему довелось пережить. Все это отец Паисий открывал нам не ради самовосхваления. Рассказами о себе он воистину подавал нам духовную милостыню. “Я рассказываю вам обо всем этом, — говорил он, — не для того, чтобы вы нацепили на меня медали и назвали молодцом. Рассказывая что-то о войне, об армии или о чем-то еще, пусть даже о смешном, я говорю не просто так. Я хочу на что-то обратить ваше внимание, хочу, чтобы вы ухватили суть. Пустого и бесполезного я не говорю никогда.” Таким образом, Старец становился “духовным донором.” Он отдавал свою кровь, чтобы укрепить нашу слабую малокровную веру. Будучи поистине Царским — Божиим сыном, Старец стремился “задеть” наше любочестие и возделать в нас духовное благородство, чтобы мы “сроднились с Богом.” “Вычерпываю из себя, вычерпываю, — говорил он, — а что в итоге? Ведь чтобы помочь вам, я вынужден рассказывать и очень личные вещи. Я пускаюсь на величайшую растрату — расточаю свой духовный запас! Идет ли это хотя бы на пользу? Я хочу сказать, что теряю каждое событие, рассказанное для того, чтобы вам помочь, — говорю ли я о проявлении в моей жизни Промысла Божия или каком-то чудесном случае. Польза-то хоть от этого есть?”

Принимая во внимание то, что переживаемые ныне годы очень нелегки, мы решили разделить весь имеющийся в нашем распоряжении материал на отдельные тома по темам и начать публикацию с тех тем, которые представляют более широкий интерес. Многие из этих вопросов просты и будничны однако если не отнестись к ним так, как требует этого Евангелие, то последствия будут печальными (если не гибельными) и для настоящей и для будущей жизни.

При тематическом отборе материала и его подготовке к изданию нас вдохновляло и прижизненное желание Старца Паисия написать книгу, “касающуюся всех — мирян, монахов и священнослужителей.” Старец не успел осуществить своего замысла, поскольку все время он посвящал людям, приходившим в его каливу. Несмотря на угасание телесных сил, он отдавал себя людям без остатка. В одном из его писем со Святой Горы мы читаем: .”..А мои новости такие: много народу, сам же я устал и измучен. Людей с их проблемами все больше и больше, а о моих телесных силах что говорить — лучше молитесь, чтобы они не убывали. Приходится и беречь себя немножко — ведь я никогда не имею права сказать “не могу.” Можешь, не можешь — надо смочь.”

Как было сказано выше, обычно Старец Паисий отвечал на наши вопросы. Поэтому при составлении книги была сохранена форма диалога. Ответы Старца обогащены подходящими по теме отрывками из его писем в монастырь и разным лицам, из книг, написанных им самим, из личных записей сестер и других людей, которые были сделаны во время или после бесед с ним. Эти дополнения к ответам Старца на тот или иной вопрос сделаны для того, чтобы раскрыть темы с максимально возможной полнотой. Было приложено старание и к тому, чтобы живость и радостный тон устной речи Старца не потерялись при их записи на бумаге. Некоторые повторения, при помощи которых Старец хотел особо подчеркнуть тот или иной смысл сказанного, нами не сокращались. Мы сохранили и некоторые из междометий, восклицаний, которые часто встречаются в устной речи Старца и также выражают его великую любовь к Богу и человеку.

Старец Паисий часто говорил о монашеской жизни. Причина этого не только в том, что его речь была обращена к монахиням. Старец хотел, чтобы всякий человек — будь он монахом или мирянином — взыскал эту "монашескую радость," происходящую из всецелой самоотдачи человека Богу. Таким образом человек освобождается от чувства ненадежности, порождаемого верой в свое "я," и еще в этой жизни вкушает райскую радость.

Книга "С болью и любовью о современном человеке" — первый том серии "Слов" Старца Паисия Святогорца. Для удобства читательского восприятия том разделен на четыре тематических раздела. Каждый из разделов, в свою очередь, разделен на главы, а каждая глава — на меньшие главы с соответствующими подзаголовками. Подстрочные примечания предусмотрены в основном для людей, незнакомых с церковной и святоотеческой терминологией.

Как сказано выше, Старец нередко использовал примеры из науки, искусства и других специальных областей. Желая избежать ошибок в специальных терминах и выражениях, мы консультировались с нашими братьями во Христе, компетентными в той или иной области. Сердечно благодарим их за те исправления, которые они сделали, движимые своим особым благоговением к Старцу Паисию. Мы будем и впредь благодарны нашим читателям за любые советы и отзывы.

Молитвенно желаем, чтобы та "духовная растрата," на которую от своей великой любви шел Старец Паисий, пошла на пользу простым и по-доброму расположенным душам читателей, и они обогатились божественной мудростью, "утаённою от премудрых и разумных и открытою младенцем" (см. Лк. 10:21). Аминь.

Неделя Всех Святых 14 июня 1998 г.

Игуменья обители Святого Апостола и Евангелиста

Иоанна Богослова монахиня Филофея с сестрами во Христе

Введение (из слов старца).

"Переживаемые нами годы очень трудны и очень опасны, но, в конце концов, победит Христос."

В нашу эпоху большинство людей образованны по-мирски и мчатся с высокой мирской скоростью. Но поскольку у них нет страха Божия — а *"начало Премудрости—страх Господень"* (Пс. 110:10), то у них нет и тормозов, и с такой скоростью, без тормозов, они заканчивают гонку в пропасти. Люди очень озабочены трудностями и, по большей части, доведены до одурения. Они потеряли свой ориентир и мало-помалу идут к тому, что не могут контролировать самих себя. Если даже те, кто приезжает на Святую Гору, столь сильно расстроены и запутаны, столь тревожны, то подумайте, каковы другие, отдаленные от Бога, от Церкви!

Во всех государствах видишь бурю, великое смятение! Несчастный мир — да прострет Бог Свою руку! — кипит, как скороварка. И посмотрите, что творят власть имущие! Стряпают-стряпают, бросают все в скороварку, а она уже свистит! Скоро вылетит клапан! Я сказал одному человеку, занимающему высокую должность: "Почему вы не обращаете внимания на некоторые вещи? К чему это приведет?" Он ответил мне: "Отче, сначала зло было малым снегом, а сейчас оно превратилось в лавину. Помочь может только чудо." Но некоторые, тем способом, которым они хотят помочь положению, делают лавину зла еще больше. Вместо того, чтобы принять определенные меры в отношении образования, воспитания, исправить что-то, они делают еще хуже. Не заботятся о том, как растопить лавину, но делают ее еще большей. Ведь сначала снежку немного. Если он покатится вниз, под откос, то станет снежным комом. Ком, собирая снег, деревья, камни, мусор, становится все больше и больше и превращается в лавину. Так и зло: мало-помалу оно стало уже снежной лавиной и катится вниз. Сейчас для того, чтобы уничтожить лавину зла, требуется бомбовый удар.

— Геронда, Вы переживаете из-за всего этого?

— Ах, а из-за чего же борода моя поседела раньше времени? Мне больно дважды. Сначала, когда что-то предвижу, я кричу чтобы мы предупредили готовящееся зло. И потом, когда на это не обращают внимания (не обязательно от пренебрежения), это зло случается и меня начинают просить о помощи. Понимаю сейчас, как мучались пророки. Величайшими мучениками были пророки! Они были мучениками большими, чем все мученики, несмотря на то, что не все они умерли мученическою смертью. Потому что мученики страдали недолго, тогда как пророки видели, как творится зло, и страдали постоянно. Они все кричали-кричали, а остальные дудели в свою дуду. И когда, по причине этих остальных, приходил гнев Божий, то вместе с ними мучались и пророки. Но тогда, по крайней мере, ум людей был ограничен и в силу этого они оставляли Бога и поклонялись идолам. Сегодня, когда люди оставляют Бога сознательно — совершается величайшее идолослужение.

Мы еще не осознали того, что дьявол ринулся губить творения Божии. Он устроил "панкинию" (Панкиния — "все вместе," "сообща" — работа, в которой участвуют все насельники монастыря или скита. (Далее примечания греческих издателей даются без указаний)), чтобы погубить мир, он пришел в бешенство, потому что в мире начало появляться доброе беспокойство. Он разъярен, потому что знает, что действовать ему остается немного (См. Апок. 12:12). Сейчас он ведет себя как преступник, который, когда его окружают, говорит: "Не спастись мне, они меня схватят!" — и крушит все направо и налево. Или как во время войны, когда закончатся боеприпасы, солдаты вытаскивают штык или саблю, бросаются в бой и — будь что будет! "Все равно, — говорят, — погибать. Убьем же как можно больше врагов!" Мир горит! Вы это понимаете? Обрушилось немалое искушение. Дьявол разжег такой пожар, что даже если все пожарные соберутся вместе, то не смогут его потушить. Духовный пожар — не осталось ничего неповрежденного. Остается только молиться, чтобы Бог пощадил нас. Ведь когда разгорится большой пожар и пожарные не могут ничего сделать, то люди вынуждены обратиться к Богу и просить его о сильном дожде, чтобы пламя погасло. Так и с тем духовным пожаром, который раздул диавол, нужна лишь молитва, чтобы Бог помог.

Весь мир идет к одному. Общий развал. Нельзя сказать: “В доме немного поломано окно или еще что-то, давай я это исправлю.” Весь дом развалился. Мир стал разрушенной деревней. Положение дел уже вышло из-под контроля. Если только сверху — что Бог сделает. Сейчас Богу работать: где отверткой, где пряником, где кнутом, чтобы исправить все это. Мир имеет язву, она пожелтела и готова прорваться, но еще не дозрела. Зло дозревает, как тогда в Иерихоне (См. Нав. 6:23), который требовалось обеззаразить, подвергнуть “дезинфекции.”

Как мучаются люди.

Мучения людей не имеют конца. Общее разложение — целые семьи, взрослые, дети.... Каждый день сердце мое обливается кровью. Большинство домов полно расстройствами, волнениями, тревогой. Только в тех домах, где живут по Богу, людям хорошо. В других же — там разводы, здесь банкротства, где болезни, где несчастные случаи, кто на психотропных лекарствах, кто на наркотиках.... Несчастные: у кого-то больше, у кого-то меньше, но у каждого есть боль. Особенно сейчас — работы нет, долги, страдания, банки из людей тянут последнее, из домов выселяют — целая куча мучений! И это не то что один-два дня! Если и есть в такой семье один-два крепких ребенка, то от такого состояния они заболевают. Если бы люди во многих подобных семьях смогли хоть на один день обрести беззаботность, отстраненность монахов, то это была бы для них самая лучшая Пасха.

Какая в мире беда! Если болеть и беспокоиться о других, а не о себе самом, то весь мир видно, как на рентгене, который “просвечивает” духовными лучами. Молясь, я часто вижу, как детки — малыши несчастные, проходят передо мной горестные и просят Бога о помощи. У них в семье есть проблемы, сложности, и поэтому матери ставят их на молитву — просить помощи от Бога. Они “настраиваются на ту же частоту,” и так мы с ними сообщаемся.

Безопасность и беззащитность.

Мир сегодня заполнили разного рода “безопасностями,” но, будучи отдаленным от Христа, он чувствует величайшую беззащитность. Ни в одну эпоху не существовало такой беззащитности, как у современных людей. И поскольку человеческие безопасности им не помогают, они бегут на корабль Церкви, чтобы почувствовать себя в духовной безопасности, ибо они видят: мирской корабль пошел ко дну. Однако, если они увидят, что и в корабль Церкви сочится вода и там заняты духом мира сего, а Духа Святого нет, тогда люди отчаются, поскольку после этого им уже будет не за что ухватиться.

Мир мучается, погибает и, к несчастью, все люди вынуждены жить среди этого мирского мучения. Большинство ощущает великую оставленность, безразличие — особенно сейчас — ощущает это повсюду. Людям не за что удержаться. Прямо по пословице: “утопающий хватается за собственные волосы,” то есть утопающий ищет, за что бы ухватиться, как бы спастись. Корабль тонет, а кто-то, желая спастись, хочет ухватиться за мачту. Он не думает о том, что мачта пойдет ко дну вместе с кораблем. Он хватается за мачту и тонет еще быстрее. Я хочу сказать, что люди ищут, обо что бы им опереться, за что ухватиться. И если у них нет веры, чтобы опереться на нее, если они не доверились Богу настолько, чтобы полностью на Него положиться, то им не избежать страданий. Доверие Богу — великое дело.

Переживаемые нами годы очень трудны и очень опасны, но, в конце концов, победит Христос. Вот увидите, с каким уважением люди будут относиться к Церкви — лишь бы мы [христиане] жили правильно. Люди поймут, что иначе ничего хорошего не выйдет. Политики уже поняли, что если кто-то и может помочь людям в мире, который превратился в сумасшедший дом, то это люди Церкви. Да, не удивляйтесь! Наши политические деятели признали свое бессилие, подняли руки вверх. Ко мне в каливу пришли как-то несколько политиков и сказали: “Монахи должны идти в мир на проповедь, просвещать людей. Иного выхода нет.” Какие нелегкие годы!.. Если бы вы только знали, до чего мы дошли, и что нас ждет впереди!..

Искания людей.

Как-то зимой ко мне в каливу пришло восемьдесят человек — [люди разные,] от студентов до театральных режиссеров. Со слезами эти люди спрашивали меня, могут ли они... учиться богословию! Состояние мира безумно. Все чего-то ищут, но большинство не знают чего. Одни ищут истину в развлекательных центрах, другие хотят найти Христа, слушая сумасшедшую музыку...

— И правда, Геронда, какие же у людей искания! К Вам приходит столько народу и часами выстаивают на ногах, ожидая очереди, чтобы с Вами встретиться.

— Это тоже одно из знамений времен — люди ищут помощи [даже и] у моей худости. Я не вижу в себе ничего хорошего и удивляюсь: что находят во мне люди, чтобы так нестись ко мне сломя голову? Я ведь на самом-то деле кто: тыква с арбузной коркой. А в наши дни даже тыкву едят вместо арбуза, потому что у нее корка похожа на арбузную. Люди едут ко мне с другого края света и даже не знают точно — застанут меня или нет. А мне каково: с одной стороны, я гнушаюсь самим собой, но с другой — ведь за людей-то тоже больно. До чего же мы дошли! Как низко пал мир! Пророк Исайя говорит, что придет время, когда люди найдут кого-то одного, имеющего ризу, и скажут ему: “Пойдем, мы сделаем тебя царем” (См. Ис. 3:6). Да помилует нас Бог!

Святой Арсений Каппадокийский читал двадцать восьмой псалом о тех, кто терпит опасность в море. А я, читая его, говорю: “Боже мой, ведь уже и суша — то есть весь мир — стала опаснее моря! Люди духовно тонут в миру.” Когда ко мне приходят люди, разуверившиеся в жизни, я читаю им девяносто третий и тридцать шестой псалмы: *“Бог отмщений, Господи Боже отмщений, яви Себя. Восстань, Судья земли, воздай возмездие гордым... попирают народ Твой, Господи, угнетают наследие Твое... Но Господь — зищита моя, и Бог мой — твердыня убежища моего....”* Эти священные слова весьма утешают душу. Если бы несчастные бросили хоть один взгляд на Небо, то многое бы изменилось. Но сегодня люди о Боге не думают. Поэтому старание помочь им духовно не находит в самих людях отдачи, ты не можешь прийти с ними к взаимопониманию.

Я постоянно прошу Бога явить миру добропорядочных людей, христиан, чтобы они помогали остальным. Пусть даст Бог таким добропорядочным христианам многая лета жизни. Давайте молиться о том, чтобы Бог просветил мир и появились другие люди — не такие, как те, кто сегодня разрушает мир, а новые, чистые. Будем просить Бога, чтобы появились новые Маккавеи (Прозвище “Маккавей,” по всей вероятности значение этого слова — “поражающий врагов,” было дано вождю Иудейского восстания, 166 г. до Р.Х. Иуде и его преемникам. Восстание было направлено против Антиоха IV Епифана, предводителя династии Селевкидов. Маккавеи отличались самоотверженной борьбой за отеческую веру и политическую независимость Израиля, см. Книги Маккавейские). Молодым может не хватать опыта, но в них нет лжи и лукавства.

Давайте просить Бога, чтобы Он просвещал не только тех, кто принадлежит к Церкви, но и тех, кто находится у власти, чтобы они имели страх Божий и были способны сказать какое-нибудь просвещенное слово. Власть предержащие одним лишь просвещенным словом могут в два счета изменить положение дел в мире. А одним бестолковым словом они могут разложить целое государство. Доброе решение — благодеяние миру, а дурное решение — катастрофа для него. Беда людей не только в их материальных нуждах, не только в том, что им нечего есть и они терпят лишения. Их духовная беда намного страшнее.

Молитва очень поможет тому, чтобы Христос дал людям немного света. Ведь Христос как [поступает]: возьмет отверточку, где надо чуть подкрутит, где надо чуть ослабит, и – порядок, любо-дорого поглядеть — все налаживается. Когда Бог просвещает некоторых людей, то само зло потихонечку падает в цене, не находит себе спроса. Потому что зло не Бог разрушает, нет — оно разрушает само себя. Придет время и все встанет на свои места. Я вижу, что многие из тех, кто занимает какое-то высокое положение, понимают, что происходит, им больно, и они сражаются со злом. Все это доставляет мне особую радость.

В нашу эпоху не хватает живых примеров.

— Геронда, почему Святой Кирилл Иерусалимский говорит, что мученики последних времен будут "паче всех мученик" ("Мученики первых времен будут выше первых мучеников" Св. Кирилл Иерусалимский. Слова огласительные, 15 огласительное слово. М. 1855. С. 261.)?

— Потому что раньше было много богатырей [духа]. А в нашу эпоху не хватает живых примеров, я говорю сейчас вообще о Церкви и о монашестве. В наше время умножились слова и книги, но умалились жизненные опыты. Мы лишь восхищаемся святыми подвижниками нашей Церкви, не понимая того, насколько велик был их труд. Чтобы это понять, надо потрудиться самим, надо полюбить Святых и от любочестия (Любочестие (греч). В современном русском языке эквивалента этому слову нет. Не буквально его можно перевести как "великодушие," "расположенность к жертвенности," "презрение материальным ради какого-то духовного или нравственного идеала." Это слово часто встречается в речи Старца Паисия, который подчеркивает значение любочестия в духовной жизни. — Прим. пер) приложить усилия к тому, чтобы быть на них похожими. Конечно, Благий Бог примет во внимание и особенности нашей эпохи, и условия, в которых нам приходится жить, и спросит с нас в соответствии с этим. И если мы предпримем хотя бы малый подвиг, то увенчаемся больше, чем христиане древней эпохи.

В старину существовал подвижнический дух. Каждый старался подражать другому. При этом ни зло, ни нерадение не могли устоять. Было изобилие добра, был подвижнический дух, и поэтому человек нерадивый не мог устоять в своем нерадении. Его увлекал за собой общий поток добра. Помню, как-то в Салониках мы ждали сигнала светофора, чтобы перейти улицу. Загорелся зеленый, человеческая масса тронулась, и я почувствовал, что меня несет вместе со всеми. Мне оставалось только переставлять ноги и приближаться к противоположной стороне улицы. Я хочу сказать, что если все идут в одно и то же место, то кому-то одному сложно не идти вместе со всеми — даже если он этого не хочет. Другие увлекают, ведут его вместе с собой. Но сегодня, если человек хочет жить честно, духовно, то в мире ему не находится места, ему приходится нелегко. И если он будет невнимателен, то покатится под горку, его унесет вниз мирской поток.

В прежние времена было обилие добра, обилие добродетели, хватало добрых примеров, и зло тонуло во множестве добра. То немногое бесчинство, которое существовало в миру или в монастырях, было незаметно и не вредило людям. А что происходит сейчас? Злых примеров изобилие, а то немногое добро, что еще осталось, — не ставится ни в грош. То есть сейчас происходит прямо противоположное: малое добро тонет во многом зле, и у власти находится зло.

Если у одного человека или у нескольких людей есть подвижнический дух, это весьма помогает другим. Потому что, если кто-то духовно преуспевает, то польза от этого будет не только ему самому, но и тому, кто его видит. То же самое и с человеком расхлябанным — он воздействует на других. А если расслабляется один, расслабляется другой, то постепенно, неприметным образом, вокруг не остается уже ничего хорошего. Поэтому среди царящей расхлябанности очень поможет подвижнический дух. Нам надо быть чрезвычайно внимательными в этом отношении, потому что нынешние люди, к несчастью, дошли до того, что даже принимают законы, насаждающие расхлябанность и распущенность. Даже подвизающихся принуждают к исполнению этих законов. Поэтому подвизающиеся должны не только не поддаваться влиянию мирского духа, но и не сравнивать себя с людьми мира сего (Слово "***" у Старца Паисия и вообще в греческом языке обычно значит "человек, не принадлежащий к Церкви или принадлежащий к ней лишь номинально." В настоящем тексте это слово, как правило, переводится "человек мирской" или "человек мира сего" — тогда как слову "мирянин" соответствует греческое "***" которое обозначает сознательного христианина, живущего в миру. — Прим. пер.). Сравнивая себя с мирскими, христиане начинают считать себя святыми, затем расслабляются и в итоге доходят до того, что становятся хуже тех, с кем они себя сравнивали. Образцом в духовной жизни должны быть святые, а не люди мира сего. Хорошо бы совершать по отношению к каждой добродетели следующую работу: находить Святого, который этой добродетелью отличался, и со вниманием читать его житие. Тогда человек увидит, что он еще ничего не сделал, и будет продолжать свою духовную жизнь со смирением. Бегуны на стадионе не оглядываются назад, чтобы увидеть, где находятся последние. Ведь если они будут глазеть на последних, то станут последними сами. Если я стараюсь подражать тем, кто преуспевает, то моя совесть утончается. Глядя же на тех, кто плетется в хвосте, я нахожу себе оправдание, извиняю себя тем, что, в сравнении с их погрешностями, мои собственные невелики. Я успокаиваю себя помыслом, что есть кто-то и хуже меня. Так я душу в себе совесть, или, лучше сказать, заканчиваю тем, что мое сердце становится бесчувственным, словно его покрыли слоем штукатурки.

Легко найти "сладкую горку" и покатиться по ней вниз

— А почему, Геронда, мы с таким трудом делаем добро, но настолько легко падаем во зло?

— Потому что в добром, прежде всего, должен потрудиться, приложить усилия сам человек, тогда как в злом человеку помогает диавол. А кроме того, люди не подражают добру, и добрых помыслов у них тоже нет. Я часто привожу мирянам следующий пример. Предположим, у меня есть автомобиль. Я начинаю рассуждать: "Зачем он мне? Меня может подвозить по делам мой знакомый, у которого тоже есть машина. В случае необходимости я могу взять такси. Подарю-ка я лучше эту машину своему знакомому многодетному отцу, чтобы он возил своих несчастных деток за город, по монастырям, чтобы они отдыхали и набирались сил." Итак, если я подарю машину другому, то никто не станет мне в этом подражать. Однако, если я поменяю свой автомобиль — одинаковой марки с вашим — на более хороший, то, вот увидите, вы ночь не будете спать, чтобы найти способ также поменять свою машину на другую, получше, такую же, как у меня. О том, что машина, которую вы имеете сейчас, тоже хорошая, вы и не подумаете. В этом случае вы будете говорить так: "Продам что-нибудь, влезу в долги, но машину поменяю." А в первом случае, напротив, никто не станет мне подражать, никто не скажет: "Зачем она мне нужна, эта машина? Дай-ка я лучше подарю ее тому, кому она действительно необходима!" А то еще скажут, что я спятил.

Люди легко попадают под влияние зла. В глубине души они признают добро, оно вызывает у них уважение. Однако они легко попадают

под влияние зла и увлекаются им, потому что в злом **канонаршит** (“Канонаршит,” то есть подсказывает, что надо делать. От слова “канонарх” — чтец, возглашающий во время богослужения то, что предстоит петь хору.) тангалашка (тангалашка — такое прозвище Старец дал диаволу). Найти “сладкую горку” легко — ведь искуситель только и занимается тем, что подталкивает к этой горке создания Божий. А Христос действует предельно благородно. “Это добро, — говорит Он, — *“Если кто хочет идти за Мной...”* (Мф. 16:24). Он не заставляет идти к Себе силком, не говорит: “А ну-ка, шагом марш, ко мне!” Диавол нечистоплотен. Он спутывает человека по рукам и ногам, чтобы увести его туда, куда он хочет, тогда как Бог чтит свободу человека. Он сотворил людей не рабами, но сынами. Он знал, что произойдет грехопадение, но, даже несмотря на это, не сделал людей Своими рабами. Он предпочел снизойти, воплотиться, претерпеть Распятие и таким образом спасти человека. Бог даровал человеку свободу. И несмотря на то, что диа-вол может использовать ее во многое зло, в дарованной человеку свободе есть благоприятная возможность для того, чтобы люди просеялись. Видно, что человек делает от сердца, [а что нет]. И если у кого-то есть много любочестия, это очень заметно.

Бог не бросает нас на произвол судьбы.

Люди, находясь сегодня в таком [ужасном] состоянии, делают всё, что взбредет им в голову. Одни живут на таблетках, другие — на наркотиках. То и дело трое-четверо прельщенных создают какую-нибудь новую религию. Но преступлений, несчастных случаев, злодеяний происходит относительно немного. Бог помогает людям. Помню, однажды забрел ко мне в каливу один молодец и спрашивает: “Слышь, у тебя гитары нет?” Мало того, что курит гашиш, мало того, что треплет языком, не спрашивая, охота ли другим его слушать, так нет — подавай ему еще и гитару! Иные устали от жизни и хотят наложить на себя руки или же, сделав какое-нибудь зло, устроить хороший тарарам. Речь идет не о тех, у кого эти желания появляются в виде хульного помысла, и они его изгоняют. Сейчас мы говорим о людях, которые устали от жизни и не знают, что им делать. Один такой сказал мне: “Я хочу, чтобы в газетах написали, что я — герой.” Вот таких-то людей некоторые и используют для достижения своих [злых] целей. Но — слава Богу! — зла происходит сравнительно немного.

Несмотря на то, что мы довели себя до такого состояния, Бог не бросает нас на произвол судьбы. Бог оберегает нынешний мир обеими руками — тогда как в прежние времена — только одной. Сегодня, когда человека окружает столько опасностей, Бог оберегает его словно мать ребенка, начинающего ходить. Сейчас Христос, Пресвятая Богородица, Святые помогают нам больше, чем в прежние времена, но мы не понимаем этого. А до чего дошел бы мир, если этой бы помощи не было!.. Большинство людей живут на таблетках, находятся в таком состоянии, что страшно сказать. Один пьян, другой разочарован жизнью, у третьего задурманена голова, четвертый от боли измучен бессонницей. И видишь, как все эти люди водят машины, гоняют на мотоциклах, выполняют работу, сопряженную с риском, работают на опасных станках. Что, разве все они находятся в подходящем для этого состоянии? Сколько народу уже давно могло бы перекалечиться! Как же хранит нас Бог, но мы этого не понимаем...

Помню, как раньше наши родители уходили работать в поле и оставляли нас под присмотром соседки. Мы играли вместе с ее детьми. В те времена дети были уравновешенными. Соседка только иногда поглядывала на нас и продолжала заниматься хозяйством, а мы тихонечко играли. Так же и Христос, Матерь Божия, Святые раньше только присматривали за миром. А сегодня и Христос, и Божия Матерь, и Святые постоянно то одного где-нибудь подхватывают, то другого от чего-нибудь удерживают, потому что люди сейчас неуравновешенны. Сейчас такое творится, что Боже упаси!.. Все равно, что у какой-то матери есть несколько трудных детей: один — глупенький, другой — косенький, третий — неслух.... Вот и приглядывай: и за своими, да еще и за соседкиными. Один забрался высоко и вот-вот сорвется вниз, другой берет нож и хочет перерезать себе горло, третий собирается обидеть четвертого... Мать не может расслабиться, не смыкает глаз, следит за ними, а дети не понимают ее тревоги. Так и мир не понимает того, что Бог помогает ему. Если бы Бог не помогал, то с таким количеством современной опасной техники мир уже давно бы весь перекалечился. Но [к счастью] у нас есть защитники: наш Отец — Бог, наша Мать — Пресвятая Богородица, наши братья и сестры — Святые и Ангелы.

Насколько же велика ненависть диавола к роду человеческому! Как сильно желание врага уничтожить нас! А мы забываем, с кем ведем войну. Если бы вы только знали, сколько раз диавол уже опутывал землю своим хвостом, желая ее погубить! Но Бог не позволяет ему этого, Он разрушает его планы. Бог извлекает пользу даже из того зла, которое стремится сделать тангалашка, Он извлекает из зла великое добро. Диавол сейчас вспахивает землю, но засеивать ее, в конечном итоге, будет Христос.

Посмотрите: ведь Благий Бог никогда не попускает, чтобы великие испытания продолжались более трех поколений. Он всегда оставляет закваску. Перед Вавилонским пленением израильтяне скрыли в пустом колодце огонь от последнего жертвоприношения, чтобы потом зажечь от него огонь для новых жертвоприношений.

И действительно — семьдесят лет спустя, когда они возвратились из плена, огонь для первого жертвоприношения был разожжен от найденного ими в колодце (См. 2 Мак. 1:19-22). В любые тяжелые времена ко злу увлекаются не все. Бог сохраняет закваску для грядущих поколений. Коммунисты и упирались семьдесят пять лет, и продержались семьдесят пять лет — как раз три поколения. А сионисты, несмотря на то, что упираются уже столько лет, — не продержатся и семи.

Грядут нелегкие времена.

Сейчас Бог попускает крепкую встряску. Грядут нелегкие времена. Нас ждут великие испытания. Давайте отнесемся к этому серьезно и станем жить духовно. Обстоятельства вынуждают и будут вынуждать нас работать духовно. Однако эта духовная работа будет иметь цену, если мы совершим ее с радостью, от своего произволения, а не оттого, что нас принудят к этому скорби. Многие Святые просили бы о том, чтобы жить в нашу эпоху, чтобы совершить подвиги.

Я радуюсь, когда некоторые угрожают мне расправой за то, что я не молчу и разрушаю их планы. Когда поздно вечером я слышу, как кто-то прыгает во двор каливы через забор, мое сердце начинает сладостно биться. Но когда ночные пришельцы просят: “Пришла телеграмма, помолись за такого-то больного!,” то я говорю себе: “Ах, вот оно что! Выходит, опять неудача!..” Я говорю так не потому, что мне надоело жить, но потому, что мне радостно умереть за Христа. Давайте же радоваться тому, что сегодня представляется такая благоприятная возможность. Того, кто желает мученичества, ждет великая мзда.

В прежние времена начиналась война, и человек шел сражаться с врагом, защищая свое Отечество, свой народ. Сейчас мы вступаем в сражение не ради защиты Отечества. Мы идем в бой не для того, чтобы воспрепятствовать варварам сжечь наши дома, надругаться над нашей сестрой и нас обесчестить. Мы ведем войну не за национальные интересы и не за какую-то идеологию. Сейчас мы сражаемся либо на стороне Христа, либо на стороне диавола. Кто с кем — расстановка сил предельно ясна. Во время оккупации ты становился героем, если не приветствовал немца. Сейчас ты становишься героем, если не приветствуешь диавола.

Так или иначе, нам предстоит увидеть страшные события. Произойдут духовные битвы. Святые еще больше освятятся, а нечистые станут еще более скверными (См. Апок. 22:11). Я чувствую в себе утешение. Нас ждет гроза, и наша борьба имеет цену, потому что сейчас наш враг — это не Али-Паша, не Гитлер и не Муссолини, но сам диавол. А поэтому и награда наша будет наградой небесной.

Бог, яко Бог Благий да управит зло во благо. Аминь.

Часть первая.
О Грехе и Диаволе.

“Живя вдали от Сладкого Иисуса, мы пьем горькую чашу."

1. Грех вошел в моду.

Геронда, мы слышали, будто Вы сказали кому-то о том, что будет война. Это правда?

— Я-то ничего не говорю, а вот народ говорит всё, что ему вздумается. И даже если я что-то знаю — кому я стану об этом говорить?..

— Война, Геронда, это такое варварство!..

— Если бы люди не “облагородили” грех, то они не дошли бы и до этого варварства. Но еще большее варварство — нравственная катастрофа. Люди разлагаются и душевно и телесно. Один человек сказал мне: “Люди прозвали Афины джунглями, но посмотри — ведь никто из этих джунглей не уходит. Все говорят “джунгли!” и все в эти джунгли сбредаются.” До чего же дошли люди! До состояния животных. Знаете, как у животных: сперва они входят в хлев, испражняются, мочатся, потом навоз начинает разлагаться, перегорать и животным становится тепло. Им нравится в стойле и не хочется никуда из него уходить. Я хочу сказать, что так и люди ощущают “тепло” греха и не хотят уходить. Они чувствуют зловоние, но им неохота уходить от тепла. Если в хлев войдет новичок, то он не сможет выдержать этого зловония. А другой уже привык, он постоянно живет в хлеву, и смрад его не беспокоит.

— А некоторые, Геронда, оправдываются тем, что такая греховная жизнь не в наши дни началась. “Посмотри, — говорят, — что творилось в древнем Риме!..”

— Да, но в Риме люди поклонялись идолам, были язычниками. И Апостол Павел [в Послании к Римлянам] обращался к язычникам, принявшим Святое Крещение, но не отставшим еще от злых привычек (См. Рим. 1:24-32). Не надо брать за образец примеры наибольшего упадка из каждой эпохи. Сегодня грех ввели в моду. Подумать только — ведь мы же православный народ, — но до чего мы докатились! А о других народах даже и говорить нечего... Но хуже всего то, что нынешние люди, повально увлекаясь грехом и видя, что кто-то не следует духу времени, не грешит, имеет капельку благоговения, называют его отсталым, ретроградом. Таких людей задевает, что кто-то не грешит. Грех они считают прогрессом. А это хуже всего. Если бы современные, живущие в грехе люди, по крайней мере, это признавали, то Бог помиловал бы их. Но они оправдывают то, чему нет оправдания, и поют греху дифирамбы. А считать грех прогрессом и говорить, что нравственность отжила свой век — это, кроме всего прочего, самая страшная хула на Святого Духа. Поэтому, если кто-то, живя в миру, подвизается, хранит свою жизнь в чистоте, то это имеет немалую цену. Таких людей ждет великая мзда.

В старые времена распутник или пьяница даже на базар стыдился пойти, потому что люди стали бы над ним насмехаться. А если женщина погуливала, то она и нос-то из дома боялась высунуть. И можно сказать, это являлось некой сдерживающей грех силой. А сегодня если человек живет правильно, если, к примеру, девушка живет в благоговении, то про нее говорят: “Да она что, с луны свалилась?” И вообще: в старину, если люди мирские совершали грех, то они, несчастные, переживали чувство своей греховности и становились маленько посмиренней. Они не высмеивали тех, кто жил духовно, но напротив — любовались ими. А в наши времена те, кто грешат, не чувствуют за собой вины. Уважения к другим у них тоже нет. Всё сравняли с землей. Если человек не живет по-мирски, то грешники делают из него посмешище.

Людей обличает совесть.

Франция — это не какая-нибудь там развивающаяся страна, она шагает впереди многих. Но тем не менее в последние годы (в 1988 г.) восемьдесят тысяч французов стали мусульманами. Почему? А потому, что грех вошел у них в моду, но их обличает совесть, и они хотят ее успокоить. Древние греки, желая оправдать свои страсти, придумали себе двенадцать богов. Так же и французы — постарались найти себе такую религию, которая оправдывала бы их страсти, чтобы этот вопрос их больше не беспокоил. Мусульманство, можно сказать, их устраивает: жен можно брать, сколько хочешь, а в жизни иной эта вера обещает плова — непочатый край, сметаны — хоть пруд пруди, а меду — просто море разливанное. И если умершего омоют после смерти теплой водой, то он [якобы] очищается от грехов — сколько бы их ни было. Идут к Аллаху чистенькими! Да что тут еще нужно? Так все удобно! Но французы не найдут себе покоя. Они стремятся к внутреннему миру, но не найдут его, потому что страстям оправдания нет.

Что бы ни придумывали люди, за каким бы бесчувствием они ни прятались — покоя они все равно не находят. Стремясь оправдать то, чему нет оправдания, они терзаются в душе. Они издерганы изнутри. Поэтому несчастные ищут себе развлечения, бегают по барам и дискотекам, напиваются пьяными, смотрят телевизор... То есть их обличает совесть, и ради того, чтобы забыться, они занимаются глупостями. И даже когда спят — думаешь, они спокойны? У человека есть совесть. Совесть — самое первое Священное Писание, данное Богом первозданным людям. Мы “снимаем” совесть с наших родителей как фотокопию. Как бы человек ни попирал свою совесть — она все равно будет обличать его изнутри. Поэтому и говорят: “Его червь точит.” Ведь нет ничего слаще, чем мирная спокойная совесть. Такой человек чувствует себя внутренне окрыленным, и тогда он летит.

Отходя от Бога, человек испытывает адскую муку.

Я не помню дня, в который не испытывал бы божественного утешения. Перерывы иногда бывают, и тогда я чувствую себя плохо. Таким образом, я в состоянии понять, насколько плохо живет большинство людей. Они отошли от Бога и поэтому лишены божественного утешения. Чем дальше человек отходит от Бога, тем ему труднее. А если иметь Бога, то можно не иметь ничего больше — и ничего больше не желать. Все дело в этом. Если же у человека есть всё, но нет Бога, то он испытывает внутренние мучения. Поэтому, насколько возможно, нам необходимо приблизиться к Богу. Только близ Бога человек находит радость — настоящую, вечную. Живя вдали от Сладкого Иисуса, мы пьем горькую чашу. Когда ветхий человек становится человеком — сыном царским, он питается божественным наслаждением, небесной сладостью и переживает райское радование, уже в этой жизни отчасти ощущает райскую радость. От меньшей райской радости человек каждый день переходит к большей и большей. Он задается вопросом: "Неужели в раю есть что-то выше того, что я переживаю сейчас?" Он переживает такое состояние, что не может заниматься никаким делом. От этой божественной теплоты и сладости его ноги гнутся в коленях, словно свечи. Его сердце захлебывается, трепещет от радости, хочет прорвать тонкую глиняную перегородку грудной клетки и улететь — потому что земля и все земное кажутся сердцу ничего не стоящими пустяками.

Вначале человек находился в общении с Богом. Однако после он отошел от Бога и стал чувствовать себя так, как если бы сначала он жил во дворце, а потом, навсегда оказавшись за дворцовыми воротами, смотрел на дворец издали и плакал. Как страдает ребенок, находясь вдали от матери, так страдает, мучается человек, удалившийся от Бога. Отходя от Бога, человек испытывает адскую муку. Диаволу удалось увести человека от Бога так далеко, что люди стали поклоняться истуканам и приносить в жертву этим истуканам своих детей. Как же это страшно! И вот ведь бесы: откуда они их только откапывают, стольких "богов"? "Бог" Хамос!... (*** — "бог" потомков Моава, старшего сына Лота (см. 3 Цар. 11:7), *** — (новогреч.) — пропажа, погибель, урон. — Прим, пер.) Одно имечко услышишь — уже хватит! Однако больше всех мучается сам диавол — ведь он отошел от Бога, от любви дальше всех. Но если уходит любовь, то начинается адская мука. Что противоположно любви? Злоба. А злоба и мучение — это одно и то же.

Тот, кто отошел от Бога, принимает бесовское воздействие, тогда как тот, кто живет с Богом, приемлет божественную Благодать. Благодать Божия приложится тому, кто ее имеет. А если человек имеет немного Благодати, но обращается с ней без должного благоговения, то у него отнимется и то немногое, что у него есть (Ср. Лк. 19:26). Современным людям не хватает Благодати Божией, потому что, греша, они отбрасывают от себя и те крохи Благодати, которые имеют. А когда уходит божественная Благодать, в человека яростно устремляются все бесы. В соответствии с тем, насколько люди отошли от Бога, они чувствуют огорчение в этой жизни. В жизни иной они будут переживать вечное огорчение. Насколько человек живет согласно воле Божией, настолько — еще в этой жизни — он в некоторой степени вкушает часть райской сладости. Или уже в этой жизни мы будем отчасти переживать райскую радость и отсюда направимся в рай, или же мы будем отчасти переживать адскую муку и — упаси нас от этого Боже — попадем в ад. Рай — это то же самое, что добро, адская мука — то же самое, что зло. Делая добро, человек чувствует радость. Делая грех — страдает. Чем больше добра делает человек, тем больше он радуется, чем больше делает зла, тем сильнее страдает его душа. Чувствует ли радость вор? Какая там радость — ведь ее чувствует тот, кто делает добрые дела. Тут вон даже если найдешь что-нибудь на дороге и поднимешь, сказав себе, что это вещь твоя — и то сразу потеряешь покой. Нашедший не знает, кто потерял эту вещь, он никого не обидел и не ограбил, однако покоя все равно лишается. А что же говорить о воре! Даже когда человек просто что-то принимает от другого — он не чувствует той радости, которую испытывает, когда сам что-то дает. А уж какая там радость, если воровать и обижать самому! Поэтому посмотрите на тех, кто обижает и обманывает других: какие у них страшные лица, как уродливо они гримасничают!

Человеку заплатит тот хозяин, на которого он работает.

Люди, удалившиеся от Бога, никогда не испытывают утешения и мучаются вдвойне. Тот, кто не верует в Бога и будущую жизнь, не только лишен утешения, но и приговаривает себя к вечной муке. Человеку заплатит тот хозяин, на которого он работает. Если ты работаешь на черного хозяина, то уже здесь он сделает твою жизнь черной. Если ты работаешь греху, то с тобой расплатится диавол. Если ты возделываешь добродетель, то тебе заплатит Христос. И чем больше работаешь Христу, тем просветленнее и радостнее становишься. Но мы говорим: "Работать Христу? Да что мы, спятили!" Как это страшно! Непризнание Жертвы Христовой ради человека! Христос претерпел Распятие, чтобы искупить нас от греха, чтобы очистился весь человеческий род. Что сделал для нас Христос, и что делаем для Него мы?..

Люди хотят грешить и иметь добренького Бога. Такого Бога, чтобы Он нас прощал, а мы продолжали бы грешить. То есть, чтобы мы творили всё, что хотим, а Он прощал нас, чтобы Он прощал нас не переставая, а мы дули бы в свою дуду. Люди не веруют и от этого ненасытно бросаются во грех. С этого, то есть с неверия, начинается все зло. Люди не верят в иную жизнь и поэтому не считаются ни с чем. Обижают и обманывают друг друга, бросают своих детей... Творится такое, что язык не поворачивается сказать. Нешуточные грехи. Такие грехи, что даже Святые Отцы не предусмотрели подобного в Священных Канонах. Как сказал Бог о Содоме и Гоморре: "Не верю, неужто и правда творятся такие грехи? Пойду, посмотрю" (См. Быт. 18:21).

Если люди не покаются, не возвратятся к Богу, то они потеряют вечную жизнь. Человек должен помочь себе почувствовать глубочайший смысл жизни. Он должен прийти в себя, чтобы ощутить божественное утешение. Задача в том, чтобы человек духовно возрос, а не просто воздерживался от грехов.

2. В наши дни диавол разгулялся не на шутку.

Своим грехом мы даем диаволу права над собой.

В мире сегодня очень много беснования. Диавол разгулялся не на шутку, потому что нынешние люди дали ему много прав. Люди

подвергаются страшным бесовским воздействиям. Один человек объяснил это очень верно. “Раньше, — говорит, — диавол занимался людьми, а сейчас он ими не занимается. Он выводит их на [свою] дорогу и напутствует: “Ну, ни пуха, ни пера!” А люди бредут по этой дороге сами.” Это страшно. Посмотрите: бесы в стране Гадаринской (Русский перевод издан Троице-Сергиевой Лаврой в 1997 г.) спросили у Христа позволения войти в свиней, потому что свиньи не давали диаволу прав над собой и он не имел право войти в них без разрешения. Христос разрешил ему это, чтобы наказать израильтян, поскольку закон запрещал им употреблять в пищу свинину.

— А некоторые, Геронда, говорят, что диавола нет.

— Да, мне тоже один человек посоветовал убрать из французского перевода книги “Преподобный Арсений Каппадокийский” (См. Лк. 8:26-33) те места, где говорится о бесноватых. “Европейцы, — говорит, — этого не поймут. Они не верят в то, что диавол существует.” Видишь как: они всё объясняют психологией. Если бы евангельские бесноватые попали в руки психиатров, они подвергли бы их лечению электрошоком! Христос лишил диавола права делать зло. Он может делать зло, только если сам человек даст ему на это права. Не соучаствуя в Таинствах Церкви, человек дает лукавому эти права и становится уязвим для бесовского воздействия.

— Геронда, а как еще человек может давать диаволу такие права?

— Логика (Под “логикой” Старец имеет в виду рационализм, рассудочность.), прекословие, упрямство, своеволие, непослушание, бесстыдство — все это отличительные черты диавола. Человек становится уязвим для бесовского воздействия настолько, насколько он имеет в себе перечисленные выше свойства. Однако, когда душа человека очистится, в него вселяется Святой Дух, и человек наполняется Благодатью. Если человек испачкает себя смертными грехами, в него вселяется дух нечистый. Если же грехи, которыми испачкал себя человек, не смертны, то он находится под воздействием лукавого духа извне.

К несчастью, в нашу эпоху люди не хотят отсечь свои страсти, собственное своеволие. Они не принимают советов от других. После этого они начинают говорить с бесстыдством и отгоняют от себя Благодать Божию. А затем человек — куда ни шагни — не может преуспеть, потому что он стал уязвим для бесовских воздействий. Человек уже не в себе, потому что извне им командует диавол. Диавол не внутри его — Боже упаси! Но даже и извне он может командовать человеком.

Человек, оставленный Благодатью, становится хуже диавола. Потому что диавол не делает всего сам, но подстрекает людей на зло. Например, он не совершает преступлений, но подбивает на это людей. И от этого люди становятся бесноватыми.

Исповедь лишает диавола прав над человеком.

Если бы люди, по крайней мере, сходили к духовнику и поисповедывались, то исчезло бы бесовское воздействие, и они снова смогли бы думать. Ведь сейчас из-за бесовского воздействия они не в состоянии даже подумать головой. Покаяние, исповедь лишает диавола прав над человеком. Недавно (1985 г.) на Святую Гору приезжал один колдун. Какими-то чародейскими колышками и сеточками он перегородил в одном месте всю дорогу, ведущую к моей каливе. Если бы там прошел человек, не исповедавший свои грехи, то он бы пострадал, не зная вдобавок причины этого. Увидев на дороге эти колдовские сети, я сразу же осенил себя крестным знамением и пошел по ним ногами — все порвал. Потом пришел в каливу и сам колдун. Он рассказал мне о всех своих замыслах и сжег свои книги.

Диавол не обладает никакой силой и властью над человеком верующим, ходящим в церковь, исповедующимся, причащающимся. Диавол только погавкивает на такого человека, все равно что беззубая собака. Однако он обладает большой властью над человеком неверующим, давшим ему права над собой. Такого человека диавол может и загрызть — в этом случае у него есть зубы и он терзает ими несчастного. Диавол обладает над душой властью в соответствии с тем, какие права она ему дает.

Когда умирает человек, духовно упорядоченный, то восхождение его души на Небо подобно мчащемуся поезду. Гавкающие псы несутся за поездом, захлебываясь лаем, пытаются забежать вперед, а поезд все мчится и мчится — какую-нибудь шавку еще и пополам переедет. Если же умирает человек, духовное состояние которого оставляет желать лучшего, то его душа словно находится в поезде, который ползет еле-еле. Он не может ехать быстрее, потому что неисправны колеса. Псы впрыгивают в открытые двери вагонов и кусают людей.

В случае, если диавол приобрел над человеком большие права, возобладал над ним, должна быть найдена причина происшедшего, чтобы диавол был лишен этих прав. В противном случае, сколько бы ни молились за этого человека другие, — враг не уходит. Он калечит человека. Священники его отчитывают-отчитывают (Изгнание нечистых духов (“экзорцизм” или “отчитка”) — установленный Церковью чин, во время которого священник, читая особые заклинательные молитвы, изгоняет нечистых духов из людей, одержимых ими. Старец подчеркивает, что прибегающий к помощи “отчитки” одержимый обязательно должен покаяться, поисповедоваться в своих грехах перед духовником и иметь решимость жить по-христиански. Подробно о бесновании и “отчитке” говорится в 3-ем томе “Слов” Старца Паисия, русский перевод которого готовится к изданию. — Прим. пер.), а в конечном итоге несчастному становится еще хуже, потому что диавол мучает его больше, чем раньше. Человек должен покаяться, поисповедываться, лишить диавола тех прав, которые он сам ему дал. Только после этого диавол уходит, а иначе человек будет мучиться. Да хоть целый день, хоть два дня его отчитывай, хоть недели, месяцы и годы — диавол обладает правами над несчастным и не уходит.

К чистому созданию Божию диавол не приближается

— Геронда, как же получается, что я порабощаюсь страстям?

— Человек порабощается страстям, дав диаволу права над собой. Запусти всеми своими страстями диаволу в рожу. Этого и Бог хочет, это и в твоих же собственных интересах. То есть гнев, упрямство, тому подобные страсти обрати против врага. Или, лучше сказать, продай свои страсти тангалашке, а на вырученные деньги накупи булыжников и бросай ими в диавола, чтобы он к тебе даже не приближался. Обычно мы, люди, невнимательностью или гордыми помыслами сами позволяем врагу делать нам зло. Тангалашка может воспользоваться одним только помыслом или словом. Помню, была одна семья — очень дружная. Как-то раз муж в шутку начал говорить жене: “Ой, разведусь я с тобой!,” а жена ему тоже в шутку: “Нет, это я с тобой расторгну брак!” Просто так говорили, без задней мысли, но дошутились до того, что этим воспользовался диавол. Он устроил им маленькое осложнение, и они уже всерьез готовы были на развод — ни о детях не подумали, ни о чем другом. К счастью, нашелся один духовник и поговорил с ними. “Вы что же, — говорит, — из-за этой глупости разводитесь?”

Если человек уклоняется от заповедей Божиих, то его борют страсти. И если человек предоставил страсти бороть его, то потом для этого не нужен и диавол. Ведь у бесов тоже есть “специализация.” Они простукивают человека, выискивают, где у него “болит,” стремятся выявить его немощь и, таким образом, побороть его. Надо быть внимательными, закрывать окна и двери — то есть наши чувства. Надо не оставлять для лукавого открытых трещин, не давать ему пролезать через них внутрь. В этих трещинах и пробоинах наши слабые места. Если оставить врагу даже маленькую трещинку, то он может протиснуться внутрь и причинить тебе вред. Диавол входит в человека, у которого в сердце есть грязь. К чистому созданию Божию диавол не приближается. Если сердце человека очистится от грязи, то враг убегает и снова приходит Христос. Как свинья, не найдя грязи, хрюкает и уходит, так и диавол не приближается к сердцу, не имеющему нечистоты. Да и что он забыл в сердце чистом и смиренном? Итак, если мы увидим, что наш дом — сердце — стал вражеским обиталищем — избушкой на курьих ножках, то мы должны ее немедленно разрушить, чтобы ушел тангалашка — наш злобный квартиросъемщик. Ведь если грех живет в человеке долгое время, то, естественно, диавол приобретает над этим человеком большие права.

— Геронда, а если человек раньше жил нерадиво и тем самым дал искусителю права над собой, а теперь хочет исправиться, начать жить внимательно, то борет ли его тангалашка?

— При обращении к Богу человек получает от Него силу, просвещение и утешение, необходимые в начале пути. Но только лишь человек начнет духовную борьбу, как враг воздвигает против него жестокую брань. Вот тогда-то необходимо проявить немножко выдержки. А иначе как искоренятся страсти? Как произойдет совлечение ветхого человека? Как уйдет гордость? А так человек понимает, что сам, своими силами, он не может сделать ничего. Он смиренно просит милости Божией, и к нему приходит смирение. То же самое происходит, когда человек хочет отстать от дурной привычки — например, от курения, наркотиков, пьянства. Вначале он чувствует радость и бросает эту привычку. Потом он видит, как другие курят, употребляют наркотики, пьют, и терпит сильную брань. Если человек преодолеет эту брань, то потом ему уже нетрудно отказаться от этой страсти, повернуться к ней спиной. Надо немножко и поподвизаться, побороться. Тангалашка свое дело делает — так что же мы не делаем своего?

Не будем заводить с тангалашкой бесед.

У всех нас имеются наследственные страсти, но сами по себе они нам не вредят. Все равно, что человек рождается, к примеру, с родинкой на лице, которая придает ему особую красоту. Но если эту родинку расковырять, то может возникнуть раковая опухоль. Не надо позволять диаволу расковыривать наши страсти. Если позволить ему расковырять нашу слабость, то в нас начинается [духовный] рак.

Надо иметь духовную отвагу, презирать диавола и все его лукавые помыслы — “телеграммы.” Не будем заводить с тангалашкой бесед. Даже все адвокаты на свете, соберись они вместе, не смогли бы переспорить одного маленького диаволенка. Прекращение бесед с искусителем очень поможет тому, чтобы порвать с ним связи и избежать искушений. С нами что-то случилось? С нами несправедливо обошлись? Нас обругали? Испытаем, не виноваты ли мы в этом сами. Если не виноваты, то нас ждет мзда. На этом надо остановиться: углубляться не нужно. Если человек продолжит беседовать с тангалашкой, то тот ему потом таких кружев наплетет (То есть тангалашка занимает человека “тонким рукодельем” — внушает ему помыслы, чтобы человек был постоянно “занят,” находился в расстроенном состоянии и не мог работать духовно. Таким образом, диавол делает человека более слабым), такую свистопляску устроит... Тангалашка внушает исследовать происшедшее по законам его, тангалашкиной, “правды” и доводит человека до ожесточения.

Помню, как итальянские войска, уходя из Греции, оставили после себя палатки с грудами ручных гранат. А пороха после них оставались целые кучи. Люди забирали себе эти палатки и то, что было внутри. Дети играли с гранатами, и знаете, сколько их, несчастных, поубивалось! Разве можно играть с гранатами! Так и мы — что же, будем с диаволом в игрушки играть?

Диавол бессилен.

— Геронда, помысел говорит мне, что диавол обладает огромной силой, особенно в наши дни.

— Диавол обладает не силой, а злобой и ненавистью. Всесильна любовь Божия. Сатана корчит из себя всесильного, но не справляется с этой ролью. Он кажется сильным, но на самом деле совершенно бессилен. Многие из его разрушительных планов разваливаются, еще не начав осуществляться. Неужели отец — очень хороший и добрый — позволил бы какой-то там шайке бить своих детей?

— А я, Геронда, боюсь тангалашек.

— Чего ты их боишься? У тангалашек нет никакой силы. Христос всесилен, а диавол — самое настоящее гнилье. Разве ты не носишь на себе крест? Диавольское оружие силы не имеет. Христос вооружил нас Своим Крестом. Враг обладает силой только тогда, когда мы сами складываем наше духовное оружие. Был случай, когда один православный священник показал колдуну маленький крестик и тем самым привел в трепет беса, которого этот колдун призвал своим чародейством.

— А почему он так боится Креста?

— Потому что, когда Христос приял оплевания, заушения и побои, тогда сокрушились царство и власть диавола. Каким же удивительным образом Христос одержал над ним победу! “Тростью сокрушилась держава диавола,” — говорит один Святой. То есть власть диавола сокрушилась, когда Христу был нанесен последний удар тростью по голове. Стало быть, оборонительное духовное средство против диавола — терпение, а сильнейшее оружие против него — смирение. Сокрушение диавола есть самый целебный бальзам, излитый Христом во время Его Крестной Жертвы. После Распятия Христа диавол — словно змея, лишенная яда, словно пес с вырванными зубами. У диавола отнята его ядовитая сила, у псов, то есть бесов, вырваны зубы. Они сейчас обезоружены, а мы вооружены Крестом. Бесы не могут сделать созданию Божию ровным счетом ничего, если мы сами не дадим им на это права. Они только и могут что дебоширить — власти-то у них нет.

Однажды, живя в каливе Честного Креста, я совершил замечательное всенощное бдение! Ночью на чердаке собралось множество бесов. Сначала они со всей силы лупили по чему-то кувалдами, а потом стали шуметь, словно катали по чердаку здоровые чурбаны, кряжи деревьев. Я крестил потолок и пел: "Кресту Твоему покланяемся Владыко..." ("Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и Святое Воскресение Твоё славим" — стихира Честному Кресту). Когда я заканчивал петь, они опять начинали катать чурбаны. "Сейчас, — сказал я им, — разделимся на два клироса. Вы на верхнем катайте чурбаны, а я здесь, на нижнем, буду петь." Когда я начинал петь, они останавливались. Я пел то "Кресту Твоему'...," то "Господи, оружие на диавола Крест Твой дал еси нам..." (Воскресная стихира на Хвалитех 8 гласа). В псалмопении я провел отраднейшую ночь. Как только я умолкал, они продолжали меня забавлять. И ведь какой у них обширный репертуар! Каждый раз придумывают что-то новенькое!..

— А когда Вы запели тропарь в первый раз, они что, не ушли?

— Нет. Только я заканчивал — как вступали они. Видно, надо было петь бдение на два клироса. Прекрасное было бдение. Я пел с чувством! Чудные были дни...

— Геронда, а как выглядит диавол?

— Знаешь, какой он "красавчик"? Ни в сказке сказать, ни пером описать! Если бы ты только его увидела!.. Как [премудро] любовь Божия не позволяет человеку видеть диавола! Увидев его, большинство умерло бы от страха. Подумай, если бы люди видели, как он действует, если бы увидели, до чего он "хорош" собой!.. Правда, некоторые устроили бы себе из этого приятное развлечение. Забыл, как оно называется-то?.. "Кино," что ли?.. Однако такие "кинопросмотры" дорого стоят, и даже несмотря на высокую цену, увидеть такое все равно непросто.

— А рога и хвост у дьявола есть?

— Есть, есть. И рога, и хвост, и все "причиндалы"!

— Геронда, бесы стали такими страшилищами после своего падения, после того, как они превратились из ангелов в демонов?

— Конечно после. Они сейчас такие, словно их молнией ударило. Если молния попадает в дерево, то разве оно не становится в мгновение ока обгорелым бревном? Вот и они сейчас такие, словно в них попала молния. Было время, и я говорил тангалашке: "Приходи, чтобы я тебя видел и не попадался тебе в лапы! Сейчас я на тебя только смотрю, а уже видно, какой ты злющий! А попадись я тебе в лапы — у, представляю, что меня ждет тогда!"

Диавол глуп.

— Геронда, знает ли тангалашка, что у нас в сердце?

— Еще чего! Не хватало еще, чтобы он ведал сердца людей. Сердца ведает только Бог. И только людям Божиим Он иногда для нашего блага открывает, что у нас на сердце. Тангалашка знает только лукавство и злобу, которые он сам насаждает в тех, кто ему служит. Наших добрых помыслов он не знает. Только из опыта он иногда догадывается о них, но и здесь в большинстве случаев дает маху! И если Бог не попустит диаволу что-то понять, то тангалашка постоянно во всем будет ошибаться. Ведь диавол — это такая темнотища! "Видимость — ноль"! Предположим, у меня есть какой-то добрый помысел. Диавол о нем не знает. Если у меня есть помысел злой, то диавол знает его, потому что он сам мне его всевает. Если я сейчас хочу куда-то пойти и сделать доброе дело, например, спасти какого-то человека, то диавол не знает об этом. Однако, если сам диавол подскажет человеку: "Иди и спаси такого-то," то есть подбросит ему такой помысел, то он сам подстегнет его гордость и поэтому будет знать о том, что у этого человека на сердце.

Все это очень тонко. Помните случай с Аввой Макарием? (См. Древний Патерик, М., 1899, С. 343-344) Однажды он встретил диавола, который возвращался из ближайшей пустыни. Он ходил туда искушать живших там монахов. Диавол сказал Авве Макарию: "Вся братия очень жестока со мной, кроме одного моего друга, который слушается меня и, когда видит меня, крутится, как веретено." — "Кто этот брат?" — спросил Авва Макарий. "Его имя Феопемпт," — ответил диавол. Преподобный пошел в пустыню и нашел этого брата. Очень тактично он привел его к откровению помыслов и духовно помог ему. Снова повстречавшись с диаволом, Авва Макарий спросил его о братьях, живущих в пустыне. "Все они очень жестоки со мной, — ответил ему диавол. — И что хуже всего, тот, кто прежде был моим другом, не знаю отчего, изменился и сейчас он самый жестокий из всех." Диавол не знал, что Авва Макарий ходил к брату и исправил его, потому что Преподобный действовал смиренно, от любви. Диавол не имел прав относительно доброго помысла Аввы. Но если бы Преподобный возгордился, то он бы отогнал от себя Благодать Божию и диавол получил бы эти права. Тогда он знал бы о намерении Преподобного, потому что в этом случае тангалашка сам подстегивал бы его гордость.

— А если человек где-то высказал свой добрый помысел, то может ли диавол его подслушать и потом искушать этого человека?

— Как же он подслушает, если в сказанном нет ничего от диавола? Однако, если человек высказал свой помысел с тем, чтобы погордиться, то диавол вмешается. То есть, если у человека есть предрасположенность к гордости и он гордо заявляет: "Я пойду и спасу того-то!," то диавол подключится к делу. В этом случае диавол будет знать о его намерении, тогда как если человек побуждаем любовью и действует смиренно, то диавол об этом не знает. Необходимо внимание. Это дело очень тонкое. Недаром Святые Отцы называют духовную жизнь "наукой из наук."

— Геронда, однако, бывает, что колдун предсказывает, к примеру, трем девушкам, что одна выйдет замуж, другая тоже, но будет несчастна, а третья останется незамужней, и это сбывается. Почему?

У диавола есть опыт. Например, инженер, видя дом в аварийном состоянии, может сказать, сколько еще времени он простоит. Так и диавол видит, как человек живет, и из опыта заключает, чем он кончит.

У диавола нет остроты ума, он очень глуп. Он весь сплошная путаница, конца-края не сыщешь. И ведет себя то как умный, то как дурак. Его плутни — топорной работы. Так устроил Бог, чтобы мы могли его раскусить. Надо быть сильно помраченным гордостью, чтобы не раскусить диавола. Имея смирение, мы в состоянии распознать диавольские сети, потому что смирением человек просвещается и сродняется с Богом. Смирение — это то, что делает диавола калекой.

Зачем Бог попускаем диаволу нас искушать.

— Геронда, зачем Бог попускает диаволу нас искушать?

— Затем, чтобы отобрать Своих детей. “Делай, диавол, все, что хочешь,” — говорит Бог. Ведь что бы ни делал диавол — в итоге он все равно обломает себе зубы о краеугольный камень — Христа. И если мы веруем в то, что Христос есть краеугольный камень, то нам ничего не страшно.

Бог не попускает испытание, если из него не выйдет чего-то хорошего. Видя, что добро, которое произойдет, будет больше, чем зло, Бог оставляет диавола делать свое дело. Помните Ирода? Он убил четырнадцать тысяч младенцев и пополнил небесное воинство четырнадцатью тысячами мучеников-ангелов. Ты где-нибудь видела мучеников-ангелов? Диавол обломал себе зубы! Диоклетиан, жестоко мучая христиан, был сотрудником диавола. Но, сам того не желая, он сделал благо Христовой Церкви, обогатив Ее святыми. Он думал, что истребит всех христиан, но ничего не добился — только оставил нам в поклонение множество святых мощей и обогатил Церковь Христову.

Бог уже давно мог бы расправиться с диаволом, ведь Он — Бог. И сейчас, стоит Ему только захотеть, Он может скрутить диавола в бараний рог, [на веки вечные] отправить его в адскую муку. Но Бог не делает этого для нашего блага. Разве Он позволил бы диаволу терзать и мучить Свое создание? И, однако, до какого-то предела, до времени Он позволил ему это, чтобы диавол помогал нам своей злобой, чтобы он искушал нас, и мы прибегали к Богу. Бог попускает тангалашке искушать нас, только если это ведет к добру. Если это к добру не ведет, то Он ему этого не попускает. Бог все попускает для нашего блага. Мы должны в это верить. Бог позволяет диаволу делать зло, чтобы человек боролся. Ведь не терши, не мявши — не будет и калача. Если бы диавол не искушал нас, то мы могли бы возомнить о себе, будто мы — святые. И поэтому Бог попускает ему уязвлять нас своей злобой. Ведь, нанося нам удары, диавол выбивает весь сор из нашей пропыленной души, и она становится чище. Или же Бог позволяет ему набрасываться и кусать нас, чтобы мы прибегали к Нему за помощью. Бог зовет нас к Себе постоянно, но обычно мы удаляемся от Него и вновь прибегаем к Нему, только когда подвергаемся опасности. Когда человек соединится с Богом, то лукавому некуда втиснуться. Но, кроме этого, и Богу незачем позволять диаволу искушать такого человека, ведь Он попускает это для того, чтобы искушаемый был вынужден прибегнуть к Нему. Но так или иначе, лукавый делает нам добро — помогает нам освятиться. Ради этого Бог его и терпит.

Бог оставил свободными не только людей, но и бесов, поскольку они не вредят, да и не могут повредить душе человека, исключая те случаи, когда сам человек хочет повредить своей душе. Напротив, люди злые или невнимательные — которые, не желая этого, делают нам зло, — готовят нам воздаяние. “Не будь искушений, — никто бы не спасся”[10], — говорит один Авва. Почему он так утверждает? Потому что от искушений происходит немалая польза. Не потому, что диавол был бы когда-нибудь способен сделать добро, нет — он зол. Он хочет разбить нам голову и бросает в нас камень, но Добрый Бог... ловит этот камень и вкладывает его нам в руку. А в ладошку другой руки Он насыпает нам орешков, чтобы мы покололи их этим камнем и покушали! То есть Бог попускает искушения не для того, чтобы диавол нас тиранил. Нет, Он позволяет ему искушать нас, чтобы таким образом мы сдавали экзамены на поступление в иную жизнь и при Втором Христовом Пришествии не имели чрезмерных претензий. Нам надо хорошенько понять, что мы воюем с самим диаволом и будем воевать с ним, пока не уйдем из этой жизни. Пока человек жив, у него много работы, дабы сделать свою душу лучше. Пока он жив, у него есть право на сдачу духовных экзаменов. Если же человек умрет и получит двойку, то из списка экзаменуемых он отчисляется. Пересдачи уже не бывает.

10) Авва Евагрий. Наставления о деятельной жизни. В кн.: Добротолюбие в русском переводе т. I, Троице-Сергиева Лавра, 1992. С. 637.

Диавол не хочет покаяться.

Благий Бог сотворил ангелов. Однако от гордости некоторые из них пали и стали бесами. Бог создал совершенное творение — человека — для того, чтобы он заменил отпадший ангельский чин. Поэтому диавол очень завидует человеку — созданию Божию. Бесы горланят: “Мы совершили один проступок, и Ты нас тиранишь, а людей, у которых на счету так много провинностей, — Ты прощаешь.” Да, прощает, но люди каются, а бывшие ангелы пали так низко, что стали бесами, и вместо того, чтобы покаяться, становятся всё лукавее, всё злобнее. С неистовством они устремились на разрушение созданий Божиих. Денница был самым светлым ангельским чином! А до чего он дошел... От гордости бесы удалились от Бога тысячи лет назад, и по гордости они продолжают удаляться от Него и остаются нераскаянными. Если бы они сказали только одно: “Господи, помилуй,” то Бог что-нибудь придумал бы [для их спасения]. Если бы они только сказали “согрешиx,” но ведь они этого не говорят. Сказав “согрешил,” диавол снова стал бы ангелом. Любовь Божия беспредельна. Но диавол обладает настырной волей, упрямством, эгоизмом. Он не хочет уступить, не хочет спастись. Это страшно. Ведь когда-то он был ангелом!

— Геронда, а помнит ли диавол свое прежнее состояние?

— Ты еще спрашиваешь! Он [весь] — огонь и неистовство, потому что не хочет, чтобы стали ангелами другие, те, кто займут его прежнее место. И чем дальше, тем хуже он становится. Он развивается в злобе и зависти. О, если бы человек ощутил состояние, в котором находится диавол! Он плакал бы день и ночь. Даже когда какой-нибудь добрый человек изменяется к худшему, становится преступником, его очень жаль. А что же говорить, если видишь падение ангела!

Как-то раз одному монаху (Как было выяснено позднее, этим монахом был сам Старец Паисий.) стало очень больно за бесов. Приклонив колена, пав ниц, он молился Богу следующими словами: “Ты — Бог, и стоит Тебе захотеть, Ты можешь найти способ для спасения и этих несчастных бесов, которые сперва имели столь великую славу, а сейчас обладают всей злобой и коварством мира, и если бы не Твое заступничество, то они погубили бы всех людей.” Монах молился с болью. Произнося эти слова, он увидел рядом с собой морду пса, который высовывал ему язык и его передразнивал. Видимо, Бог попустил это, желая известить монаха, что Он готов принять бесов, лишь бы они покаялись. Но они сами не желают своего спасения. Посмотрите — падение Адама уврачевалось пришествием Бога на землю, Вочеловечением. Но падение диавола не может быть уврачевано ничем иным, кроме его собственного смирения. Диавол не исправляется потому, что не хочет этого сам. Знаете, как был бы рад Христос, если бы диавол захотел исправиться! И человек не исправляется лишь в том случае, если не хочет этого сам.

— Геронда, так что же — диавол знает, что Бог есть Любовь, знает, что Он любит его, и, несмотря на это, продолжает свое?

— Как не знает! Но разве его гордость позволит ему смириться? А кроме этого, он еще и лукав. Сейчас он старается приобрести весь мир. “Если у меня будет больше последователей, — говорит он, — то, в конце концов, Бог будет вынужден пощадить все Свои создания, и я тоже буду включён в этот план!” Так он полагает. Поэтому он хочет привлечь на свою сторону как можно больше народу. Видите, куда он клонит? "На моей, — говорит, — стороне столько людей! Бог будет вынужден оказать милость и мне!” [Он хочет спастись] без покаяния! А разве не то же самое сделал Иуда? Он знал, что Христос освободит умерших из ада. “Пойду-ка я в ад прежде Христа, — сказал Иуда, — чтобы Он освободил и меня!” Видишь, какое лукавство? Вместо того, чтобы попросить у Христа прощения, он сунул голову в петлю. И посмотрите, благоутробие Божие согнуло смоковницу, на которой он повесился, но Иуда [,не желая остаться в живых,] поджал под себя ноги, чтобы они не касались земли. И все это ради того, чтобы не сказать одно-единственное “прости.” Как это страшно! Так и стоящий во главе эгоизма диавол не говорит “согреших,” но без конца бьется над тем, чтобы перетянуть на свою сторону как можно больше народу.

От смирения диавол рассыпается в прах.

Смирение обладает великой силой. От смирения диавол рассыпается в прах. Оно — самый сильный шоковый удар по диаволу. Там, где есть смирение, диаволу не находится места. А если нет места диаволу, следовательно, нет и искушений. Как-то раз один подвижник принудил тангалашку сказать “Святый Боже....” “Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный!” — протарабанил тангалашка и на этом остановился, “помилуй нас” не говорил. — “Скажи, “помилуй нас!” Куда там! Если бы он сказал эти слова, то стал бы ангелом. Тангалашка может сказать все, что хочешь, кроме “помилуй нас,” потому что для произнесения этих слов необходимо смирение. В прошении “помилуй нас” есть смирение — и просящая великой милости Божией душа приемлет просимое.

Что бы мы ни делали, необходимы смирение, любовь, благородство. Ведь это так просто — мы усложняем [нашу духовную жизнь] сами. Будем, насколько возможно, усложнять жизнь диавола и облегчать жизнь человека. Сложны для диавола и легки для человека любовь и смирение. Даже слабый, болезненный, не имеющий сил для подвижничества человек может победить диавола смирением. Человек может в одну минуту превратиться в ангела или в тангалашку. Как? Смирением или гордостью. Разве много времени понадобилось для того, чтобы Денница превратился из ангела в диавола? Его падение произошло за несколько мгновений. Самый легкий способ спастись — это любовь и смирение. Поэтому нам нужно начать с любви и смирения, а уже потом переходить к остальному.

Молитесь Христу о том, чтобы мы постоянно радовали Его и расстраивали тангалашку, коли ему так нравится адская мука и он не хочет покаяться.

3. О мирском духе.

Диавол правит суетой.

Геронда, почему диавола называют “миродержцем”? Он что, правда, владычествует миром?

— Этого еще не хватало, чтобы диавол правил миром! Сказав о диаволе *“князь мира сего”* (Ин. 16:11), Христос имел в виду не то, что он миродержец, но то, что он господствует суетой, ложью. Да разве можно! Разве Бог допустил бы диавола до миродержительства? Однако те, чьи сердца отданы суетному, мирскому, живут под властью *“миродержителя века сего”* (Еф. 6:12). То есть диавол правит суетой и теми, кто порабощен суете, миру. Ведь что значит слово “мир”? Украшения, суетные финтифлюшки, не так ли? (Значения слова “***” в древнегреческом языке: “1. украшение, наряд, 2. порядок, 3. мир, вселенная, 4. все мирское и земное.” См. А.Д. Вейсман, Греческо-русский словарь, С-П6, 1899, С. 725). Итак, под властью диавола находится тот, кто порабощен суетой. Сердце, плененное суетным миром, удерживает душу в состоянии неразвивающемся, а ум — в помрачении. И тогда человек только кажется человеком, по сути же он является духовным недоноском.

Помысел говорит мне, что величайший враг нашей души, враг больший, чем даже диавол, это мирской дух. Он сладко увлекает нас и навеки оставляет нас с горечью. Тогда как если бы мы увидели самого диавола, то нас охватил бы ужас, мы были бы вынуждены прибегнуть к Богу и без сомнения шли бы в рай. В нашу эпоху в мир вошло много мирского, много духа мира сего. Это “мирское” разрушит мир. Приняв в себя мир сей, [став изнутри “мирскими”], люди изгнали из себя Христа.

— Геронда, почему же мы не понимаем, как много зла приносит мирской дух, и увлекаемся им?

— Потому что мирской дух проникает в нашу жизнь мало-помалу. Как еж к зайцу в домик входил: сначала он попросил зайца разрешения просунуть в его домик свою голову, чтобы она не мокла под дождем. Потом просунул в домик одну лапку, потом другую и, наконец, весь протиснулся внутрь и своими иголками вытеснил косого из его жилища. Так и мирское мудрование обманывает нас маленькими уступками и мало-помалу овладевает нами. Зло идет вперед потихоньку. Если бы оно продвигалось резкими скачками, то мы бы не обманывались. Когда [озорники] ошпаривают лягушку, то льют на неё кипятком по капельке. Если вылить на лягушку весь кипяток сразу, то она подпрыгивает и убегает от опасности. Если же чуть полить на нее кипятком, то сначала она стряхнет его, а потом успокоится. Если продолжать лить понемногу, то сперва она опять будет его немного стряхивать, но постепенно обварится и не заметив как. “Да что же ты, квакушка! Раз на тебя плеснули кипятком, вскакивай и беги! Нет, не убегает. Надувается, надувается, а потом обваривается. Так же поступает и диавол — он “обдает нас кипятком” по капельке, а в конечном итоге, и не заметив как, мы оказываемся “сваренными” (Старец приводит этот пример для того, чтобы показать, насколько легко мы принимаем зло или грех, если они входят в нашу жизнь потихоньку, шаг за шагом. Если бы зло или грех вторгались в нашу жизнь резко, то мы бы им противодействовали, тогда как постепенно уступая злу, мы к нему привыкаем и в конечном итоге всецело порабощаемся им. — Прим. пер).

Предпочтение должно быть отдано красоте души.

Душа, которую трогают красоты вещественного мира, подтверждает, что в ней живет суетный мир. Поэтому она увлекается не Создателем — а созданием, не Богом — а глиной. То, что эта глина чиста и не имеет греховной грязи, значения не имеет. Пленяясь мирскими красотами, которые, хотя не греховны, не перестают, тем не менее, быть суетными, сердце ощущает временную радость — радость, лишенную божественного утешения, внутреннего окрыления с духовным ликованием. Когда же человек любит духовную красоту, то наполняется и хорошеет его душа.

Если бы человек, и особенно монах, ведал свое внутреннее неприглядство, то за внешними красотами он бы не гнался. Душа так испачкана, так замызгана, а мы будем заботиться, например, об одежде? Одежду мы стираем, утюжим, и снаружи мы чисты, но какие мы внутри — об этом лучше и не спрашивать. Поэтому, обратив внимание на свою внутреннюю духовную нечистоту, человек не будет терять время на то, чтобы скрупулезно вычищать свою одежду до последнего пятнышка — ведь эта одежда в тысячу раз чище его души. Но, не обращая внимания на скопившийся в нем духовный мусор, человек тщательно старается вывести со своей одежды даже самое маленькое пятнышко. Всю заботу нужно обратить на чистоту духовную, на внутреннюю, а не на внешнюю красоту. Предпочтение должно быть отдано не суетным красотам, а красоте души, духовной красоте. Ведь и Господь наш сказал, что сколько стоит одна душа, не стоит весь мир (Мф. 16:26).

Мирские пожелания.

Тех, кто не обуздывает своего сердца, стремящегося к таким вещественным пожеланиям, без которых можно обойтись (о плотских похотях не идет даже и речи), тех, кто не соберет свой ум в сердце, чтобы вместе с душой отдать их Богу, ждет сугубое несчастье.

— Геронда, желать чего-то это всегда плохо?

— Нет, само по себе сердечное пожелание не является злым. Но вещи, пусть даже и не греховные, пленяя частичку моего сердца, уменьшают мою любовь ко Христу. И такое негреховное хотение тоже становится злым, потому что через него враг мешает моей любви ко Христу. Если я желаю получить что-то полезное, например, книгу, и это полезное пленяет частичку моего сердца, то такое пожелание недобро. Почему книга должна пленять часть моего сердца? Что лучше — хотеть книгу или вожделевать Христа? Любое пожелание человека — каким бы хорошим оно ни казалось, — [всё-таки] ниже, чем желать Христа или Пресвятую Богородицу. Разве может Бог не отдать мне всего Себя, если я отдам Ему свое сердце? Бог ищет сердца человека. *“Сын Мой, отдай сердце твое Мне”* (Притч.23:26). И если человек отдаст Ему свое сердце, то после Бог дает ему то, что любит его сердце, лишь бы это было ему не во вред. Сердце не растрачивает себя зря только тогда, когда оно отдается Христу. И только во Христе человек в этой жизни обретает отдачу божественной любви, а в жизни иной, вечной — божественное радование.

Нам следует избегать мирских вещей, чтобы они не пленяли нашего сердца. Будем пользоваться вещами простыми, такими, чтобы они лишь обеспечивали наши потребности. Однако будем заботиться о том, чтобы используемые нами вещи были надежными. Желая пользоваться какой-то красивой вещью, я отдаю этой красоте все свое сердце. Для Бога потом в сердце не остается места. Например, проходя мимо какого-то дома, ты видишь роскошные украшения, мрамор, отделку, восхищаешься камнями и кирпичами и оставляешь среди всего этого свое сердце. Или ты видишь в магазине красивую оправу для очков, и тебе хочется ее купить. Если ты ее не купишь, то оставишь свое сердце в этом магазине. Если же купишь и будешь носить, то твое сердце будет вставлено в эту оправу и приклеено к ней. Особенно легко попадаются на эту удочку женщины. Женщин, которые не растрачивают свое сердце по суетным пустякам, немного. Я хочу сказать, что диавол расхищает их богатые сердца с помощью всего мирского, цветного, блестящего. Если женщине понадобится тарелка, то она будет стараться найти тарелку с цветочками. Можно подумать, что в тарелке без цветочков прокиснет ее стряпня! А некоторые духовные женщины попадаются на серьезных рисунках — двуглавых [византийских] орлах и тому подобном. А потом спрашивают: “Почему мы бесчувственны по отношению к духовному?” Но как же ты придешь в чувство, если твое сердце распылено по шкафчикам и блюдечкам? У тебя нет сердца — есть лишь кусок мяса — сердечная мышца, которая тикает в твоей груди подобно часам. А такой механической работы сердца хватает лишь на то, чтобы ноги переставлять. Потому что немного сердца уходит к одному, немного к другому, и для Христа ничего не остается.

— Геронда, стало быть, греховны даже столь простые пожелания?

— Эти пожелания, насколько бы безгрешными они ни были, еще хуже, чем желания греховные. Ведь греховная похоть когда-нибудь почувствуется человеком как грех — со временем он начнет испытывать угрызения совести и приложит старание, чтобы исправиться. Он покается, скажет: “Согрешил, Боже мой.” Тогда как эти “добрые” пожелания, напротив, его не беспокоят, человек полагает, что у него все в порядке. “Я, — говорит, — люблю все хорошее, все красивое. Ведь и Бог тоже создал все красивым.” Да, это так, но любовь такого человека направлена не к Творцу, а к тварному. Поэтому хорошо, если мы отсекаем всякое пожелание. Когда человек прилагает какое-то усилие ради Христа, жертвует тем, что он любит, — каким бы хорошим оно ни было, — и делает то, что не любит, то Бог дает ему больший покой. До того, как сердце очистится, оно имеет мирские хотения, и они его радуют. Однако, очистившись, сердце печалится от мирских хотений, чувствует к ним отвращение. И тогда сердце радуется духовному. Таким образом, гнушаясь мирскими хотениями, сердце становится чистым. Не почувствовав отвращения к этим хотениям, сердце увлекается ими. Но видишь как получается: мы не хотим даже чуточку стеснить нашего ветхого человека, а хотим исполнять его прихоти. Как же после этого мы станем подражателями Христу?

— Геронда, если мне трудно отсечь какое-то пожелание, то надо ли упорствовать в борьбе?

— Да. Пусть даже твое сердце испытывает огорчение из-за того, что ты не идешь у него на поводу и не делаешь то, что оно любит, — его не надо слушаться, потому что, послушавшись его, ты испытаешь сначала мирскую радость, а после — мирскую тревогу. Если же ты не слушаешься своего сердца и оно огорчается тем, что ты не пошел у него на поводу, а ты этому радуешься, то приходит божественная Благодать. А стяжание божественной Благодати и есть наша задача. То есть для стяжания божественной Благодати должны быть отсечены пожелания — даже хорошие, должно быть отсечено своеволие. Тогда человек смиряется. А когда он смирится — приходит божественная Благодать. Охладев к мирскому, сердце возрадуется духовно. Надо, насколько это возможно, выучиться избегать мирского утешения, заниматься внутренним духовным деланием для стяжания утешения божественного.

Мирские радости — это радости вещественные.

— Геронда, часто люди мирские говорят, что, имея все блага, они ощущают какую-то пустоту.

— Настоящая, чистая радость обретается близ Христа. Соединившись с Ним в молитве, ты увидишь свою душу наполненной. Люди мира сего ищут радость в наслаждениях. Некоторые духовные люди ищут радость в богословских диспутах, беседах и тому подобном. Но когда их богословские разговоры заканчиваются, они остаются с пустотой и спрашивают себя, что им делать дальше. Каким бы ни было то, чем они занимаются — греховным или нейтральным, — результат одинаков. Пошли бы уж лучше тогда поспали, чтобы утром пойти на работу со свежей головой.

Духовная радость не приходит к тому, кто исполняет мирские похотения своего сердца. Такого человека посещает беспокойство. Духовные люди чувствуют тревогу от мирской радости. Мирская радость не постоянна, не истинна. Это временная, сиюминутная радость — радость вещественная, не духовная. Мирские радости не "заряжают" человеческую душу, а лишь засоряют ее. Ощутив духовную радость, мы не захотим радости вещественной. *"Буду насыщаться образом Твоим."* (Пс. 16:15). Мирская радость не восстанавливает, но отнимает силы духовного человека. Посади человека духовного в мирские апартаменты — он там не отдохнет. Да и человек мирской: ему будет лишь казаться, что он отдыхает, а на самом деле он будет мучиться. Внешне будет радоваться, но внутреннего удовлетворения это ему не принесёт и он будет страдать.

— Геронда, среди мирских порядков дышать тесно!

— Людям тесно дышать, но ведь они и сами этой тесноты хотят! Как лягушка — ведь она сама прыгает в пасть змеи. Змея подстерегает возле водоема и, не отрываясь, смотрит на лягушку. Засмотревшись на змею и потеряв над собой контроль, лягушка, как зачарованная, бежит с кваканьем в её пасть. Змея отравляет ее ядом, чтобы она не сопротивлялась. Тут лягушка пищит, но даже если прийти к ней на помощь и прогнать змею, лягушка все равно подохнет, будучи уже отравленной.

— Геронда, почему люди радуются мирским вещам?

— Нынешние люди не думают о вечности. Себялюбие помогает им забыть о том, что они потеряют всё. Они не осознали еще глубочайшего смысла жизни, не ощутили иных, небесных радостей. Сердце этих людей не устремляется радостно к чему-то высшему. Например, ты даешь человеку тыкву. "Какая восхитительная тыква!" — говорит он. Ты даешь ему ананас. "Ну и чешуя же у этих ананасов!" — говорит он и выбрасывает ананас, потому что он никогда его не пробовал. Или скажи кроту: "Как прекрасно солнце!" — он опять зароется в землю. Те, кого удовлетворяет вещественный мир, подобны глупым птенцам, которые сидят в яйце без шума, не пытаются пробить скорлупу, вылезти и порадоваться солнышку — небесному полету в райскую жизнь, — но, сидя не шевелясь, умирают внутри яичной скорлупы.

Мирской дух в духовной жизни.

— Геронда, иногда Вы говорите, что такой-то человек глядит через европейскую лупу, а не с помощью восточного духа. Что Вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что он глядит европейским глазом, европейской логикой, без веры, по-человечески.

— А что такое восточный дух?

— "Восток востоков и сущии во тьме и сени!" ("Посетил ны есть свыше, Спас наш Восток Востоков, и сущии во тьме и сени обретохом Истину, ибо от Девы родился Господь." Светилен по 9 песне на Рождество Христово)

— То есть?

— Говоря, что кто-то уловил восточный дух и оставил дух европейский, я хочу сказать, что, оставив логику, рационализм, человек уловил простоту и благоговение. Ведь простота и благоговение — это и есть православный дух, в котором почивает Христос, Сегодня духовным людям часто не хватает простоты — той святой простоты, которая восстанавливает силы души. Не отказавшись от мирского духа, не начав вести себя просто, то есть, не думая, как на тебя посмотрят или что о тебе скажут другие, человек не вступает в родство с Богом, со святыми. Для того чтобы вступить в такое родство, необходимо начать жить в духовном пространстве. Чем с большею простотой ведет себя человек — особенно в монашеском общежитии — тем глаже, "обкатанней" он становится, потому что стираются выпуклости страстей. Если же это не так, то он старается сфабриковать из себя человека ложного. Поэтому, для того, чтобы уподобиться ангелам, постараемся сбросить с себя костюмы мирского карнавала.

Знаете, чем отличаются люди мирские от людей духовных? Люди мирские заботятся о том, чтобы был чистым их двор. Их не интересует, замусорен ли их дом изнутри. Они чистят двор и заметают сор внутрь дома. "Людям, — говорят, — виден двор, дом изнутри они не видят." То есть, пусть я буду замусорен внутри, но не извне. Им хочется, чтобы другие ими любовались. Люди же духовные заботятся о том, чтобы дом был чист внутри. Их не волнует, что скажут о них люди, потому что Христос обитает в доме — в сердце, а не во дворе.

Однако бывает, что и духовные люди ведут себя напоказ, по-мирски, и, скажем более определенно, по-фарисейски. Такие люди думают не о том, как попасть в рай, к Богу, но о том, как в этой жизни показаться хорошими. Они лишают себя всех духовных радостей, тогда как они могли бы переживать райское состояние уже здесь. И, таким образом, они остаются людьми перстными. Они стараются вести духовную жизнь по мирским обычаям. Однако внутри они пусты — Бога в них нет.

К несчастью, мирской дух оказал сильное влияние даже на духовных людей. А если люди духовные действуют и думают по-мирски, то что остается делать и думать людям мирским? Когда я попросил некоторых людей помочь юношам-наркоманам, то они мне ответили: "Если мы устроим приют для наркоманов, то на это дело никто не захочет жертвовать. Поэтому лучше мы устроим дом престарелых." Я не говорю, что дом престарелых не нужен — нужен и еще как. Но если мы исходим из таких предпосылок, то наша благотворительность закончится крахом. Люди не понимают того, что мирская удачливость — это духовная неудача.

Мирской дух в монашестве.

— Геронда, многие говорят нам: "Вы здесь как в раю живете."

— Молитесь, чтобы не остаться без другого рая. Я был бы доволен, если бы на людей мирских производило впечатление ваше духовное развитие, но сами вы — как раз по причине этого самого развития — не видели бы того впечатления, которое производите на других, не стремились бы произвести какого-либо впечатления, чтобы оно было внутреннее и естественное, происходило само по себе. Постарайтесь не потерять себя в бесполезном — иначе вы потеряете Христа. Старайтесь, чтобы ваша совесть становилась как можно более монашеской. Живите духовно, как монахини. Не забывайте о Христе, чтобы и Он помнил о вас. Моя цель не в том, чтобы вас огорчать, но в том, чтобы помогать вам, укреплять вас. Мирской дух, проникая в монашество, огорчает самого Христа. Постарайтесь различать этот чуждый дух и гоните его прочь.

К несчастью, мирской дух проник из мира и во многие монастыри. Причина этого в том, что в нашу эпоху некоторые духовные наставники направляют течение монашества по мирскому руслу, и к благодатному святоотеческому духу души иноков не текут. Я вижу, что сегодня в монастырях господствует дух, противоположный святоотеческому. Доброго, святоотеческого монахи не принимают. То есть они не живут духовно. Действуя во имя послушания и отсечения своей воли, они уравнивают духовные высоты с землей и занимаются мирским своеволием. Живя так, они не преуспевают, потому что вместе с ними в монастыре "подвизается" искуситель, мирской дух. Мы не имеем права истолковывать заповеди Божий, как нам выгодно. Мы не имеем права изображать монашество таким, каким нам хочется. Признавать свои немощи и смиренно просить милости Божией — дело совсем другое. Величайшее зло, по-моему, в том, что некоторые считают этот мирской дух прогрессом. Следовало бы осознать этот дух падением и изблевать его из себя, чтобы духовно очиститься. И тогда сразу же придет Дух Святой, который освящает, извещает и утверждает души.

А есть и такие монахи, которые говорят: "Мы должны проявить нашу культуру." Какую культуру? Мирскую? Было бы естественно, если бы мы, как монахи, проявляли нашу духовную культуру, духовное развитие. Какое духовное развитие? А вот какое: не стараться опередить людей мирских в развитии мирском, ведь это мирское развитие мучает даже их, не говоря уже о монахах. Наша духовная скорость должна быть такой высокой, чтобы и люди мира сего увлекались вслед за нами. Если мы, монахи, делаем то же самое, что какой-нибудь высокодуховный мирянин, то людям мирским это опять-таки не на пользу, потому что пример высокодуховного мирянина у них есть и без нас. Наша жизнь должна быть более высокой, чем жизнь духовных мирян. Монах не должен ставить перед собой цели показать другим какое-то мирское развитие. Это наносит монашеству оскорбление. Монах, мыслящий по-мирски, показывает, что он сбился с пути — он вышел в него ради Христа, но его душа стремится в мир. Путем мирского развития, которое считается прогрессом, монашество приходит к духовному разложению.

Из монашества исчезает очень многое, подобно тому, как из мира исчезают честь, уважение и их называют отжившими свой век. Поэтому мне больно до того, что хоть криком кричи. Мне хочется уйти куда-нибудь подальше [чтобы не видеть всего этого]. Тот, кто не пережил ничего высшего, не очень-то переживает за свою духовную жизнь, в которой он устраивает всё по своему типикону. Однако знаете, какая мука жить по такому типикону человеку, который вкусил чего-то высшего? Если бы Христос удостоил меня жить так, как я хочу, — по-монашески и — умереть молодцом, то я считал бы это смертью в бою, на передовой. Сейчас такое время, что умереть, пойти на исповедничество, совершить жертву стоит и только ради того, чтобы не были хулимы Святые Отцы.

Мы всё читаем и читаем о преподобных отцах, но даже немножко не задумываемся о том, где и как они жили. Господь сказал: *"Лисицы имеют норы,... а Сын Человеческий не имеет где преклонить голову"* (Мф. 8:20 и Лк. 9:58). Это потрясает. Преподобные отцы старались жить в пещерах и быть похожими на Христа. Они ощущали радость Христову, потому что подражали Ему во всем. Их интересовало только это. Святые Отцы превратили пустыню в духовный град, а мы сегодня превращаем ее в мирской город.

Церковь Христова убегает в пустыню, чтобы спастись (Апок. 12:6), а мы превращаем пустыню в мирской город. А люди соблазнятся этим, останутся без помощи и после им будет не за что ухватиться. Вот эту-то великую опасность я вижу в переживаемые нами трудные годы. При том, что сегодня нам следовало бы жить более по-монашески, чтобы иметь божественные силы, мы, к несчастью, попадаем под влияние мирского духа, он изменяет нас в худшую сторону, и мы становимся бессильными. То есть мы сами изгоняем из себя наш дух и становимся мертвым телом.

Монахи, которые живут в монашестве внешне, сегодня есть. Они не курят, не совершают плотских грехов, читают Добротолюбие, сыплют цитатами из святых отцов. В миру те из детей, кто не врал, осенял себя крестным знамением, ходил в Церковь, а когда становился постарше, был несколько внимателен в нравственном отношении, считали, что этого достаточно. Точно такой же жизнью живут в некоторых монастырях, и это привлекает туда мирян. Но, познакомившись с такими монахами поближе, миряне видят, что они ничем не отличаются от людей мира сего, потому что весь мирской дух они сохраняют. А если бы они курили, читали газеты, разговаривали о политике, то миряне, по крайней мере, избегали бы их, как людей мира сего, и монашество не повреждалось бы.

Чем духовно ослабленный монах может тронуть сердце мирского человека? Если оставить спирт в открытой бутылке, то он выдохнется, потеряет всю свою крепость, не сможет ни убивать микробов, ни гореть. А если заправить таким выдохшимся спиртом спиртовку, то он вдобавок испортит и фитиль. Так и монах: будучи невнимательным, он отгоняет от себя божественную Благодать и после этого имеет лишь схиму — вид монаха. Он подобен выдохшемуся спирту и не может "прижечь" дьявола. Ведь "свет монахов суть ангелы, а свет человеков монахи!" ("Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех человеков монашеское житие; и поэтому да подвизаются иноки быть благим примером во всем, никому же ни в чем же претыкание дающе ни делом, ни словами (2 Кор. 6:3). Если же свет сей бывает тьма, то оная тьма, то есть сущие в мире кольми паче помрачаются." Преподобного Отца Аввы Иоанна Игумена Синайской Горы Лествица в русском переводе. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1898, С. 181). Но "выдохшиеся" монахи перестают быть светом. Знаете, насколько разрушительно мирское мудрование! Если из монашества уходит его духовная сила, то в нем уже ничего не остается. Ведь "если соль обуяет," то она не годится даже на удобрение. Помои, мусор становятся перегноем, но не соль. Если "удобрить" солью растение, то она его сожжет. В ту эпоху, которую мы сейчас переживаем, монашеству следует ярко сиять. Всей этой гнили и разложению требуется соль. Если в монастырях не будет мирского мудрования, если их состояние будет духовным, то это станет их величайшим приношением обществу. Им не нужно будет ни говорить, ни делать что-то еще, потому что они будут говорить своей жизнью. Сегодня мир нуждается именно в этом.

А посмотрите на католиков — до чего дошли они! Помню, как много лет назад, когда я был в монастыре Стомион в Конице, кто-то принес мне обрывок газеты, где было написано: "Триста католических монахинь выразили протест — сначала в связи с тем, что их не допустили на просмотр художественного фильма в кинотеатре, а потом другой протест — почему их платья не до колен, а до щиколоток." Прочитав это, я был настолько возмущен, что даже сказал: "Да в конце концов, зачем же вы становились монахинями?" А в конце заметки было написано, что они сбросили рясы, вернулись в мир. Но с таким образом мыслей они вернулись в него еще раньше. А в другой раз мне довелось увидеть католическую монахиню, которая занималась якобы миссионерской работой и была, — как бы это выразиться, — ну все равно, что некоторые зело мирские девицы. Совершенно никакого отличия! Так не попустим же и мы этому европейскому духу вселиться в нас, чтобы и нам не дойти до такого.

— Геронда, отбросить мирское мудрование представляется мне тяжелым делом.

— Это не трудно, но только необходимо бодрствование. Постоянно размышляй о том, что говорил Арсений Великий: "Ради чего ты ушел из мира?.." (См. Достопамятные сказания о подвижничестве Святых и Блаженных Отцов. Свято-Троице-Сергиева Лавра. 1993, С. 27). Мы забываем, ради чего пришли в монастырь. Худо-бедно, но начинают хорошо все, вот только не все хорошо заканчивают, потому что забывают, ради чего они уходят в монастырь.

— Геронда, Вы сказали, что дух мира сего проникает в монашество, и стираются его духовные критерии. Устоит ли истинный дух монашества?

— Это ненастье нашло, но Бог не оставит. Геронда, а мне пришел такой помысл: “Есть ли еще монашеские братства духовного направления?”

— Не хватало еще, чтобы таких братств не было! Тогда Матерь Божия под конвоем отправила бы всю нашу “братву” в места не столь отдаленные!... Есть монахи, живущие очень духовно, без шума. Такие души есть в каждом монастыре, в каждой епархии. Как раз эти редкие души подвигают Бога на милость, и поэтому Он терпит нас,

Мирской дух — это болезнь.

Самое важное сегодня — не приспосабливаться к этому мирскому духу. Такое неприспособленчество — свидетельство о Христе. Постараемся, насколько возможно, не дать этому потоку увлечь, унести нас по мирскому руслу. Умная рыба на крючок не попадается. Видит наживку, понимает, что это такое, уходит из этого места и остается непойманной. А другая рыба видит наживку, спешит ее проглотить и тут же попадается на крючок. Так и мир — у него есть наживка, и он ловит на нее людей. Люди увлекаются мирским духом и потом попадаются в его сети.

Мирское мудрование это болезнь. Как человек старается не заразиться какой-либо болезнью, так ему надо стараться не заразиться мирским мудрованием — в любой его форме. Для того чтобы духовно развиваться и здравствовать, для того, чтобы радоваться ангельски, человек не должен иметь ничего общего с духом мирского развития.

4. Великий грех несправедливости.

Несправедливость собирает гнев Божий.

Если у человека есть благословение Божие, то это великое дело. Это настоящее богатство! То, что благословенно, — стоит и не разрушается. То, что не имеет благословения, не держится. Несправедливость — великий грех. Смягчающие вину обстоятельства есть у всех грехов, но не у несправедливости — она собирает гнев Божий. Как это страшно! Те, кто несправедливо поступает с другими, собирают огонь на собственную главу. Люди совершают какую-то несправедливость, и вот умирают их близкие, но они не могут уразуметь причину этого. Но как могут преуспеть люди, совершающие столько несправедливостей? Совершая их, они дают диаволу права над собой, и потом у них начинаются несчастья, болезни, прочие злоключения... И [не понимая духовных причин этих бед,] они просят тебя помолиться о том, чтобы выздороветь.

Большинство злоключений происходит от несправедливостей. Например, если несправедливостью люди наживают себе богатство, то несколько лет они как сыр в масле катаются, но потом тратят все несправедливо собранное на врачей. Ведь в псалме как написано: *“Малое у праведника — лучше богатства многих нечестивых”* (Пс. 36:16). “Злая разжива — только ветру нажива” — говорит пословица. Все, что накапливается неправдой, уходит, разлетается по ветру. Болезни, банкротства, прочие несчастья, происходящие как испытания от Бога, случаются редко и с весьма немногими. Такие люди будут иметь от Бога чистую мзду, и обычно они становятся впоследствии более богатыми, подобно Иову. А кроме того, тела многих умерших остаются в земле неразложившимися как раз по этой причине — при жизни эти люди совершили какую-то несправедливость (На Святой Афонской Горе и вообще в Греции останки усопших через 3-4 года после кончины извлекают из могилы, омывают и складывают в особых усыпальницах. Если тело усопшего не разложилось, то его вновь закапывают в могилу и усугубляют молитву о упокоении почившего. — Прим. пер.).

Неправедный человек испытывает страдания.

Человек неправедный, да и вообще — любой, который в чем-то провинился перед другим и не попросил прошения, — терзается от угрызений собственной совести, а кроме того — от негодования того человека, которого он обидел. Ведь если тот, с кем поступили несправедливо, не простит своего обидчика и будет сетовать на него, то последний начнет испытывать сильные терзания, страдать. Он не сможет уснуть, он будет чувствовать себя, словно его швыряют штормовые волны. Уму непостижимо — как он ощущает негодование обиженного им! Когда один человек любит другого и — в положительном смысле этого слова — думает о нем, то последний ощущает эту любовь. В случае с обидчиком происходит нечто подобное. О, тогда возмущение обиженного выворачивает ему душу! Даже если он находится где-то далеко — хоть в Австралии, хоть в Йоханнесбурге — если чья-то душа возмущена по его вине, то он не находит себе покоя.

— А если он бесчувственный?

— Думаешь, бесчувственные люди не испытывают страданий? Испытывают, только они отвлекают себя развлечениями, чтобы забыться. Может быть и такое: неправедно обиженный простил виновного, но в его сердце еще осталось немного возмущения. Тогда и сам он в некоторой степени страдает, но виновный в его возмущении — страдает очень сильно. Однако, если тот, кто виновен, попросит прощения и неправедно обиженный его не простит, то страдать начинает он сам. Нет пламени, которое жжет сильнее, чем внутреннее жжение души, происходящее от угрызений совести. Совесть такого человека еще в этой жизни мучается, её непрестанно гложет внутренний червь. Но нет сомнения, что в иной, вечной жизни “червь неусыпающий” будет глодать его совесть еще сильнее — если в этой жизни человек не покается и не возвратит своим ближним то, что он неправдой отнял у них — хотя бы своим благим произволением, если сделать это иным способом уже невозможно.

Помню одного адвоката, который сделал людям много несправедливостей. Как же он мучился в конце жизни! В области, где находилась его адвокатская контора, было много животноводов, и поэтому были нередки случаи потрав скотом посевов и лугов. Виновные в потравах пастухи обращались за помощью к этому адвокату, и тот, с помощью лукавства, поворачивал дело так, что убеждал в их невинности и агронома, и мирового судью, а несчастные земледельцы не только не находили справедливости, но еще и обретали неприятности на свою голову. Этого адвоката все знали как облупленного, и никто из честных людей к нему даже близко не подходил. И вот послушайте, что посоветовал одному духовно чуткому пастуху, жившему в тех краях, его духовник.

У этого пастуха было небольшое стадо овец и собака. Однажды собака ощенилась, и пастух раздал всех щенят.

В те же самые дни потерялась одна овечка, оставив ягненочка-сосунка. Ягненок, не находя матери, бегал за собакой и приучился к её молоку. Собака чувствовала облегчение. Оба животных так привыкли к этому, что искали друг друга. Как ни старался их разлучить бедный пастух, они все равно сходились вместе. Пастух, будучи духовно чутким человеком, не знал, можно ли есть мясо этого ягненка, и решил спросить об этом у духовника. Духовник, зная, что пастух беден, подумал и сказал: “Нет, сынок, мясо этого ягненка есть нельзя, потому что он вскормлен собачьим молоком. Сделай-ка вот что: отнеси этого ягненка в подарок нашему адвокату, потому что и другие пастухи носят ему ягнят и сыр. Пусть он и ест это мясо, ведь только у него есть на это благословение: все люди знают, какой он несправедливый.”

Состарившись и будучи прикованным к постели, неправедный адвокат мучился от кошмаров и не мог спать. Это продолжалось годы. Вдобавок его разбил паралич, и он не мог говорить. Духовник старался убедить его хотя бы написать свои грехи на бумаге, но несчастный вконец потерял контроль над собой. Священник был вынужден прочитать над ним молитву “седми отроков над немощным и неспящим” (См. Большой Требник. Молитва на немощного и неспящего. М. Синодальная типография. 1884, Л. 165 об), чтобы тот хоть немножко уснул, а также заклинательные молитвы, чтобы хоть как-то облегчить его состояние. Так адвокат и скончался, и теперь остается лишь молиться Богу, чтобы Он дал его душе действительный покой.

— Геронда, многие люди уверены, что на них навели колдовскую порчу. Может ли порча навредить человеку?

— Если у человека есть покаяние и он исповедуется, то не может. Для того, чтобы порча навредила человеку, он сам должен чем-то дать [диаволу] право над собой. Например, человек несправедливо поступает по отношению к кому-то, обманом совращает девушку, совершает еще что-нибудь подобное этому. В этом случае ему надо покаяться в соделанном, испросить прощения у того, кого он обидел, поисповедываться, исправить и загладить то, что он сделал. В противном же случае — хоть все священники соберутся его отчитывать — колдовская порча не рассеивается. Да хотя бы ему и не сделали никакой порчи — для того, чтобы он мучился, будет достаточно лишь одного озлобления обиженной им души.

Несправедливость бывает двух видов: материального и нравственного. Материальная несправедливость — это когда человек несправедлив с кем-то в материальном, вещественном отношении. Нравственная несправедливость, это когда кто-то, к примеру, закружит голову девушке и совратит ее. А если обманутая девушка вдобавок сирота, то обманувший ее обременяет свою душу в пять раз тяжелее. Знаешь, как быстро пуля находит таких безнравственных людей на войне? На войне божественную справедливость и попечение Божие о людях видно особенно отчетливо. Война не терпит бесчестия — человека безнравственного быстро находит пуля. Однажды наши две роты должны были сменить на передовой батальон, который уходил на отдых. Во время смены коммунисты пошли на нас в атаку, и закипел бой. А один солдат из уходящего батальона совершил за день до этого мерзкое бесчестие — насилие над несчастной беременной женщиной. Ну и что же: в том бою был убит только он один! Разве это не страшно? Все потом говорили: “Так этой скотине и надо — поделом шлепнули.”

А еще это случается с теми, кто лукавит, стремится убежать да улизнуть — в конечном итоге оказываются убиты именно они. Те, в ком есть сильная вера, естественно, и живут честно, по-христиански. И вот что замечено: такие люди берегут честь своего тела, и это защищает их от вражеских пуль и осколков даже лучше, чем если бы они носили на себе частицу Честного Креста Господня.

Неправда причиняет страдания и потомкам.

— Геронда, когда я ушла в монахини, мои родные обошлись со мной несправедливо. Могу ли я сейчас взыскать с них то, что мне полагается по закону?

— Нет, это неправильно.

— Да, но я боюсь, как бы за ту несправедливость, которую они сделали, их не постигло какое-нибудь несчастье.

— Ты только посмотри, сколько у тебя чистого любочестия! Если бы я был на твоем месте, то сказал бы им так: “Для себя мне ничего не нужно. Однако я хотела бы, чтобы вы своими руками раздали бедным ту часть наследства, которая принадлежит мне. И прежде всего помогите нашим бедным родственникам. Я говорю это для того, чтобы ваших детей не постиг гнев Божий.” Ведь иногда бывает и такое: отец дает чужим людям милостыню на помин своей души, — например, дает деньги на какое-то богоугодное заведение, — но собственным детям при этом не оставляет ничего.

Может случиться, что в какой-то семье дед или бабушка совершали какие-то несправедливые поступки, но на них самих это никак не отразилось. Однако наказание постигает их детей или внуков, которые заболевают и бывают вынуждены растратить на врачей то, что было собрано неправдой, чтобы таким образом оплатить долги предков. Помню одну семью, на которую обрушилось много напастей. Сначала тяжкая болезнь поразила главу семьи: несколько лет он промучился, будучи прикованным к постели, и после этого умер. Затем умерла его жена и дети — один за другим. Недавно умер и последний — пятый ребенок. Эта семья была прежде очень богатой, но дошла до нищеты, потому что для того, чтобы заплатить врачам и покрыть разные другие расходы, они распродавали все, что имели, за бесценок. “Почему же на них сыпется столько болезней и бед?” —удивлялся я. С некоторыми членами этой семьи я был знаком. По ним было видно, что их беды не имеют ничего общего с теми благословенными испытаниями, которые посылает Своим избранникам Бог. “Скорее всего, — подумал я, — в их случае вступили в действие духовные Божии законы.” Для того чтобы развеять сомнения, я постарался расспросить об их семье некоторых достойных доверия стариков — их земляков, которые рассказали мне следующее. Глава этой семьи получил от своего

отца какое-то наследство и впоследствии увеличил его, совершив разные несправедливые деяния. Например, какая-то вдова просила у него взаймы денег, чтобы выдать замуж свою дочь. Свой долг она вернула бы после уборки и обмолота хлеба. Он же давал ей деньги при условии, что она перепишет на его имя свой участок под строительство дома. Будучи в нужде, несчастная давала ему все, что он просил. Другой человек просил взаймы для того, чтобы уплатить долг банку. Взятые деньги он вернул бы после уборки хлопка, но несправедливый глава семьи не соглашался и требовал взамен целое поле. Несчастный, боясь преследований со стороны банка, отдал ему свое поле. Третий просил одолжить немного денег, чтобы заплатить врачам, и злой заимодавец требовал у него корову. Бедняк отдавал ему то, что он просил. Таким способом этот человек сколотил себе немалое состояние. Однако весь ропот страдальцев ударил не только по нему самому и его жене, но даже по их детям. Таким образом, вступили в действие духовные законы, и самим членам семьи несправедливого богача пришлось оказаться в шкуре тех, кто был обижен ими. Так, для оплаты врачей и прочих расходов, связанных с болезнями, несчастными случаями и другими бедами, они за бесценок распродали все, что имели. Из больших богачей они превратились в нищих, и ушли из жизни все — один за другим. Конечно, Бог будет судить их в соответствии со Своей великой любовью и справедливостью. А те, кто, находясь в нужде, были вынуждены продать последнее, чтобы заплатить врачам или кому-то еще, и из-за этого обнищали, получат мзду в соответствии с той неправдой, которую они претерпели. Люди же несправедливые, претерпевая такие несчастья, оплачивают ими свои долги перед Богом.

Тот, кто поступает с нами несправедливо, благодетельствует нам.

— Геронда, как мы должны относиться к человеку, который поступает с нами несправедливо?

— Как мы должны к нему относиться? Как к нашему великому благодетелю, который делает на наше имя вклады в Божию Сберегательную Кассу. Такой человек навеки делает нас богатыми. Разве этого мало? Разве мы не любим того, кто нам благодетельствует, разве мы не выражаем ему свою признательность? Точно так же мы должны любить и быть благодарны тому, кто поступает с нами несправедливо, потому что он благодетельствует нам для вечности. Как люди неправедные навеки лишены оправдания, так и те, кто с радостью приемлет неправду, получают оправдание вечное.

Один благоговейный человек, глава семьи, претерпевал у себя на работе много несправедливостей. Но у него было много доброты, и все неправды он терпел без ропота. Однажды он приехал на Афон, пришел ко мне в каливу и, рассказав о своих искушениях, спросил: “Что ты посоветуешь мне сделать?” — “Продолжай, как начал, — ответил я. — Уповай на божественную правду и божественное воздаяние и терпи. [У Бога] ничего не пропадает. Делая так, ты вкладываешь свои богатства в Сберегательную Кассу Бога. Нет сомнений, что в жизни иной ты получишь воздаяние за те испытания, которые на тебя навалились. Но, кроме этого, знай и то, что Благий Бог дает воздаяние несправедливо обиженному человеку еще в этой жизни — если и не всегда ему самому, то обязательно — его детям. Бог промышляет о Своем создании, знает [чем ему воздать].”

Если человек терпит, то все становится на свои места. Бог все устраивает. Но требуется терпение, терпение, в котором нет рассудочности. Раз Бог все видит и следит за всем, то человек должен без остатка вверять себя Ему. Посмотри на Иосифа (См. Быт. 37:20 и далее) — ведь он молчал, когда братья продавали его в рабство. Он мог сказать: “Я их брат,” но не сказал ни слова — зато потом Бог сказал Свое слово и сделал его царем. Если же у человека нет терпения, то его жизнь превращается в муку — ему хочется, чтобы все совершалось так, как удобно ему, так, чтобы ему было хорошо. Но, естественно, и что покоя он не находит, и происходит все не так, как он хочет.

Если человек в этой жизни претерпел несправедливость от людей или от бесов, то Бог из-за этого не переживает, потому что душа такого человека получает прибыль. Однако мы часто говорим, что кто-то поступает с нами несправедливо, тогда как, в сущности, мы сами несправедливы к другим. В этом случае нужно быть внимательными и осознать, что виноваты мы сами.

“Емуже дань — дань" (Рим. 13:7).

— Геронда, когда мы покупаем что-то для монастыря, некоторые торговцы отказываются выписывать нам счет (Не выписывая счета, торговцы скрывают совершенную торговую сделку от налоговых органов и покупатель не платит положенного налога, который в Греции очень высок (до 25% стоимости товара). — Прим. пер). Что делать в таких случаях?

— Счет они должны выписывать вам всегда, но, кроме того, вы сами должны ограничить свои запросы. Ограничьте свои потребности необходимым, не заводите лишних строек и ремонтов. Я бы на вашем месте поступал именно так. А что нужно — Бог пошлет. Прося, чтобы нам не выписывали счета, мы — монахи — подталкиваем на грех и других, которые говорят: “Ну, раз уж так ведут себя даже монастыри....” Знаете, как соблазняем других мы — люди, стремящиеся исполнить заповеди Божий, если ведем себя подобным образом? *“Емуже дань — дань,”* — говорит Священное Писание. Посылая письма не по почте, а с кем-то, я все равно наклеиваю на конверт марки. Люди мирские находят себе оправдание в подобных вещах, но если таким же образом ведут себя монастыри, то это показывает их неискренность и то, что Евангелие отошло у них на задний план. Не отдавая материального, вещественного (как заповедует Евангелие — “если кто-то хочет взять у тебя рубашку, то отдай ему и верхнюю одежду” Мф. 5:40), мы совершаем тем самым дурную проповедь, и после этого люди мирские оправдывают свои падения, стараются найти себе оправдание, чтобы как-то успокоить свою совесть. Нам надо быть внимательными, потому что в день Страшного Суда нам будет нечем оправдаться. Наша задача — получить, главным образом, духовную, а не только материальную прибыль. И если по какой-то причине вам не выписывают счета, то вы должны считать, что потерпели духовный ущерб.

— А иногда, Геронда, бывает такое: человек жертвует в монастырь небольшую сумму денег и просит дать ему расписку в том, что он пожертвовал больше. Что делать в таких случаях?

— Скажите ему: “Расписок на большие суммы мы не даем. Если Вас это не устраивает, то давайте мы возвратим Вам деньги, может быть, Ваше желание исполнят где-то в другом месте.” Смотрите, не заразитесь болезнью такого рода,

— Один мастер, Геронда, попросил, чтобы мы уволили его из монастыря, чтобы он мог вступить в Кассу безработных, а потом вновь поступить на работу к нам.

— Нет, брат ты мой, это не дело! Если у человека есть хоть капля совести, то он на такое не пойдет. Не подобает заниматься такими вещами в монастыре. Лучше заплатить ему вдвойне — пусть даже в монастыре и нет лишних денег, лишь бы он не шел на такое мошенничество. Ведь это тяжелый грех! Благословение приносит благословение, а неправда приносит разрушение. В этом отношении будьте очень внимательны. И не торгуйтесь с теми, кто трудится в обители, ведь потом из-за этого в монастырях бывают пожары и разрушения.

Государственный служащий клянется честно выполнять свои обязанности (Государственные служащие в Греции дают присягу честно выполнять свои обязанности. — Прим. пер). Мы, монахи, даем не такую клятву, но вдвое большую: мы даем духовный обет, и если мы его нарушаем, то наш грех — вдвое больше. Старайтесь удержать равновесие, сохранить в монашестве что-то иного [не мирского] порядка. Я вижу, как зреет нарыв. Он прорвется, очистится. Тем, кто находится в духовно неправильном состоянии, Бог Своей Благодати не дает — иначе Он помогал бы диаволу. Старайтесь иметь искренность, честность. То, что происходит сейчас, похоже на состояние пьяного, который еле держится на ногах. Разве такое может долго продолжаться? Разразится гнев Божий. Нам предстоит сдача экзаменов. В "первом туре" медь отделится от золота, во втором станет видно, сколько каратов золота в каждом из нас.

Мир изолгался. Люди становятся лжецами, они устроили себе еще одну совесть. Но я не могу становиться лжецом, не могу изменять свое "я" из-за того, что этого требует общество. Уж лучше я буду страдать. Требуется внимание, чтобы не попасть в эту мирскую колею. Но и существующая сейчас экономическая система вовсе не содействует людям в том, чтобы быть честными. Они вынуждены занижать свои доходы в отчетах перед налоговыми органами, идти на другие подобные махинации. Одних моих знакомых налоговых инспекторов — людей верующих — я даже обругал. "Что же вы творите? — сказал я им. — Постарайтесь сохранить хоть чуточку закваски! Знаете, сколько людей жалуются на вас? Человек приходит в налоговую инспекцию и говорит: "У меня доход в один миллион," а налоговый инспектор пишет, что у него доход в три миллиона. Некоторые декларируют только третью часть своих доходов, и вот налоговые инспектора считают обманщиками и остальных, и всех равняют под одну гребенку. Но если к вам придет человек, у которого есть совесть, то, облагая его втрое большим налогом, вы вынуждаете его становиться вором. То есть вместо того, чтобы хоть немножко повлиять на общее положение дел в лучшую сторону, вы делаете прямо противоположное." В ответ на это они сказали мне, что не различают, когда им говорят правду, а когда — ложь. "Вы станете это различать, — сказал я, — если будете жить духовной жизнью. Тогда вы сможете и отличать правду от лжи. Бог будет извещать вас, и это станет для вас понятно."

Как изолгался мир.

Злоба людей перешла все границы. Люди стремятся обмануть друг друга и обман считают достижением. Правда, как же изолгался мир! Делают всё недобросовестно, халтурно, но денег при этом дерут больше, чем в прежние времена. И вообще, что ни возьми, все изолгалось и исхалтурилось. Однажды кто-то принес мне рассаду помидоров. Каждое растение было посажено в крошечный целлофановый пакетик, заполненный комочками земли вперемешку с черноземом и крупным песком, чтобы из пакетика не уходила влага. То есть поливать рассаду водичкой им тяжело! Смесь была не унавоженна — только сверху чуть-чуть посыпали — как перчинки все равно! Ну и что же — когда я достал рассаду из пакетиков, оказалось, что все корни сгнили. Пришлось на какое-то время полностью присыпать рассаду землей, чтобы она дала новые корни.

Ох, как же дурачат людей! Принесли мне как-то большую коробку со сладостями. Я не открывал ее и ждал, когда придет большая группа паломников. "Иначе, — думал я, — сладости останутся несъеденными и в открытой коробке их испортят муравьи." Однажды, когда собралось много народу, я посчитал, что сладостей в коробке должно хватить на всех и еще остаться. Открыв коробку, я увидел, что почти вся она была заполнена пенопластом, и только в середине было крохотное свободное место для сладостей — то есть почти вся коробка оказалась пустой! В другой раз мне принесли красивую подарочную коробку с лукумом, перевязанную лентой. "Приберегу-ка я ее для детей из Афониады" (Афониада ("Афонская Церковная Академия") основана в 1753 г. Расположенное на Святой Афонской Горе закрытое учебное заведение для мальчиков. Помимо предметов, входящих в программу средней школы, воспитанники Афониады изучают богословские и церковно-прикладные дисциплины [Священное Писание, Жития Святых, Литургику, древнегреческий язык, византийское церковное пение, иконописание и др.). — Прим. пер), — решил я. Но когда я открыл ее, оказалось, что лукум был старый и уже черствый. Я такого жесткого лукума людям не даю — выбираю помягче.

— Геронда, те, кто занимается этим, не понимают, что это неправда?

— Они считают это достижением, потому что в наше время грех вошел в моду и неправда считается находчивостью. К несчастью, мирской дух оттачивает ум в лукавстве, и тот, кто несправедливо поступает со своим ближним, считает это достижением. Вдобавок ко всему, про него говорят: "Ишь ты, ловкач, прямо дьявол какой-то!," в то время как внутренне этот человек мучается от обличений совести, испытывает малую адскую муку.

Если человек справедлив, то Бог на его стороне.

Сегодня в этом мире уже не хватает места для всех. Если человек хочет жить честно и духовно, то ему не находится места в мире.

— А почему, Геронда, ему не находится места?

— Если чуткий, тонкий человек окажется среди жестокости и бессердечия и его жизнь сделают беспросветной, то как он сможет это выдержать? Или он должен, подобно всем, становиться сквернословом, подстраиваться под других во всем остальном, или же ему надо уходить. Но и уйти он не может, потому что ему нужно как-то жить. Например, хозяин, торговец сеном, говорит своему работнику: "Я тебе доверяю, потому что ты не воруешь. Но к хорошему сену надо подмешивать и гнилое. Загружая клевер, среди хороших охапок ты должен класть и немного перепревших." Чтобы удержать у себя честного работника, хозяин делает его каким-нибудь начальником, но последний вынужден поступать так, как говорит хозяин — иначе его вышвырнут за дверь. Потом бедняга теряет сон, начинает пить таблетки. Знаете, как мучаются несчастные люди! Знаете, какие трудности, какие насилия многие терпят на работе от начальников? Их жизнь делают беспросветной. И что им делать? Бросить работу? У них семья. Оставаться? Мучение. Такой тупик, что некуда и ступить. Прямо как зернышко промеж двух жерновов — хоть криком кричи. Приходится терпеть, бороться.

Бывает и такое: на одного человека сваливают всю работу, а его сослуживец приходит только для того, чтобы получать зарплату. Я знаю одного такого человека, он был управляющим в одной организации. После выборов его сняли с должности и на его место поставили другого — члена той партии, что пришла к власти. Этот новый управляющий не имел даже среднего образования. Управляющим-то его сделали, но работы он не знал, и поэтому его предшественника не могли перевести на другое место. Ну, и какой же тогда они нашли выход? А вот какой: поставили в кабинет управляющего еще один письменный стол! Всю работу делал старый управляющий, а новый только сидел сложа руки: сигаретки, кофеек, болтовня... Ни стыда, ни совести! И умом он вдобавок совсем не блистал — нес всякую ахинею, а вся ответственность ложилась на старого управляющего. Дошло до того, что бедняга был вынужден уйти. "Слушай-ка, — сказал он новому, — я, пожалуй, уйду. Кабинет у нас тесный — два стола еле помещаются. Оставайся ты лучше один." Ну и ушел, потому что тот сделал его жизнь беспросветной. И ведь не день и не два, а каждый Божий день у тебя над душой стоит такой тип — это же сущее мучение!

Человека справедливого остальные обычно спихивают на самое последнее место или даже вообще оставляют без места. С такими людьми обходятся несправедливо, о них вытирают ноги, переступают, как говорят, через трупы. Но чем сильнее люди давят на такого справедливого человека, чем ниже они его опускают, тем сильнее и выше поднимает его Бог — как вода выталкивает вверх поплавок. Однако необходимо огромнейшее терпение. От терпения многое встает на свои места. Тот, кто хочет жить добродетельно и быть честным в отношении своей работы — будь он рабочим, торговцем или кем угодно еще, должен решиться на то, что, начав работать честно, он дойдет до того, что ему, к примеру, нечем будет платить за аренду — если, скажем, у него магазин. Но таким образом к нему придет благословение Божие. Однако не надо стремиться [честностью и низкими ценами] привлечь к себе побольше покупателей и заказчиков. Не это должно быть целью [честности] — в противном случае Бог ничего не даст. Бог не оставит человека, если он скажет так: "Стану жить по Богу. Несправедливо не буду поступать ни с кем. Буду называть настоящую цену каждому товару: к примеру, этому цена пятьдесят драхм, а тому — двести." Он станет поступать так, а в то же время другой торговец будет продавать ту вещь, которая стоит пятьдесят драхм, за пятьсот — и разбогатеет. Однако в конце концов обманщика раскусят, и он дойдет до того, что ему придется закрывать свою лавочку, потому что ему будет нечем платить даже за аренду. А честный торговец потихоньку дойдет до того, что у него отбоя не будет от покупателей, и чтобы справляться с их наплывом, он будет вынужден постоянно брать на работу все новых и новых продавцов! Но вначале надо пройти через испытания. Добрый человек испытывается, когда проходит через руки злых — подобно шерсти в чесальном станке.

Если человек слушается диавола, живет хитростью и лукавством, то Бог не благословляет его труды. То, что люди делают с лукавством, — не преуспевает. Может показаться, что дело лукавых людей преуспевает, но в конце концов оно все равно рухнет. В каком угодно деле самое главное — приступать к нему, стремясь к благословению Божию. Если человек живет по правде, то Бог на его стороне. А если он вдобавок имеет сколько-нибудь дерзновения к Богу, то совершаются чудеса. Живя по Евангелию, человек живет со Христом и имеет право на божественную помощь. А как же иначе? Ведь он имеет на неё право. Вся основа именно в этом. Если это есть, то бояться нечего. Значимо то, чтобы Христу, Божией Матери и Святым было благоугодно каждое наше действие. Тогда благословение Христово, Божией Матери и Святых пребудет на нас, тогда на нас будет почивать Святой Дух. Честность человека — самое лучшее Честное Древо. Если кто-то нечестен и носит на себе частичку Честного Древа, то это всё равно, как если бы он не носил ничего. Если же у честного человека и нет частички Честного Древа, то божественную помощь он все равно получает. А представляешь, если у него вдобавок к его честности есть еще и частичка Честного Древа!..

Праведный человек приемлет воздаяние еще в сей жизни.

Я видел души, которые хотя и были несправедливо обижены, добрыми помыслами перетерпевали неправду, и Благодать омывала их в этой жизни. Много лет назад меня посетил один благоговейный христианин — человек простой и добрый. Он просил меня помолиться о его детях, чтобы Христос просветил их и, придя в совершенный возраст, они не возроптали на своих родственников за ту великую несправедливость, которую те им сделали. Потом он рассказал мне, в чем было дело, и я понял, что он действительно был человеком Божиим. Он был старшим из пяти детей своего отца, и после того, как тот неожиданно умер, он заменил его своим братьям и сестрам. Как добрый отец, он работал не покладая рук, приобретал имущество, земельные участки, обеспечивал семью. Двух сестер выдал замуж. Младшие братья тоже женились и все хорошие угодья, масличные сады и прочее забрали себе, а ему оставили негодные, бесплодные, песчаные участки. Наконец, сам он тоже женился и у него родилось трое детей. Он был уже немолодым человеком и думал о том, что его дети, повзрослев, могут понять, что с ними обошлись несправедливо, и начнут роптать. "Я не расстраиваюсь из-за этой несправедливости, — говорил он мне, — потому что читаю Псалтирь. Одну кафизму вечером и две перед рассветом. Я уже почти что выучил Псалтирь наизусть, и ни в одном псалме не говорится, чтобы люди неправедные преуспевали, но говорится, что о людях праведных промышляет Бог. Мне, отец мой, не жалко тех участков, что я потерял — мне жаль моих братьев, губящих свои души." Этот благословенный человек уехал. В следующий раз он посетил меня примерно через десять лет. Он пришел очень радостный и спросил: "Помнишь ли ты меня, отец, помнишь ли?" — "Да," — ответил я ему и спросил, как его дела. — "Сейчас, — говорит, — я стал богатым!" — "Как же это, брат, ты стал богатым?" — "А вот как: те негодные песчаные участки, что у меня были, очень поднялись в цене, потому что были расположены на берегу моря. Сейчас у меня много денег, и я пришел к тебе для того, чтобы спросить, что мне с ними делать." — "Построй, — говорю, — своим детям домик и отложи какие-то средства им на учебу — пока они не станут на ноги." — "Детям, — говорит, — я уже отложил, но все равно остается много." — "Тогда помоги бедным — сначала родственникам, а потом и другим." — "Уже помог, отец, но все равно остается много!" — "Пожертвуй деньги на строительство храма и часовен в вашей деревне." — "И на это пожертвовал, но все равно остается много!" Тогда я сказал ему, что буду молиться, чтобы Христос просветил его творить добро там, где в этом есть наибольшая необходимость. Потом я спросил: "А как поживают твои братья, где они?" Он расплакался и сквозь слезы проговорил: "Не знаю, отец мой, даже и следы потерялись. Участки в деревне, масличные сады и угодья они распродали. Где они сейчас — я не знаю. Сперва уехали в Германию, потом в Австралию, и сейчас о них ни слуху, ни духу." Я не знал, что он так расстроится из-за братьев, и пожалел, что спросил об этом. После я утешил его, и он ушел в мире. Я сказал ему: "Давай будем вместе молиться, чтобы и о них тоже получить радостные известия." Потом мне на память пришел следующий псалом: *"Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; но он прошел и вот нет его; ищу его и не нахожу"* (Пс. 36:35-36). С его несчастными братьями произошло именно это.

Итак, нет ничего хуже неправды. Старайтесь же иметь благословение Божие на все, что бы вы ни делали.

5. "Благословите, а не кляните..."

(Рим. 12:14)

Один человек спросил меня: "Почему мы поем в Великую Четыредесятницу: *"Приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли?"* (Ис. **26:15) Ведь это же проклятие." Я ответил ему: "Когда варвары ни с того ни с сего идут войной на какой-то народ, желая его уничтожить, и народ молится, чтобы их постигло зло — то есть, чтобы сломались их колесницы, заболели их лошади, чтобы им что-то помешало, то хорошо это или плохо? Священное Писание имеет в виду именно это — чтобы они встретили препятствие на своем пути. Это не проклятие."

— Геронда, а когда проклятие имеет силу?

— Проклятие имеет силу в том случае, когда оно является реакцией на несправедливость. Например, если одна женщина поднимет на смех другую — страдающую — или сделает ей какое-то зло и пострадавшая ее проклянет, то прерывается род той, что поступила несправедливо. То есть, если я делаю кому-то зло и он меня проклинает, то его проклятия имеют силу. Бог попускает проклятиям иметь силу, подобно тому, как Он попускает, к примеру, одному человеку убить другого. Однако если несправедливости не было, то проклятие возвращается назад — к тому, от кого оно изошло.

— А как можно освободиться от проклятия?

— Покаянием и исповедью. Я знаю много подобных случаев. Люди, пострадавшие от проклятия, осознав, что их прокляли, потому что они в чем-то были виновны, покаялись, поисповедывались и все их беды прекратились. Если тот, кто виновен, скажет: "Боже мой, я сделал такую-то и такую-то несправедливость. Прости меня," — и с болью и искренностью расскажет о своих грехах на исповеди священнику, то Бог простит его, ведь Он — Бог.

— А наказание постигает только того человека, на которого направлено проклятие, или же и того, от кого оно исходит?

Тот, на кого направлено проклятие, мучается в этой жизни. Однако тот, от кого исходит проклятие, мучается в этой жизни и будет мучиться в жизни иной, потому что если он не покается и не поисповедуется, то там будет наказан Богом как преступник. Ну ладно, может быть кто-то действительно тебя чем-то обидел. Но, проклиная обидевшего тебя человека, ты словно берешь пистолет и его убиваешь. По какому праву ты так поступаешь? Что бы тебе ни сделал твой обидчик — убивать его ты не имеешь права. Если человек кого-то проклинает, то это значит, что в нем есть злоба. Человек проклинает другого, когда со страстью, с негодованием желает ему зла.

Проклятие, исходящее от человека, который прав, имеет немалую силу. Особенно сильно проклятие вдовы. Помню, у одной старухи была лошадка, и она оставляла ее пастись на опушке леса, а поскольку лошадь была неспокойная, привязывала ее крепкой веревкой. Однажды три соседки из этой же самой деревни пошли в лес нарубить дров. Одна была богатая, другая — вдова, а третья — сирота, и очень бедная. Увидев привязанную лошадь, они сказали: "Давайте возьмем веревку и свяжем ею дрова." Они разрезали веревку на три части, и каждая взяла себе отрезок — чтобы стянуть вязанки дров. А лошадь-то и ушла. Пришла старуха, не нашла лошади и стала возмущаться.

Начала везде искать — пока нашла, вся измучилась. Наконец, найдя ее, она с негодованием сказала: "Пусть на той самой веревке поволокут ту, кто ее взяла!" Прошло какое-то время, и однажды брат богатой соседки баловался с оружием (которое осталось от итальянцев) — думая, что оно не заряжено. Но оно оказалось заряжено, произошел выстрел, и пуля попала богатой женщине в шею. Надо было нести ее в больницу. Решили нести на деревянной лестнице — как на носилках, а чтобы раненая не упала, надо было привязать ее к лестнице. Нашли тот ворованный кусок веревки, но его не хватило. Побежали по соседям, принесли еще два ворованных куска, привязали несчастную к лестнице и понесли в больницу. Так исполнилось проклятие старухи: и ее "поволокли на той самой веревке." В конце концов, несчастная умерла — упокой ее, Господи. Видите, на кого подействовало проклятие: на богатую, которая не испытывала материальной нужды. Две другие женщины были бедные и поэтому имели некоторые смягчающие вину обстоятельства.

Болезни и несчастные случаи, происходящие от проклятия.

Многие болезни, причины которых не могут найти врачи, возможно, произошли от проклятия. А врачи что — разве они найдут проклятие? Как-то раз ко мне в каливу принесли одного парализованного. Вымахал здоровенный дядя, а не мог сидеть! Его туловище не гнулось, было как деревянное. Один человек нес его на спине, а другой поддерживал сзади. Я поставил несчастному два пенька, и он кое-как на них устроился. Его спутники сказали мне, что он находится в таком состоянии с пятнадцатилетнего возраста и мучается вот уже восемнадцать лет. "Но разве такое может случиться ни с того ни с сего? — подумал я. — Быть такого не может, здесь скрыта какая-то причина."

Я начал расспрашивать и узнал, что этого юношу кто-то проклял. Что же случилось? А вот что: как-то он ехал в школу, сел в автобус и развалился на сиденье. На одной остановке в автобус вошли пожилой священник и один старичок и встали возле него. "Встань, — сказал ему кто-то, — уступи место старшим." А он, не обращая ни на кого внимания, развалился еще больше. Тогда стоявший рядом старичок сказал ему: "Вот таким вытянутым и останешься навсегда — не сможешь сидеть." И это проклятие подействовало. Видишь как — юноша-то был с наглецой. "А чего я, — говорит, — буду вставать? Я за свое место заплатил." Да, но ведь и другой тоже заплатил. Стоит человек пожилой, уважаемый, а ты — пятнадцатилетний юноша — расселся. "Вот от этого-то все и произошло, — сказал я ему. — Чтобы стать здоровым, постарайся покаяться. Тебе требуется покаяние." И как только несчастный понял и осознал свою вину, он сразу же стал здоров.

А сколько нынешних бед происходит от проклятия, от негодования! Знайте: если в какой-то семье многие умирают или гибнет вся семья, то причина этому или в несправедливости, или в колдовстве, или в проклятии. У одного отца был сын, который то и дело уходил из дома и шатался неизвестно где. Однажды отец в приступе раздражения сказал ему: "Ты у меня доходишься — придешь раз и навсегда!" И вот в тот же самый вечер, когда паренек возвращался домой, прямо напротив их подъезда его насмерть сбила машина. Он как упал, так и остался лежать, потом друзья взяли его тело и принесли домой. После его отец приехал на Святую Гору и пришел ко мне в каливу. Он плакал и говорил: "Мой ребенок убился прямо на пороге моего дома." Начал рассказывать, а потом говорит: "Я ему перед этим сказал кое-что." — "Что же ты ему сказал?"

— "Он гулял по ночам неизвестно где, я разгневался и сказал ему: "Ты у меня придешь раз и навсегда!" Может быть, от этого и произошла беда?" — "Ну а от чего же еще? — ответил я. — Постарайся покаяться, поисповедоваться." Видите как: ты, говорит, на этот раз придешь раз и навсегда, и ребенка приносят мертвым. А отец давай потом волосы на себе рвать да плакать...

Родительское проклятие действует очень сильно.

Знайте, что проклятие и даже [просто] негодование родителей действуют очень сильно. И даже если родители не проклинали своих детей, а просто пришли из-за них в возмущение, то у последних нет потом ни одного светлого дня: вся их жизнь — одно сплошное мучение. Потом такие дети очень страдают всю свою земную жизнь. Конечно, в жизни иной им легче, потому что своими страданиями они погашают некоторые здешние долги. Происходит то, о чем говорит Святой Исаак: "Вкушает своей геенны" ("Наказуемый здесь за свой срам вкушает своей геенны." Иже во Святых Отца нашего Исаака Сириянина. Слова Подвижнические. М., 1993, С. 365), то есть страданиями здесь, в этой жизни, он уменьшает свою адскую муку, потому что страдание в этой жизни есть вкушение адской муки. То есть, когда вступают в силу духовные законы, человек несколько освобождается от геенны, от мучения.

Но и те родители, что словами “посылают” своих детей к диаволу, “посвящают” их ему. После этого диавол имеет права на таких детей, он говорит: “Ты посвятил их мне.” В Фарасах (Главное из шести греческих селений в Кесарии Каппадокийской. Родина Преподобного Арсения Каппадокийского и Блаженного Старца Паисия) жили муж и жена. Их ребенок был очень плаксивым, и отец постоянно говорил: “Да чтоб тебя нечистый забрал!” Ну и что же: отец так говорил младенцу и по попущению Божию тот стал исчезать из колыбели. Потом несчастная мать шла к Хаджефенди (Так звали Преподобного Арсения Каппадокийского жители Фарас. " Отец Старца Паисия был старостой села). “Благослови, Хаджефенди! Моего ребенка утащили бесы.” Хаджефенди шел к ним в дом, читал молитвы над колыбелью и младенец возвращался. И так продолжалось без конца. “Хаджефенди, благослови!” — снова и снова говорила несчастная женщина и спрашивал: “Чем же все это закончится?” — “Мне, — отвечал ей Святой, — к вам ходить нетрудно. А тебе разве сложно приходить и звать меня? Значит, когда-нибудь диаволу это надоест, и он оставит твоего сына в покое.” С того самого дня ребенок перестал пропадать. Но когда он вырос, его прозвали “дьявольское отродье.” Он баламутил все село — не давал покоя никому. Как же мучился от этого мой отец! (староста села). Этот малый сперва шел к одному поселянину и говорил.: “Такой-то сказал про тебя то-то,” потом шел к другому и говорил ему то же самое. Люди ссорились между собой, доходило даже до потасовок. Потом, понимая, что на каждого из них возвели напраслину, они договаривались схватить клеветника и расправиться с ним. Но тот ухитрялся сделать так, что в конце-концов оба просили у него прощения! Настолько он преуспел в коварстве! Настоящее “дьявольское отродье”! Бог попустил это для того, чтобы, увидев продолжение истории с исчезновением младенца, люди образумились, сдерживали себя и были очень внимательны. О том, как будет судить этого человека Бог, мы сейчас не говорим. Понятно, что смягчающих вину обстоятельств у него много.

Величайшее сокровище для людей, живущих в миру, — родительское благословение. Подобно тому, как в жизни монашеской величайшее благословение то, которым благословил тебя твой старец. Поэтому и говорят: “Не упусти родительское благословение.” Помню, у одной матери было четверо детей. Никто из них не женился и не вышел замуж. Мать плакала: “Умру, — говорила, — от горя, никто из моих детей не женился. Помолись за них.” Она была вдовой, ее дети — сиротами. Мне стало за них больно. Молился я, молился, но безрезультатно. “Что-то здесь не то,” — подумал я. “На нас, — говорили ее дети, — навели порчу.” — “Да нет, — говорю, — это не от порчи, порчу видно... А может быть, ваша мать проклинала вас?” — “Верно, отче, — отвечают, —в детстве мы очень шалили, и она постоянно с утра до вечера твердила нам: “Да чтоб вам обрубками быть!” — “Идите, — говорю, — к матери и скажите ей истинную причину вашей неустроенности, чтоб она пришла в чувство. Скажите, чтобы она покаялась, поисповедывалась и с сегодняшнего дня, не переставая, благословляла вас.” И за полтора года все четверо создали семьи! По всей видимости, эта несчастная мало того, что была вдовой, но еще и легко впадала в состояние раздражения и уныния. Озорники выводили ее из себя, и за это она их проклинала.

— А если родители проклянут своих детей и потом умрут, то как дети могут избавиться от родительского проклятия?

— Приглядевшись к себе, они, скорее всего, признают, что в свое время бедокурили, мучили родителей и поэтому те их прокляли. Если они осознают свою вину, искренне покаются и исповедают свои грехи, то все у них наладится. Преуспевая духовно, они помогут и своим усопшим родителям.

И меня, Геронда, когда я уходила в монастырь, проклинали мои родители...

Такие проклятия — единственные из всех — становятся благословением.

“Благородное проклятие.”

— Геронда, а правильно ли, когда обижают, говорить про обидчика: “Бог ему воздаст за его зло”?

— Тот, кто так говорит, делает себя посмешищем лукавого. Такой человек не понимает, что, говоря так, он “благородно” проклинает других. Некоторые говорят о себе, что они люди чуткие, имеют любовь и душевную тонкость и терпят несправедливости, которые делают им другие. Но вместе с тем они говорят о тех, кто их обижает: “Да воздаст им Бог за их зло.” В этой жизни все люди сдают экзамены, чтобы перейти в иную, вечную жизнь — в рай. Помысел говорит мне, что такое “благородное проклятие” находится ниже духовного проходного бала и христианину оно непозволительно. Ведь Христос не учил нас любви такого рода. *“Отче, отпусти им, не ведают бо что творят”* (Лк. 23:34) — вот какой любви учит Он. А кроме того, лучшее благословение из всех это такое, когда нас незаслуженно проклинают, и мы молча, с добротой это принимаем.

Если люди поверхностные или лукавые — те, кто имеют злобу и извращают истину, — оклевещут нас или поступят с нами несправедливо, постараемся, если можем, не искать себе оправдания в том случае, когда несправедливость касается лично нас. И слов: “Да воздаст им Бог” — говорить не будем, потому что это тоже проклятие. Хорошо, если мы от всего сердца простим наших обидчиков, попросим Бога укрепить нас понести тяжесть клеветы и будем, насколько возможно незаметно, продолжать духовную жизнь. И пусть те, чьим типиконом является суждение и осуждение других, поступают с нами несправедливо — ведь таким образом они без устали готовят нам золотые венцы для истинной жизни. Конечно, люди, живущие с Богом, никогда не проклинают других, потому что в них нет злобы, но лишь доброта. Зло, которым бросают в этих освященных людей другие, освящается — каким бы оно ни было. А сами живущие с Богом при этом переживают великую, невидимую другим радость.

Сглаз.

Зависть, имеющая в себе злобу, может повредить другим. Это и есть сглаз — действие бесовское.

— Геронда, разве Церковь признает сглаз?

— Да, есть даже особая молитва “от презорства очес” (Старец неоднократно подчеркивал, что молитву “От презорства очес” может читать только священник). “Дурной глаз” вредит другим тогда, когда человек говорит что-то с завистью.

— Геронда, многие просят у нас ладанки от сглаза для младенцев. Можно ли такие ладанки носить?

— Нет, нельзя. Говорите мамам, чтобы надевали на малышей крестики.

— Геронда, а если кто-то сделает какую-нибудь прекрасную вещь, другой ее похвалит, первый примет похвалу с гордым помыслом и затем эта вещь каким-либо образом повредится, это сглаз?

— Нет, это не сглаз. В этом случае вступают в действие духовные законы. Бог забирает от человека Свою Благодать, и поэтому происходит вред. Сглаз имеет место в редких случаях. Особенно люди, имеющие зависть со злобой, — а таких немного, — могут сглазить других. Например, завистливая женщина видит маму с очаровательным малышом и со злобой говорит: “А почему у меня нет такого ребенка? Почему Бог дал его ей?” В этом случае малыш может пострадать: будет не спать, начнет плакать, мучиться, потому что она сказала это со злобой. И если бы этот ребенок заболел и умер, то такая злобная и завистливая женщина радовалась бы. Другой, к примеру, видит чужого теленка, страстно хочет, чтобы он принадлежал ему, и животное вскоре околевает.

Однако часто сама мать виновата в том, что мучается ее ребенок. К примеру, мать видит чужого худенького малыша и говорит: “Ну и худоба! Просто кожа да кости!”

Своим полюбовалась, а к чужому отнеслась свысока. Но слова, со злобой сказанные о чужом ребенке, бьют по ее собственному чаду. И чадо, не будучи виновато, страдает из-за матери. Несчастный малыш тает на глазах — в наказание матери, чтобы она осознала свою вину. Но, конечно, сам ребенок в этом случае причисляется к мученикам. Суды Божий — это бездна.

Исходящее от сердца благословение есть благословение божественное.

...Ну, а сейчас я тоже “предам вас проклятию”! Вот оно: “Да преисполнит Бог ваши сердца Своей благостью и Своей многой любовью — до такой степени, чтобы вы стали безумны, чтобы ваш ум был уже оторван от земли и отныне пребывал близ Него, на Небе. Так становитесь же безумны от божественного безумия Божией любви! Да опалит Бог Своей любовью ваши сердца!..” Вот какому “проклятию” я вас предаю и не принуждайте меня его повторять — ведь мое доброе “проклятие" исходит от моего сердца и поэтому обладает силой. Еще находясь в санатории (в 1966 г), я вас жалел. Некоторые из вас ждали восемь лет, говорили: “Устроим монастырь,” но монастыря все не было, и не было. Совсем, бедные, истомились! Тогда я сказал вам: “Как только меня выпишут из больницы, монастырь вырастет, быстро, как растут грибы после дождя. Уже через год будете в монастыре!” И ведь действительно: за год создался монастырь. Тогда, в санатории я говорил это от сердца, а у вас было доброе расположение, поэтому Бог вас и не оставил. Иного объяснения этому я не нахожу.

Если тебе станет больно за человека, который имеет смирение и от сердца просит тебя помолиться, к примеру, о том, чтобы ему избавиться от какой-то мучающей его страсти, и ты скажешь ему: “Не бойся, ты станешь лучше,” то [тем самым] ты дашь ему божественное благословение. В этом добром пожелании много любви, много боли, и поэтому оно обладает силой. Это угодно Богу, и Он исполняет благословение. Значит, и сама по себе боль, которую один человек чувствует за другого, — это уже все равно что благословение.

Однажды, когда я был солдатом, наш командир послал меня исполнить обещание, данное нами Святому Иоанну Предтече после того, как он помог нам на войне. Мы дали обет купить для одной церквушки Святого Предтечи два больших храмовых подсвечника. Итак, мне надо было купить подсвечники, а заодно сопроводить одного нашего сослуживца в город Навпакт (Город и порт в юго-западной Греции. Эпир — область в западной Греции — Город в юго-западной Греции — Прим. пер) для передачи его военному трибуналу. Помню, другие офицеры говорили командиру: “Ну и конвоира ты ему подыскал!” Несчастный, которого мне предстояло сопровождать, был родом из Эпира, по профессии — музыкант, человек бедный, женатый, с детьми. Он обвинялся в “самостреле,” то есть в нанесении телесного увечья себе самому для того, чтобы его отправили в тыл. “Лучше, — рассудил он, — жить с одной ногой, чем быть убитым.” Сначала мы с ним приехали в город Агринио, где у него были знакомые. “Пойдем, — говорит, — проведаем их.” — “Ну что же, — отвечаю, — пойдем.” “Пойдем сюда, пойдем туда,” — что поделать, приходилось мне всюду с ним ходить. Ох, какое же мытарство! К тому же, он не хотел, чтобы я сдавал его трибуналу. Да мне и самому было жаль бедолагу, стало за него очень больно, и я сказал ему: “Вот увидишь — все у тебя обойдется, и устроишься лучше всех! Наш командир пришлет объяснительную записку по твоему делу, и тебя пристроят в какое-нибудь тихое место — так что и детям своим сможешь помогать, и жизнь твоя будет в безопасности.” Добравшись наконец до Навпакта, мы узнали, что в трибунал уже пришло письмо от командира и дело на нашего самострельщика закрыто. А ведь ему грозил расстрел — время было военное, суровое. Командир пожалел его, поскольку он был главой семьи, и назначил поваром в Центр распределения новобранцев. Его семья перебралась поближе к этому Центру, и войну он провел лучше всех, а поскольку солдаты иногда не приходили обедать в столовую, у него оставалась еда, и он кормил своих детей. После войны все ему говорили: “Да тебе было лучше всех!” Потому что мы сидели в горах, в снегах. То, что я пожелал ему, было угодно Богу, потому что я сказал с болью, от сердца. Поэтому Бог и исполнил это благословение.

Помню и другой подобный случай — в мою бытность в Конице, в обители Стомион. Восьмого сентября в обители престольный праздник — Рождество Пресвятой Богородицы. После праздника паломники оставили все вверх дном. Я стал потихоньку наводить порядок. Смотрю, моя сестра и еще одна девушка остались мне помогать. У этой второй девушки было еще две сестры — одна старшая, другая младшая. Обе сестры уже вышли замуж, а она еще оставалась незамужней. Сколько же у нее было любочестия! Осталась помогать, и когда мы все вычистили и убрали, сказала: “Отче, если есть другая работа, то мы останемся и сделаем все, что нужно.” — “Какое же любочестие!” — подумал я. Я вошел в храм и от всего сердца сказал: “Пресвятая Богородице, устрой ее Сама. Мне нечего ей дать.” Да если бы у меня что-то и было, она все равно бы ничего не взяла. Ну и что же: возвращается она домой, а там ее дожидается один мой бывший сослуживец — не парень, а просто золото, очень хороший и из хорошей семьи. Они поженились и жили прекрасно. Видите, как вознаградила её Пресвятая Богородица!

6. Грех приносит несчастья.

Ты опрыскала деревья ядом от гусениц?

— Опрыскала, Геронда.

— Вас, монахинь, столько — и не можете убить какой-то гусеницы! Когда во время оккупации на поля напала саранча, сюда, в Халкидику (Халкидика — полуостров и ад.мпннстратнпная единица в северо-восточной Греции. Одной из оконечностей Халкидики является Святая Гора Афон. — Прим. пер.), привезли из Ватопедского монастыря Святой Пояс Пресвятой Богородицы — и саранча целыми тучами падала в море. А в Эпире, помню, она покрывала поля, как снег. Мы все вышли тогда на поля — собирали саранчу простынями и уносили. А какой же тогда был голод! Лучше и не спрашивай... Пшеница после саранчи снова пришла в себя, но была уже очень и очень слабая.

Нашествия саранчи, воины, засухи, болезни — это бич. И не в том дело, что Бог хочет таким образом воспитать человека, нет, эти несчастья — следствие удаления человека от Бога. Все это происходит потому, что человек отрывается от Бога. И приходит гнев Божий — для того, чтобы человек вспомнил о Боге и попросил Его помощи. Не то, чтобы Бог устраивал все это и отдавал повеления о том, чтобы на человека пришло то или иное несчастье. Нет, но Бог, видя до какой степени дойдет злоба людей и зная, что они не изменятся, попускает случиться несчастью — для их вразумления. Это не значит, что Бог устраивает все это Сам.

Иисусу Навину (Нав. 13:1-2; Суд. 3:1-4) Бог велел не истреблять одно языческое племя — филистимлян, чтобы, когда евреи забывали Бога, филистимляне становились для них бичом. Итак, когда евреи удалялись от Бога, диавол вступал в свои права, возбуждал свою "братву" — филистимлян, и они шли на евреев войной. Они брали еврейских младенцев и разбивали их о камень, чтобы уничтожить [всех]. Но когда враги напали на Израиль без вины со стороны евреев, то на стороне евреев воевал Сам Бог. Бог поразил язычников градом камней (Нав. 10:11) и уничтожил их, потому что в этом случае израильтяне имели право на божественное вмешательство.

Сколько же обетований дал Бог о храме Соломоновом! И, однако, сколько раз этот храм сгорал и уничтожался! Когда народ израильский отходил от Бога, пророки начинали взывать к людям и призывали их образумиться, но их усилия были тщетны: как о стенку горох. Люди успокаивали себя следующим помыслом: "Когда Соломон построил храм, Бог ниспослал множество благословений и сказал, что с этого места будут благословляться и освящаться все люди (3 Цар. 9:1-9). Значит, все это останется невредимым — и наши стены, и наш храм. Такое обетование дал Бог." Да, Бог дал такое обетование, но при условии, что и сами израильтяне будут жить правильно. Бог дал Благодать храму Соломона, но когда израильтяне переставали хранить заповеди, то по Его попущению храм предавался огню или разрушению. А покаявшись, израильтяне возводили храм заново. Например, когда они отошли от Бога при царе Седекие, пришел Навуходоносор, поджег храм, разрушил иерусалимские стены, а евреев в узах отвел в Вавилонский плен (4 Цар. 24). Конечно, в плен отвели и тех, кто был невиновен, но эти люди имели чистое воздаяние. Те, чья вина была велика, ее искупили. А те пострадавшие, чья вина была не столь велика, получили малое воздаяние. Когда кто-то становится причиной гнева Божия и невиновные тоже подвергаются страданиям, то, несмотря на то, что невиновных страдальцев ждет мзда, виновный в их страданиях все равно преступник, потому-то [невиновные] люди могли бы унаследовать Небесное Царство и без мучений, тогда как сейчас они мучаются.

Мы должны знать, что люди верующие, хранящие заповеди Божий, приемлют Благодать Божию, и Бог — как бы это получше выразиться — "в обязательном порядке" помогает им в эти нелегкие годы. Я слышал, что в Америке появилась новая болезнь (Старец имеет в виду СПИД (произнесено в ноябре 1984 г.)). Многие из тех, кто живет противоестественной, греховной жизнью, заболевают ей и умирают. А сейчас я узнал, что эта болезнь появилась и у нас. Видите, не Бог уничтожает людей — люди сами истребляют свой род, сами уничтожают себя. То есть не Бог их наказывает, но своей греховною жизнью они сами создают для себя наказание. И видно, что искореняются те люди, жизнь которых не имеет смысла.

— Геронда, а почему не могут найти лекарство от рака? Этого не попускает Бог или же люди сами не призывают божественную помощь?

— Худо то, что если даже и будет найдено лекарство от рака, появится какая-нибудь другая болезнь. Сперва был туберкулез — нашли лекарство от туберкулеза —появился рак. А если Бог поможет победить рак, то появится другая болезнь. Причиной появления новой болезни будут сами люди, и конца-края этому не будет.

Человеколюбиво все, что попускает Бог.

— Геронда, а для чего Бог попускает случиться какому-то несчастью?

— Этому может быть много причин. В одном случае Бог попускает несчастье, чтобы из этого произошло что-то лучшее, в другом случае — в педагогических целях. Одни получают воздаяние, другие расплачиваются за грехи — не пропадает ничего. Знайте, что все попускаемое Богом человеколюбиво, даже, к примеру, гибель людей. Ведь Бог "сердоболен." Помните, скольких заклал пророк Илия (3. Цар. 18:17-40)? Триста жрецов Вааловых! Он сказал им: "Молитесь вы, и я тоже буду молиться. У кого огонь зажжется сам по себе, у того и истинный Бог." Тогда жрецы Бааловы стали кричать: "Услыши ны, боже наш, Ваале, услыши ны." Ни ответа, ни привета. "Ваш бог, — говорит им пророк Илия, — чем-то занят я вас не слышит. А ну, кричите громче!" Они продолжали кричать и, по своему обыкновению, резали свои тела ножами, чтобы от боли их крики были сильнее и Ваал их услышал.. В конце концов, когда они ничего не добились, пророк Илия сказал: "Намечите мои дрова," потом говорит им: "Утройте." Дрова и жертву облили водой — один раз, потом еще, еще! Налили столько, что дрова стали сырыми и вода растекалась вокруг жертвенника. Как только пророк Илия помолился, с неба ниспал огонь и попалил все возложенное на жертвенник для жертвоприношения — вместе с самим жертвенником! "Схватите жрецов, — сказал Пророк народу, — потому что они совращают народ в идолослужение." И потом, он заклал всех этих лжепророков.

Многие говорят: "Помилуйте, но как же пророк Илия мог заклать стольких людей?" У Бога нет жестокости, и у Пророка ее тоже не было. Однако идольские жрецы к тому времени прельстили уже весь народ. Дошло до того, что Пророк был вынужден сказать, что он остался один!

Подумать только! Но, кроме того, идольские жрецы страдали от собственных ран больше, чем от меча пророка Илии, который положил конец их страданиям. Их боль от самоистязаний была сильнее. Видишь: все, что попускает Бог, человеколюбиво, тогда как раны, которые они наносили сами себе, были для них мучительны.

— А почему, Геронда, в Ветхом Завете наказание Божие приходило столь незамедлительно?

— Людям Ветхого Завета был понятен такой язык, такой закон. Бог был тогда таким же, как и сейчас, но ветхозаветный закон был предназначен для людей того времени, потому что по-другому они не понимали. Пусть ветхозаветный закон не покажется вам жестоким и отличным от Евангелия. Для той эпохи этот закон был благотворным. Жестоким был не закон, жестоким было то поколение. Нынешнее люди могут, конечно, совершать и еще большие жестокости, но сейчас они, по крайней мере, в состоянии это понять. В наши дни стоит закачаться какой-нибудь лампаде, как люди приходят в такой трепет! А в те времена Бог чего только ни делал! Смотри: Он поразил фараона десятью язвами, чтобы вывести израильтян из Египта, иссушил Чермное море, чтобы они могли через него пройти. Днем Он давал им облако, чтобы их не жгло солнце, а ночью — огненный столп, чтобы указывать им путь. И после всех этих чудес они дошли до того, что попросили сделать им золотого тельца и стали поклоняться ему как Богу! (Исх. 32:1-6). Нынешние же люди ни за что бы не сказали, что какой-то там телец может привести их в Землю Обетованную.

Сегодня Бога отодвигают на последнее место.

Благий Бог подает нам свои богатые благословения. Не проявим же неблагодарности и не станем Его прогневлять, ибо *“грядёт гнев Божий на сыны противления”* (Еф. 5:6). Да не будем же и мы такими сынами. Люди нашей эпохи не пережили ни войн, ни голода. “И в Боге, — говорят они, — мы тоже не нуждаемся.” Они имеют всё и поэтому ничего не ценят. Однако, если наступят нелегкие времена, голод или что-то подобное и им нечего будет есть, то они как следует поймут цену и хлебушка, и простого варенья, и всего, чего они тогда лишатся. Если мы не славим Бога, то Он попускает прийти какому-нибудь испытанию — чтобы мы ценили то, что имеем. Если же мы ценим то, что у нас есть, то Бог не попускает произойти никакому злу.

В прежние времена, когда не было всех этих многих удобств, когда наука еще не сделала таких больших шагов вперед, людям приходилось во всех трудностях прибегать к Богу, и Бог помогал им. А сейчас наука добилась больших успехов, и поэтому Бога отодвигают на последнее место. Сегодня люди идут по жизни без Бога, планируют то одно, то другое, надеются то на пожарную охрану, то на буровые скважины, на пятое, на десятое... Но что могут сделать люди без Бога? Они лишь наведут на себя гнев Божий. Видишь как: когда нет дождей, люди не говорят: “Будем молиться Богу,” а говорят: “Будем бурить скважины для колодцев.” Худо то, что из-за всех этих технических средств так думают не только неверующие, но даже верующие — и они потихоньку начинают забывать о силе Божией. К счастью, Бог терпит нас. Но люди даже и не понимают того, что Бог промышляет о них.

Как-то пришли ко мне несколько человек и стали говорить: “Мы не нуждаемся в Боге: у нас есть артезианские колодцы.” И это в то время, когда надо больше, чем когда бы то ни было, просить Бога, чтобы Он совершил сугубое чудо — потому что люди делами своих рук исказили уже и природу. Как-то я наблюдал за тучами — их носило ветром то туда, то сюда, они то собирались в одном месте, то перелетали в другое — то подскакивали вверх, то падали вниз... Поднимается ветер и начинает разгонять дождевые тучи, а люди, вместо того, чтобы сказать: “Сейчас Бог должен совершить сугубое чудо, чтобы их удержать,” говорят: “Мы не нуждаемся в Боге.” К счастью, Бог не относится к нашим словам как к чему-то серьезному, иначе нам пришлось бы несладко...

В поисках воды люди бурят скважины артезианских колодцев на глубину сто — сто пятьдесят метров, но воды не находят. В городе Навплион (Навплион — город и порт в Пелопонессе (Южная Греция)) пробурили скважину глубиной сто восемьдесят метров — и вместо пресной воды докопались до морской. Другие решили провести реку Эленос (Эленос — река в Центральной Греции) в Афины. А для того, чтобы провести ее в Афины, понадобится десять лет работы и огромные расходы, но потом и эта вода все равно закончится. Люди не говорят *"Согрешили"*. Недавно, когда была засуха (Произнесено в ноябре 1990 г), в одну глухую деревушку приехал какой-то политический деятель и сказал жителям, что в их деревне установят систему для очистки канализационных вод — чтобы у них была вода для питья. И ведь отнеслись к этой затее как к чему-то выдающемуся! А такие вещи и в мыслях-то допускать неприлично! Посмотрите, до чего доходят люди — пьют, извиняюсь за выражение, собственную мочу! Если что-то подобное делается в каком-нибудь большом городе, где люди уклонились от [истинного] пути, тогда ладно, этому есть хоть какое-то оправдание, потому что в городе увлеклись мирским духом. Но когда жителям глухой деревушки в качестве решения проблемы предлагают очищать и пить собственную мочу, и они — вместо того, чтобы обратить свой взор к Богу, сказать одно-единственное слово: “согрешил” и получить от Него воду — считают предложенное серьезной затеей, — это страшно. А в одном святогорском монастыре додумались до того, чтобы посадить сосны, а потом продать их для бумажной промышленности. И Бог наказал их — все посаженные деревья засохли. Да что же, брат ты мой — Святая Гора станет производителем салфеток и туалетной бумаги? Понимаете, что творится? И вот — трудились, сажали деревья, и все, что посадили, — засохло. Гнев Божий!..

— Геронда, а они поняли свою ошибку?

— Ах, да в том-то и дело, что нет! После этого они привезли из Германии установки для бурения, чтобы выкачивать воду из глубины земли. В результате исчезла и та вода, что была раньше. Видишь, куда может завести торгашеский подход к делу, если теряется духовная чуткость! Поэтому из монашества мало-помалу и исчезает благоговение. Не понимают того, что если не будет дождя, то ничего не поможет — исчезнет и та вода, что еще остается в водоемах. Люди используют одну лишь логику, а Бога отодвигают на последнее место.

В Ветхом Завете описывается такой случай (4. Цар. 7). Во время осады Самарии сирийцами в городе закончилась даже вода. Началось ужасное бедствие, голод, издыхали животные, а матери дошли до того, что ели своих детей. Пророк Елисей пошел к управляющему царя Иорама и сказал ему: “Животные пали, люди умирают от голода, но Бог пошлет нам Свою помощь.” Управляющий ко всему подходил с позиций логики. “Как Он поможет? — сказал он Пророку. — С неба, что ли, пришлет?” — “Завтра, — ответил ему Пророк, — Бог ниспошлет нам помощь, но только тебе порадоваться этому не придется.” И действительно: на следующий день Бог навел на вражеский стан страшную панику. Сирийцам послышался топот лошадиных копыт, стук колесниц, в их ушах зазвенело, и они подумали, что на помощь израильтянам пришли египтяне. Они обратились в бегство, а все, что у них было, — шатры, продовольствие, оружие — оставили в стане А когда они достигли своего отечества, искуситель навел на них такую страшную сумятицу, что сто восемьдесят тысяч человек перебили друг друга. Между тем четверо прокаженных, сидевших у ворот Самарии, сказали друг другу: “Не пойти ли нам во вражеский стан — может быть, найдем какую-нибудь пищу? Ведь так или иначе умирать.” Подходят к одному шатру — никого. Подходят к другому — никого! Врагов — ни души! Набирают продуктов, вещей — целые мешки набили. Потом они вернулись в город и сказали израильтянам, что враги сняли осаду. Но израильтяне решили, что это военная хитрость. “Враги спрятались, — сказали они, — чтобы заставить нас открыть ворота и таким образом войти в город.” Тогда один военачальник предложил: “У нас осталось пять лошадей. Может быть, пошлем на разведку воинов — посмотреть, что происходит?” Воины отправились каждый в своем направлении и, вернувшись, сообщили: “Враги в панике бежали, бросив все, что у них было.” Тогда все израильтяне побежали к городским воротам, чтобы выйти из города, набрать во вражеском стане продовольствия и разных вещей. А тот самый управляющий находился в городских воротах и пытался навести там порядок. И вот, ринувшаяся через ворота толпа его растоптала. Все получилось так, как и предсказал пророк Елисей: управляющий увидел Божию помощь, но порадоваться ей ему не пришлось. Видите, как Бог расставил всё по местам?

Да пожалеет Бог мир и пошлет нам дождь.

Насколько же премудро все устроено Богом! Тают снега — наполняются источники. Но вот сейчас (Произнесено в ноябре 1990 г. во время сильной засухи) — ни снега, ни дождя. Что же из всего этого выйдет? Что будут пить люди? Да пожалеет Бог мир, да умилостивится Он над нами и пошлет дождь. Ведь если будет продолжаться засуха, то потихоньку засохнут даже листья на деревьях. На маслинах не будет видно не то что зеленого плода, но даже зеленого листочка. Что бы ни посеял человек, если Бог не покропит сверху святой водою, то есть дождем, то все посаженное засохнет. Дождь — это святая вода.

Несчастные люди, что же они будут делать при нехватке воды, привыкнув к ее изобилию? Бог не дает воду за грехи, но даже и просто рассуждая по-человечески: как может хватить воды, если люди ее так расточительно расходуют? Представляю, что будет твориться в городах! Ведь только для одного сливного бачка в туалете нужна целая здоровенная жестяная банка воды. Города наполнятся микробами, начнется холера. Люди будут умирать, оставаться без погребения, а сверху трупы будут посыпать каким-нибудь порошком для дезинфекции. К нашему счастью, Бог еще не оставил мир совсем и промышляет о нем.

Мы живем в апокалипсические времена. Чем, по-вашему, являются засухи, бездождия, которые мы терпим из года в год? Разве бывали раньше засухи, подобные нынешней? Вот и здесь, в Халкидике, пересохла река, погибла рыба, зловоние распространилось по всей округе. И в Салониках остро встала проблема с водой. В Марафонском озере (Озеро в юго-западной Греции — источник снабжения Афин водой) уровень воды очень понизился, и уже виднеются островки суши. В Пинеосе (Река в Фессалии) уровень воды тоже упал. В Эвросе (Эврос — река в Северной Греции, в Болгарии она носит название Марица) было раньше хоть немного воды, но выше по течению болгары перегородили ее плотиной, и она сошла на нет. Если начнется какая-нибудь заваруха, то танки легко пройдут через реку. И на Кипре — если в нынешнем году снова не будет дождя, то проблема с водой встанет очень остро. И разве только это? Еще столько всего... Деревья — одни засыхают, другие поражены болезнями... Люди заболевают и умирают. Если люди не каются, то какой там будет дождь, разве Бог даст его? Но знаете, как все меняется, если иметь доверие Богу? Иметь Бога своим союзником — шуточное ли дело? Для Бога нет затруднительных положений, Ему нетрудно найти выход из любой ситуации. Для Бога все просто. Он не использует большую силу для сверхъестественного и меньшую — для естественного, одну и ту же силу Он применяет во всем. Лишь бы человек прилепился к Нему — вот что самое главное.

А молитесь ли вы о дожде или этот вопрос вас не занимает? Сейчас у людей самая пора пахать землю и начинать сев. Поля уже должны быть засеяны, но люди еще не могут справиться даже со вспашкой (Из-за того, что почва очень сухая). Это бездождие — испытание от Бога. А молиться в случае таких испытаний и есть дело монаха. Не скрою, что я вами недоволен. В прошлую засуху, когда люди из-за бездождия были вынуждены скосить пшеницу на сено, вы даже и не пошевелились в отношении молитвы. Почему? Потому, что сами вы поливаете огород из шланга? Чтобы такое было в последний раз — в следующий раз вам должно стать больно за людей. Узнавая о происходящем, совершайте об этом молитву. И мне пишите о том, что происходит. Вам предстоит сдача экзаменов. Если вы их сдадите — то есть если пойдет дождь, — то я сделаю вас своими сора-ботниками в молитве. А все, что будет подавать нам Божий Промысл, мы с вами станем делить между собой.

Когда, молясь о дожде, я вижу, что на небе появилась хотя бы одна тучка, то я славлю Бога за то, что Он ее прислал — пусть дождь даже и не пойдет. А моя совесть укоряет меня в том, что во мне самом есть много духовных туч, которые отгоняют Божии облака. Если мы будем смиренно просить милости Божией, то Бог поможет. Во время засухи молитва смиренного человека собирает дождевые тучи. Будем всегда молиться и о том, чтобы посланный Богом дождь обладал и духовным действием, чтобы он тушил тот духовный пожар, который, по дьявольской злобе, бушует в мире и опаляет души людей.

Я обрадовался, услышав, как некоторые говорят: “Мы недостойны, но вот Бог нас опять пожалел: дал маленько дождика и снега.” Если у нас будут такие смиренные помыслы, то Бог даст нам больше. По крайней мере, признание своего недостоинства — это уже покаяние. К счастью, еще осталось немного закваски. Просите Бога, чтобы Он взял отвертку и подкрутил винтики в головах у людей. Я вижу, что некоторые из тех, кто занимает высокие должности, расположены по-доброму. Они понимают, к чему мы идем.

Будем просить Бога, чтобы Он дал миру покаяние.

О, если бы мы осознавали Божие долготерпение! Для строительства Ноева ковчега понадобилось сто лет (Быт. 5:32). Думаете, Бог не мог быстро построить какой-то там ковчег? Конечно, мог, но Он оставил Ноя мучиться сто лет, чтобы остальные тоже поняли, что их ждет, и покаялись. “Смотрите, — говорил людям Ной, — будет потоп! Покайтесь.” Но его поднимали на смех. “Что за ящик он строит!” — иронизировали современники Ноя и продолжали свое. И сейчас Бог может за две минуты потрясти весь мир и заставить его измениться — так, чтобы все стали верующими и даже “суперверующими.” Как? А вот как: если Он переключит тумблер на "землетрясение” и станет потихонечку поворачивать регулятор усилителя: сначала на “5 баллов Рихтера,” потом — на “6,” потом — на “7”... На “восьми” многоэтажки начнут качаться как пьяные и биться одна о другую. На “десятке” все скажут: “Согрешили! Умоляем Тебя, спаси нас!” А может быть, люди даже дадут обет уйти в монахи — все до одного! Но лишь только землетрясение закончится, а люди, хотя и будут еще немного покачиваться — уже смогут удерживаться на ногах, опять побегут к бары и на дискотеки! Потому что в таком обращении людей к Богу не будет настоящего покаяния, они произнесут слова покаяния поверхностно, чтобы спастись от зла.

— Геронда. а если какое-то, к примеру, стихийное бедствие случается как гнев Божий и праведные люди молят Бога о милости, то слышит ли Бог их молитвы?

— Знаешь, в чем тут дело? У людей нет покаяния, и поэтому Бог не слышит молитвы праведников. Если прогневав Бога, мы признаем свою вину, это совсем другое дело — тогда Бог умилостивляется над нами и нам помогает. Но если человек не признаёт, что он прогневал Бога, и продолжает дудеть в свою дудку, то как Бог услышит молитвы праведных? Для того, чтобы Бог простил человека, совершившего какой-то проступок, он должен этот проступок осознать. А кроме того, если погрешности совершают люди духовные, то смягчающих вину обстоятельств у них нет. *“О наших гресех и о людских неведениях”* — говорится в одной молитве (Молитва Приношения на Великом Входе на Литургии). Если проступки несчастных мирских людей — это *“неведения,”* то проступки людей духовных — это уже *“греси.”* Поэтому если проступок совершают духовные люди, то это не шутки. Смягчающие вину обстоятельства есть у людей мирских.

В нынешнем году (1990), — когда Успенский постом на Святой Горе разбушевался пожар, творилось что-то ужасное. Все самые лучшие пожарные собрались на Афоне, но никто из них не мог ничего сделать, им оставалось только смотреть на то, как бушует пламя. Самолеты пожарной охраны, казалось, только усиливали и раздували пожар еще больше. Один монастырь обнесли специальными противопожарными поясами, чтобы воспрепятствовать огню пройти через них, но огонь — наперекор всем поясам — перескочил внутрь монастыря — в архондарик — туда, где его никто не ждал. Святая Гора горела пятнадцать дней — и пятнадцатого августа огонь погас сам по себе. Некоторые говорили: “А почему Матерь Божия его не погасит?” То есть, мы доходим уже до того, что начинаем хулить имя Божие. Но вот, когда через шесть дней опять начался пожар — на этот раз уже в другом месте Святой Горы, — сразу же пошел дождь и все погасил. Один пожар погас, а другой — нет. Неужели непонятно почему?

Некоторые люди, не зная действующих духовных законов, молятся с болью, но не бывают услышаны, поскольку происходящее несчастье является гневом Божиим. А другие при каком-то бедствии совсем не молятся — ни одной четки, потому что признают справедливость гнева Божия, целью которого является вразумление людей. Да подаст Бог больше просвещения нам, монахам, потому что по большей части мы — юродивые девы (Мф. 25:1-13), а наши светильники наполнены водой — один только фитиль чуточку пропитан маслом. А люди мирские ждут, что мы осветим им путь, и они не будут спотыкаться!

Будем же просить Бога, чтобы Он дал миру покаяние, и мы избежали Его праведного гнева. Грядущего гнева Божия нельзя избежать ничем, кроме покаяния и хранения Его заповедей.

Часть вторая.
О современной культуре.

"**К**ультура — это хорошо, но для того, чтобы она принесла пользу, необходимо “окультурить” еще и душу”

1. Божия Премудрость.

“Вся премудростью сотворил еси...” (Пс. 103:24)

Геронда, можно мы разорим ласточкины гнезда? Ласточки разводят грязь, и собираются клопы.

— А ты сама можешь слепить хоть одно ласточкино гнездышко? Ах, что за красоту сотворил Бог единым лишь Своим словом! Какая гармония, какое разнообразие! Куда ни взгляни — во всем видны Божий премудрость и величие. Посмотри на небесные светила, на звезды, — с какой простотой рассыпала их Его божественная рука! Отвеса и уровня, которыми пользуются мастера, Он при этом не применял. А как отдыхает человек, глядя на звездное небо! Тогда как от выставленных в ровный ряд мирских светильников человек очень устает. С какой гармонией все устроено Богом! Посмотри-ка на леса, посаженные человеком: деревья стоят армейскими шеренгами — все равно, что роты солдат. А как восстанавливает силы человека настоящий, а не искусственный лес! Одни деревца — поменьше, другие — побольше, каждое дерево отличается от другого даже цветом. У одного крохотного Божия цветочка благодати больше, чем у целой охапки искусственных бумажных цветов. Они отличаются друг от друга так же, как дух отличается от духов. (греч. игра слов, буквально — как невещественное отличается от полиэтилена).

Удивительно все, что создано Богом. Взять человеческий организм — да ведь это целое предприятие. Бог премудро определил всему свое место — сердцу, печени, легким. И растения — как же премудро Он их устроил! Во время оккупации (Оккупация Греции в 1941-44 гг. Германией, Италией и Болгарией. — Прим. пер) мы посадили пять стрем (Стремма — мера площади 1000 м^2) дынь и поливали их. Как-то, думая сделать лучше и очистить дыни, я обрезал у них большие листья, расположенные возле корней. Однако оказалось, что эти большие листья — своего рода “фильтры” или “почки” растений и они забирают в себя всю горечь. Ох, ну и дыни у нас тогда были! Просто язык обжигали!..

— Все-то Вы, Геронда, подмечаете!...

— Да я во всем нахожу Бога! И в растениях, и в животных — во всем. Да и как тут не удивляться! Крошечная пичужка отправляется в путешествие, достигает Африки, потом — без компаса — возвращается обратно и находит свое гнездышко! А люди — имея карты, дорожные указатели — сбиваются с пути. И ведь птицы путешествуют по небу, а не по суше — то есть зарубок после себя не оставляют. Летят в вышине, над морем! Ну скажи, пожалуйста, на чем там оставишь зарубки? А есть еще такие малые птахи, так они садятся на спины аистам — все равно что на самолеты! Настоящие авиапассажиры! Птицы, летя над морем, садятся на какой-нибудь остров и отдыхают. Однажды, живя в каливе Честного Креста, я увидел, как с востока летят птицы, похожие на воробьев, только крупнее и красивее. Их была целая стая. Но вот, четыре-пять птиц, по всей вероятности, выбились из сил и не могли лететь дальше. Тогда от стаи оторвалось еще около пятнадцати птиц, — остальные продолжали лететь, — сели на дерево вместе с уставшими птицами, посидели, немножко отдохнули, а потом все вместе взмыли в небо и продолжили полет. И первым делом они поднялись очень высоко, чтобы сориентироваться и догнать остальных. На меня произвело впечатление то, что стая не оставила уставших птиц одних, но выделила им еще пятнадцать товарищей — “группу содействия.”

Насколько же красиво создал все Бог! Только посмотри на котят: какие же они пестрые! А какие у них красивые шубки! Нам, людям, стоит еще позавидовать одеянию животных! Да такой шубы не носила и сама королева! Куда ни повернись — во всем увидишь премудрость Божию. А какая красота была раньше, когда все было естественно! Вон петушок — ведь он кукарекает независимо от погоды. Стоит на одной ножке, а как только она затечет, кричит: “Кукареку!” “Прошло, — говорит, — столько-то часов.” Потом встает на другую ногу, а когда затекает и она — снова: “Кукареку!” И смотри, он кукарекает в полночь, в три и в шесть часов утра. Неизменно каждые три часа. А ведь у петуха нет ни будильника, ни батареек. И заводить его тоже не нужно...

Все, что вы видите и слышите, используйте как средство сообщения с Горним. Все должно возводить вас к Небу. Так, от творения человек постепенно восходит к Творцу. Американцы, слетав на Луну, по крайней мере, оставили там пластину с надписью: *“Небеса поведают славу Божию”* (Пс. 18:2). Русские тоже летали в космос, но Гагарин скатал, что Бога он не видел. Ну, правильно, а как бы ты Его увидел? Ведь ты же летел не с воздетыми к небу руками, а с задранными кверху ногами... А потом от всего этого доходят до того, что говорят: “Вселенную создала природа.” Целую Вселенную, каково? Да тут если сломается какая-нибудь старая машина, то целая куча мастеров и специалистов собирается, чтобы ее чинить. Думают, стараются — это об одной-то старой машине. Тогда как Бог, безо всякого там электричества, вращает целый земной шар, и ни батарейки не кончаются, ни моторчик не останавливается. С какой скоростью Он его вращает — и человек этого даже не чувствует! Страшное дело! Если бы Земля вращалась с меньшей скоростью, то человек бы кувыркался. Земля вращается с такой [большой] скоростью, а вода из моря не выливается, хотя ее так много. И звезды, такие огромные, движутся с головокружительной скоростью, но при этом не соприкасаются друг с другом, но издалека не подпускают другие звезды к себе. А человек, создав какой-нибудь там самолет, восхищается и гордится. Но стоит ему чуточку повредиться в уме, как он начинает нести всякие глупости и сам этого не понимает.

Чего сегодня удалось достичь людям.

Культура — это хорошо, но для того, чтобы она принесла пользу, необходимо “окультурить” еще и душу. Иначе культура закончится катастрофой. “Зло, — сказал Святой Косма Этолийский, — придет от людей грамотных” (Пророчество Святого Космы относится к образованным людям, не имеющим страха Божия). Несмотря на то, что наука продвинулась далеко вперед и достигла столь больших успехов, люди, стремясь помочь миру, делают это так, что разрушают его, сами этого не понимая. Бог позволил человеку делать все по собственному разумению, но, не слушая Бога, человек губит сам себя. Человек сам разрушает себя тем, что он создает.

Люди XX века — чего же они достигли своей культурой и цивилизацией! Они свели мир с ума, они загрязнили атмосферу, они испортили все на свете. Если колесо сойдет с оси, то продолжает вращаться без цели. Так и люди — сойдя с оси Божией гармонии, они мучаются. В старину люди страдали от войны, сегодня они страдают от цивилизации. Тогда из-за войны люди из городов переселялись в деревни и жили, имея какой-нибудь небольшой огородик. А сейчас люди не смогут жить в городах и будут из них уходить из-за натиска цивилизации. Тогда война приносила людям смерть, а сейчас цивилизация приносит им болезни.

— Геронда, а отчего так сильно распространился рак?

— Чернобыль и все подобное этому, думаешь, что — прошли бесследно? Оттуда все и идет. Вот тебе люди — все это их плоды... Народ страшно изуродован. В какую эпоху было столько больных? В старину люди такими не были. А сейчас, какое бы письмо из тех, что мне присылают, я ни открыл, так обязательно встречу или рак, или душевное заболевание, или инсульт, или разрушенные семьи. Прежде рак был редкостью. Ведь жизнь-то была естественной. О том, что попускал Бог, речь сейчас не идет. Человек ел естественную пищу и отличался отменным здоровьем. Все было чистым: фрукты, лук, помидоры. А сейчас даже естественная пища калечит человека. Те, кто питается одними фруктами и овощами, терпят еще больший вред, потому что все загрязнено. Если бы так было раньше, то я умер бы в молодом возрасте, потому что в монашестве я питался тем, что давал огород: луком-пореем, марулей (салат), обычным луком, капустой и подобным этому, и чувствовал себя прекрасно. А сейчас — удобряют, опрыскивают... Подумать только — чем питаются нынешние люди!.. Душевное неспокойствие, пищевые суррогаты — все это приносит человеку болезнь. Применяя науку без рассуждения, люди приводят в негодность самих себя.

— Геронда, а почему раньше люди были выносливее в подвижничестве и их здоровье было крепче, чем у нас? Имело ли значение то, чем они питались?

— Да, ведь в те времена пищевые продукты были чистыми. По-моему, это и без объяснений понятно. Все, чем питались люди, было созревшим. А сейчас, чтобы овощи и фрукты не портились, их срывают недоспелыми и складывают в холодильник. Срывают с дерева недозрелые зеленые плоды и оставляют их дозревать в ящиках. Раньше плод, созрев, падал с дерева сам или же отрывался от ветки, едва лишь ты дотрагивался до него рукой. Дети кушали хлебушек со сливочным маслом или молоком, и это давало им здоровье. Но люди, помимо того, что ели хорошую, здоровую пищу, еще шевелили своими мозгами и, заболевая чем-нибудь, понимали, от пищи это или нет. А сейчас и пища ненатуральная, и мозгами не шевелят.

Сколько же халтурного производит сейчас человек! Шерсть потихонечку выводят из употребления. Найти шерстяную майку, чтобы она впитывала пот, — это целая проблема. Надев майку, я сразу понимаю, есть ли в ней синтетика. Если есть, то я не могу вздохнуть, весь извожусь, мучаюсь не знаю как! И ведь считают, что такие майки прочнее, лучше, чем натуральные. Считают это прогрессом! Но полезны ли они для здоровья? Нет, наоборот, изготавливая такие вещи, люди своему здоровью вредят. И наклеивают этикетку: “Изготовлено из девственно чистой шерсти”! Да, пожалуй, и другие словечки найдут для рекламы — еще почище! Овцы у нас остались сейчас только для мяса, потому что шерсть мы делаем из нефти. А гусеницы-шелкопряды говорят: “Ну раз вы хотите шелк лучше, чем наш, то и делайте его сами!..”

Люди потеряли терпение.

— Геронда, почему у нас сегодня нет терпения?

— Все, что сегодня происходит, людям не на пользу. Прежде и жизнь была умиротворенной и сами люди были умиротворенными, очень выносливыми — способными терпеть. Сегодня вся эта вошедшая в мир спешка сделала людей нетерпеливыми. В прежнее время человек знал, что помидоры он начнет есть в конце июня. Ему и в голову не приходило есть помидоры раньше времени. Люди ждали августа, чтобы покушать арбуза, они знали, когда придет время есть смоквы, когда — дыни. А что происходит сейчас? Торговцы едут в Египет и закупают там помидоры раньше времени, хотя, пока не созреют помидоры, в Греции есть апельсины — с теми же самыми витаминами. Нет, апельсинов, видишь ли, не хотят! Да брат ты мой, потерпи маленечко и покушай пока чего-нибудь другого! Нет — во что бы то ни стало поедут в Египет и привезут помидоров. На Крите посмотрели-посмотрели на такое дело и стали строить теплицы, чтобы и у них помидоры созревали раньше. А кончилось тем, что устроили теплицы по всей Греции, чтобы есть помидоры и зимой, убиваются и строят теплицы для всех овощей, чтобы в любое время года иметь на столе все, что сердце пожелает, и не ждать положенного времени.

Это бы еще ладно, куда ни шло. Но ведь идут и дальше. С вечера помидоры зеленые, а утром их уже везут в магазины красными, “мясистыми”! Одному министру я даже сказал “пару ласковых” насчет этого. “Теплицы, — говорю, — это еще куда ни шло. Но ведь фрукты, помидоры, другие плоды выращивают на гормонах! Плоды-то зреют за одну ночь, но на тех несчастных, у кого повышенная чувствительность к гормональным препаратам, выходит, наплевать? Пусть себе болеют, да?” Животных тоже испортили. Хоть кур возьми, хоть телят. Сорокадневных цыплят накачивают гормонами до веса шестимесячных. Человек ест их мясо, но какую он от него получит пользу? Для того, чтобы коровы давали больше молока, их тоже пичкают гормонами. Коровы дают больше молока, но потом производители не могут это молоко продать! Начинаются забастовки, молоко падает в цене, его выливают на дорогу, а люди пьют молоко, напичканное гормонами! А если бы оставили так, как определено Богом, то все шло бы своим чередом и люди пили бы чистенькое молочко! И, кроме того, от этих инъекций все становится безвкусным. Безвкусные продукты, безвкусные люди — стало безвкусным все. Даже сама жизнь потеряла для людей вкус. Спрашиваешь молодых ребят: “Что тебе по душе?” — “Ничего,” — отвечают. И это здоровенные парни! “Ну, скажи хоть, что тебе нравится делать?” — “Ничего.” Вот до чего доходит человек! Делами рук своих он думает “исправить ошибки” Бога. Для того, чтобы куры неслись, ночь превращают в день. А ты видела яйца, снесенные такими курами? Ведь если бы Бог сделал луну сияющей, как солнце, то люди посходили бы с ума. Бог создал ночь, чтобы люди отдыхали, но до чего же они дошли сейчас!

Люди потеряли умиротворенность. Все эти теплицы, овощные инъекции и тому подобные вещи тоже привели людей к нетерпеливости. В старину люди знали, что пешком из одного места в другое они дойдут за несколько часов. Если у кого-то ноги были покрепче, то он приходил маленько быстрее. Потом придумали повозки, потом автомобили, потом самолеты и так далее. Стараются найти все новые и новые, более быстрые средства передвижения. Сделали такие самолеты, на которых можно долететь из Франции до Америки за три часа (Старец имеет в виду сверхзвуковые пассажирские самолеты дальнего радиуса действия типа "Конкорд."). Но если человек с такой огромной скоростью перелетает из одного климатического пояса в другой, то и просто резкая смена климата ему повредит. Все спешка, спешка... Потихоньку дойдут до того, что человек будет залезать внутрь летательного снаряда, потом — выстрел, полет, удар, разрыв — и взору публики предстает ошалевший путешественник. А что вы думали? Дойдет и этого. Самый настоящий сумасшедший дом!

Всю атмосферу загадили — так это ничего, а кости им помешали.

Геронда, слышно, что собираются сжигать мертвых — как говорят, "из соображений гигиены и для экономии земных площадей."

Из соображений гигиены? Да ты только послушай! И не стыдно им такое говорить? То, что всю атмосферу загадили, так это ничего, а косточки им, видите ли, помешали! Да ведь останки, кроме всего прочего, еще и омывают. А насчет "экономии земли," неужели нельзя в целой Греции со всеми её лесами найти место для кладбищ? Одному профессору университета я сказал "пару теплых слов" насчет всего этого. Как же так: для мусора находят столько места, а для священных останков не находят. Земли, что ли, дефицит? А сколько мощей Святых может быть на кладбищах? Об этом они не подумали?

В Европе сжигают мертвых не потому, что их негде хоронить, но потому, что кремацию считают делом прогрессивным. Вместо того, чтобы вырубить какой-нибудь лесок и освободить место для мертвых, скорее освободят место от них самих, сжигая и превращая их в золу. Потом кладут этот пепел в малюсенькую коробочку и считают все это делом прогрессивным. Мертвых сжигают потому, что нигилисты хотят разложить всё — включая человека. Они хотят сделать так, чтобы не осталось ничего, что напоминало бы человеку о его родителях, о его дедах, о жизни его предков. Они хотят оторвать людей от Предания, хотят заставить их позабыть о жизни иной и привязать к жизни этой.

— Однако, Геронда, говорят, что в некоторых муниципалитетах Афин действительно возникла такая проблема — негде хоронить мертвых.

— Да ведь пустует столько места! Неужели нельзя найти немного земли? Вокруг Афин есть целая куча пустырей, принадлежащих городу. И я знаю людей из правительства, у которых в пригородах Афин много земли. Что, не могут устроить там кладбище? А потом, ведь большинство жителей Афин родом из провинции. Почему бы не отвозить усопших для погребения в их города и деревни? Пусть каждого везут на его родину и там погребают. Там, в провинции, похороны не потребуют и больших затрат, надо будет только заплатить за перевозку тела. Пусть объявят, что те, кто переехал в Афины в последние годы, после смерти должны быть погребены там, откуда они приехали. Да так и лучше было бы. А тем семьям, что живут в столице не меньше трех поколений, надо найти место в городе. Когда, спустя три года после похорон, останки достанут из могилы, пусть складывают их в более глубокие общие могильники. Неужели это трудно? Посмотри, как глубоко люди врываются в землю, добывая уголь. Пусть и для останков сделают какое-нибудь большое хранилище и хранят их там все вместе.

Уважение исчезло совсем. Ты только посмотри, что сейчас творится! Собственных родителей дети сдают в дома престарелых! А в старину заботились даже о состарившихся быках, не закалывали их и говорили: "Это ведь наши кормильцы." А как почитали мертвых!. Помню войну: с каким риском мы ходили погребать убитых! Священник, понятно, был обязан пойти. Но солдаты шли вместе с ним — нести тела своих убитых товарищей — по сугробам, по морозу, под градом пуль. Во время Гражданской войны в 1945 году, перед призывом в армию, я помогал нашему церковному сторожу собирать и хоронить убитых. Первым шел священник с кадилом. Как только доносился свист снаряда, мы падали на землю. Давай, поднимайся. Опять свист снаряда — снова на землю. После, когда я уже был солдатом и мы, разутые, сидели в снегах, нам сказали, что желающие могут пойти снять обувь с убитых. Никто даже с места не двинулся. Ах, прошли те добрые времена!

Зло в том, что те, кто обладает властью, молчат, соглашаются с происходящим. С того момента, как возникла эта проблема с усопшими, Церковь должна была занять и выразить определенную позицию, чтобы проблема была решена, потому что [своим молчанием] Церковь дает людям мира сего возможность вмешиваться в духовное и говорить все, что им взбредет в голову. А ведь это — нечестие. И как нынешний мир будет иметь благословение от Бога? До чего же мы докатились! Постепенно хотят лишить человека его достоинства. Ах, поэтому и места для мертвых сейчас найдется много, даже больше, чем достаточно...

Загрязнение и разрушение окружающей среды.

Солнце печет, как на Синае — и даже зимой, потому что в атмосфере открылись озоновые дыры. Если не дует северный ветерок, то невозможно стоять на солнце.

— Геронда, а чем закончится эта проблема с озоном?

— Потерпим немного, пока ученые не возьмут пять килограммов шпаклевки и не залатают дыру! Да-да, вот пусть пойдут и заделают озоновые дыры в атмосфере... Они увидят, что Бог сотворил все премудро, весьма гармонично и скажут: "Просим прощения за то, что мы напортачили."

А об этой дыре в атмосфере — молитесь, чтобы она закрылась. Видите, одна из "чаш" (Апок. 15:7) открылась и там. Засыхают деревья, растения. Однако Бог может опять привести все в порядок.

А посмотрите, до чего излукавились некоторые из тех шарлатанов, что выуживают деньги у богатеев, которым некуда их девать. "В атмосфере, — говорят, — открылась озоновая дыра. Мир погибнет. Как же спасти мир? А вот как — наука разрабатывает проекты глубинных шахт и переселения людей под землю, для того, чтобы уберечься от солнца." Наконец, когда стало ясно, что "переселение под землю" невозможно, стали говорить другое: "На Луне будет развернуто жилищное строительство, построены рестораны, гостиницы, дома и люди переселятся туда. Желающих попасть на Луну с гарантией просят делать взносы!" Но во всем этом, между прочим, нет ни капли правды! Да какое еще "жилищное строительство," когда человек вообще не в состоянии там жить! Ну, залезли пара человек в "консервные банки," слетали и вернулись обратно. А некоторые верят всем этим басням и выкладывают денежки.

— Геронда, многие беспокоятся из-за выхлопных и промышленных газов.

— Надо заставить некоторых директоров заводов установить на трубах очистительные фильтры, чтобы задыхающиеся от промышленной гари люди хоть немножко вздохнули. Вместо того, чтобы давать взятки депутатам парламента и устраивать собственные дела, пусть каждый директор завода потратит чуть побольше денег и купит очистительную установку. В прежние времена этих микробов, этой гари не было. А сейчас всё изгадили и еще считают это прогрессом. А к чему ведет такой прогресс? Он разрушает человека. Выходишь на улицу, а воздух пахнет гарью. Сидишь дома и стоит лишь приоткрыть окно, как уличная копоть вползает внутрь. И когда моешь руки, эта копоть не смывается, то есть она не безвредна. Сажа от печки не содержит в себе масел, поэтому чуть только кашлянул — и она сразу выходит из легких. А эта техническая копоть из легких не выходит — прилипает к ним.

В многоэтажках люди скучены, как сельди в бочках, — один на другом. Кто-то выбивает на балконе половики, а вся пыль летит на балкон его соседа снизу. Как же мучаются те несчастные, что живут на нижних этажах! Вся пыль и мусор с верхних этажей летят к ним. Человек развешивает у себя на балконе белье или открывает окно, а сверху начинают трясти половики и о нем не думают. Да в старые времена в таких многоэтажках устроили бы тюрьмы Иенди-Куле (Тюрьмы, располагавшиеся в старину в крепостных степах г. Салоники). Просто ужас какой-то! Ведь в те времена у домов были дворы, в них паслись животные, рядом был садик с деревцами, где собирались целые стаи птиц...

— А сейчас, Геронда, люди даже ласточек не видят.

— Да что ласточки, с ума что ли сошли, чтобы лететь в многоэтажки? Спятили? Потихоньку дойдет до того, что люди не будут знать, что такое ласточка. В Америке, в одном университете есть отделение, где Священное Писание Ветхого и Нового Завета изучают с исторической точки зрения. Так вот, чтобы студентам было понятно, что такое “пшеница,” у них есть поле, засеянное пшеницей. А для того, чтобы было понятно, что такое “пастух” и что такое “овцы,” у них есть небольшое стадо овец и пастух с посохом. И такое творится в университете!

Люди загрязнили уже всю атмосферу. На дворе — зима, а в воздухе — запахи помойки. А подумай, что творится летом! И ведь не присылают самолет, чтобы он опрыскал помойки каким-нибудь дезинфекционным раствором. К счастью для нас, Бог сотворил благоуханные цветы. Все это множество цветов, и больших и малых, все это цветочное разнообразие нейтрализует зловоние помойки. А что бы творилось, если бы в атмосфере не было разлито этого цветочного благоухания? Вон если где-то валяется падаль, то несет на всю округу. Как же Бог печется о нас! И как несладко нам пришлось бы, если бы Он о нас не заботился! Подумай — если бы не было цветов, растений... Ведь их ароматами покрывается и рассеивается наше зловоние.

Как-то раз один мирянин пришел ко мне в каливу и спросил: “Слушай, что ты здесь делаешь? Чем ты занимаешься целыми днями и ночами?” А как раз в это время вокруг цвели метелочки мелкого кустарника и прилегающий к каливе косогор был полон полевых цветов. Все благоухало. “Да мне, — говорю, — спину и то некогда разогнуть! Целыми днями напролет я поливаю и ухаживаю за всеми этими цветами и растениями, которые ты видишь. А ночью — видел, сколько горит лампадок на небе? Попробуй успей все их зажечь!” Он стал как-то странно смотреть на меня, а я продолжал свои объяснения: “Да ты что, разве не видел, как ночью горят на небе лампадки? Ну вот, зажигаю-то их я! А попробуй успей! Что, думаешь, легко в стольких лампадах поправить поплавки, фитили, заправить их маслом?..” Бедолага после этих слов растерялся не на шутку.

И опрыскивание — это тоже яд. От опрыскиваний умирают не только вредители, но и несчастные птицы. Для того чтобы вылечить деревья от болезней, их опрыскивают ядохимикатами, а после заболевают люди. Все отравляют ядом. Разве не разумнее было бы использовать меньше химикатов, а гнилые растения закапывать в землю — вместо того, чтобы закапывать хорошие плоды, как это делают сейчас [чтобы они не падали в цене]. Целая туча ядохимикатов — разве она безвредна для человека? Особенно для маленьких детей — для них все эти ядохимикаты просто смерть. Поэтому дети и появляются на свет уже больными. Одному агроному я сказал: “Что же такое творится! Вы погубили насекомых, а теперь гибнут люди." Для того чтобы убить насекомых, опрыскивают цветы, а люди после этого заболевают. А потом изобретут еще какие-нибудь ядохимикаты — сильнее нынешних, да только что мы от этого выиграем?

Уже доказано, что некоторые из насекомых, которых убили опрыскиванием, поедали других насекомых. Сейчас, чтобы избавиться от других, мы будем искусственно разводить тех, что убили раньше. Как же премудро все устроено Богом! Там, где есть сверчки, не бывает комаров. Как-то ко мне в каливу пришел один человек и показал маленькую машинку, отгоняющую комаров звуками, похожими на стрекотание сверчка, только погрубее. Сверчков, услаждающих нас своей музыкой, люди убивают, а после этого хотят на батарейках воспроизвести то же самое, что было сделано Богом. Погубили всех — и сверчков и горлиц... Даже ворона увидеть — и то редкость. Скоро будем ловить ворона и сажать его в клетку.

И вы, опрыскивая деревья, оставляйте что-то и Богу, чтобы Он помогал вам. И если химикат на какой-нибудь листик не попадет, то ничего страшного в этом нет. Все нынешние технические средства не содействуют человеку в его вере. Будучи как-то в гостях, я слышал, как люди говорили: “Неужели появился новый химикат от такого-то вредителя? А где? За границей?” И тут же давай звонить, выписывать... Постепенно и мирские люди, и монахи отодвигают Бога на последнее место. Люди не придают первостепенного значения духовной эволюции — чтобы все было освящено. Зло в том, что даже мы, монахи, не идем в духовной эволюции впереди людей мирских.

— Геронда, однако масличные деревья действительно портит дакос — масличный вредитель.

— Молитесь по четкам, чтобы дакос ушел. Боритесь с вредителями не одними только опрыскиваниями, попросите о помощи и Христа. Кроме того, нам хочется сделать все так же хорошо, как и в миру. О том, что монахи должны иметь “мир” иной, мы забываем. Не надо стремиться сделать то же самое, что люди мирские, или даже больше их. О Христе, что — забыли? Я не призываю вовсе не опрыскивать деревьев, но некоторые устраивают с этими ядохимикатами настоящие эксперименты. И когда действительно есть нужда опрыскать деревья, надевайте респираторы.

Лучше кушать плоды, чуть поеденные жучком, чем [красивые на вид, но] опрысканные ядом. Не увлекайтесь опрыскиваниями — сократите их. Молитесь с благоговением — читайте первый псалом (Преподобный Арсений Каппадокийский читал первый псалом во время посадки деревьев и растений — чтобы посаженное принесло добрый плод) и окропляйте деревья святой водой. Если вы будете жить правильно, то и дожди будут литься и гусеницы (Произнесено во время сильной засухи в ноябре 1990 г. В июне того же года в Греции было много гусениц) будут погибать. Бог будет промышлять о вас — нужно иметь благоговение и доверие Ему.

2. Эпоха многих удобств

равняется эпохе множества проблем.

Сердца людей тоже стали железными.

Знакомство с содержанием настоящей главы позволяет ощутить тот в высокой степени подвижнический дух, которым отличался сам Старец Паисий, и ту тревогу, которую он испытывал в связи с тем, что аскетический дух всего монашества может подвергнуться изменению. Старец не является противником культуры, однако хочет подчеркнуть, что не культура должна управлять человеком, а человек культурой. Старец говорил, что в особенности монаху следовало бы не попадать в зависимость от современных технических средств и использовать их с рассуждением, чтобы быть в состоянии направить свои силы на духовную борьбу.

Человеческие удобства перешли всякие границы и поэтому превратились в трудности. Умножились машины — умножились хлопоты. Машины и железки уже командуют человеком, превратив в машину его самого. Поэтому сердца людей и стали железными. При всех существующих технических средствах остается невозделанной совесть человека. Прежде люди работали с помощью животных и отличались состраданием. Если ты нагружал на несчастное животное груз больший, чем тот, который оно могло понести, то оно опускалось на колени, и тебе становилось его жалко. Если оно было голодным и жалобно глядело на тебя, то твое сердце обливалось кровью. Помню, как мы страдали, когда у нас заболела корова, — мы считали ее членом нашей семьи. А сегодня люди имеют дело с железками, и сердца их тоже железные. Лопнула какая-нибудь железяка? На сварку ее. Сломалась машина? Везут в автосервис. Нельзя починить? На свалку, душа не болит: "железо, — говорят, — оно и есть железо." Сердца людей нисколечко не работают, а ведь таким образом в человеке возделывается самолюбие, эгоизм.

Сегодня один человек не думает о другом. В старые времена, [когда не было холодильников] если еда оставалась на следующий день, то она портилась. Поэтому люди думали о бедняках, говорили: "Все равно испортится, отнесу-ка ее лучше какому-нибудь нищему." А тот, кто находился в духовно преуспевшем состоянии, говорил: "Пусть сначала покушает бедняк, а уже потом — я." Сейчас оставшуюся еду ставят в холодильник, а о своем ближнем, находящемся в нужде, не думают. Помню, как в те годы, когда у нас бывал хороший урожай овощей и других плодов, мы давали овощи соседям — делились. Куда нам было столько? Все равно излишки испортились бы. Сейчас у людей есть холодильники, и они говорят: "А зачем отдавать излишки другим? Положим их в холодильник и потом съедим сами." Я уже не говорю о том, что продукты целыми тоннами выбрасывают или закапывают в землю — в то время как где-то в других местах голодают миллионы людей.

Из-за машин люди посходили с ума.

Современные технические средства всё развиваются и развиваются — без конца. Они развиваются быстрее, чем человеческий ум, потому что в их развитии помогает диавол. В старину, не имея всех этих средств, всех этих телефонов, факсов, всей этой кучи приспособлений, люди имели тишину и простоту.

— Геронда, они радовались жизни!

— Да, а сейчас из-за машин люди посходили с ума. От многих удобств они мучаются, их душит тревога. Помню бедуинов, которых я знал в бытность мою на Синае (в 1962-1964 г.г.), — какие же они были радостные! У них была всего одна палатка, и жили они просто. В Александрии или в Каире они жить не могли — им по душе была жизнь в палатках в пустыне. Если у них было немножко чая, то они не знали куда деваться от радости и славили Бога. Но сейчас цивилизация дошла и до них, и они тоже стали забывать Бога. Бедуины — и те попали под влияние европейского духа! Сперва евреи построили для бедуинов лачуги, потом продали им старые автомобили со всего Израиля (Гора Синай, в настоящее время административно входящая в состав Египта, в то время находилась под контролем Израиля). Ох, уж эти евреи... Сейчас у каждого бедуина есть по лачуге, во дворе лачуги — по сломанному автомобилю, а в душе — полно тревоги и переживаний. Автомобили ломаются, бедуины бьются над их ремонтом. И если вглядеться, что они от всего этого приобрели? Головную боль и ничего больше.

В старину вещи были, по крайней мере, крепкими, их хватало надолго. А сейчас — платишь целую кучу денег и покупаешь вещи, которые сразу же ломаются. И предприятиям это на руку — они увеличивают выпуск товаров и весьма наживаются на этом. А людям потом не хватает денег, и стремясь заработать больше, они убиваются на работе. Все эти машины и механизмы — занятие европейцев, которые целыми днями сидят с отвертками в руках. Сначала изготавливают, к примеру, какую-нибудь крышку. Потом делают ее на резьбе, потом с кнопкой — совершенствуют бедную крышку все больше и больше... То есть, постоянно появляются все новые и новые машины и приспособления, и несчастные люди все время хотят чего-то более совершенного. Еще не успев расплатиться за старое, они покупают что-то новое, поэтому они в долгах и в усталости. А взять бедняка: ему тоже хочется автомобиль, он идет и покупает какой-нибудь из самых дешевых. А чтобы его купить, он продает своих волов, лошадей — продает последнее. (Все идет к тому, что скоро на витрину будут выставлять даже ослов и брать деньги за то, чтобы на них поглядеть!) Ну так вот, бедняк — покупает он себе какой-нибудь дешевенький автомобильчик. Машина ломается. "А к таким машинам, — говорят ему, — запасных частей нет." Бедолага вынужден покупать другую машину. Однако машина последней марки бедняку не по карману, и он покупает какую-нибудь чуть получше той, что была у него раньше, а старую ставит в сторонку. Потом новая тоже ломается и так далее... Требуется внимание, чтобы нас тоже не увлек этот модный поток погони за чем-то все более и более совершенным.

Телевидение нанесло людям огромный вред.

— Геронда, сейчас существуют такие телевизионные коммуникационные средства, что можно наблюдать за происходящим на другом крае земли в ту же самую минуту.

— Люди видят весь мир, не видя только самих себя. Не Бог уничтожает людей, нет, сейчас люди своим умом уничтожают себя сами.

— Геронда, телевидение приносит много зла.

— “Много зла!..” Да о чем ты говоришь!.. Один человек сказал мне: “Телевизор, отче, это вещь хорошая.” — ”Яйца, — ответил я ему, — тоже вещь хорошая, но вот только если перемешать их с куриным пометом, то они становятся ни на что не годными.” С телевидением и радио происходит именно это. Сегодня, включая радиоприемник для того, чтобы послушать новости, человек должен смириться с тем, что кроме новостей ему придется услышать какую-нибудь песенку. Новости начнутся сразу, как только эта песня закончится. А раньше было по-другому. Раньше было известно, в какое время по радио передают новости. Человек включал приемник в определенное время и слушал последние известия. А сейчас ты вынужден слушать и песню, потому что если, не желая ее слушать, выключишь радио, то новости тоже пропустишь. Телевидение нанесло людям огромный вред. Особенно разрушительно оно воздействует на маленьких детей. Как-то ко мне в каливу пришел семилетний мальчик со своим отцом. Я видел, как устами ребенка вещал телевизионный бес, подобно тому, как бес говорит устами одержимых. Все равно как если бы младенец родился с зубами. Сегодня не часто видишь нормальных детей — дети превратились в чудовищ. Дети не работают головой, они просто повторяют то, что увидели и услышали. Таким вот образом, с помощью телевидения, некоторые хотят оболванить мир. То есть [по их замыслам] остальные должны верить тому, что услышали [по телевизору], и поступать в соответствии с этим.

— Геронда, матери задают нам вопрос: как отучить детей от телевизора?

— Пусть растолкуют своим детям, что, смотря телевизор, они отупеют, потеряют способность мыслить. О том, что телевизор вредит их зрению, я уже и не говорю. Телевидение, о котором мы говорим сейчас, это творение человеческое. Но ведь есть и иное — духовное телевидение. Когда совлечением ветхого человека очищаются душевные очи христианина, то он и без технических средств видит на далеком расстоянии. О таком “телевидении” мамы своим чадам не рассказывали? Вот его-то детям и надо уразуметь — это духовное “телевидение.” А сидя перед “ящиком,” дети просто-напросто отупеют. Первозданные люди обладали даром проницательности, который был утерян ими после грехопадения. Если же дети сохраняют Благодать, полученную ими во Святом Крещении, то даром проницательности — духовным телевидением — они тоже будут обладать. Надо быть внимательным и духовно трудиться. Нынешние матери сами губят себя в бесполезном, а потом начинают причитать: “Что же мне делать, отче? Ведь я теряю своего ребенка!..”

Монах и современные технические достижения.

— Геронда, а как монах должен пользоваться современными техническими средствами?

— Монах должен стараться, чтобы те средства, которые он использует, всегда были попроще, чем те, что используют люди в миру. Мне вот, к примеру, нравятся дрова: чтобы топить печку для тепла, готовить пищу и разводить необходимый для рукоделия огонь. Однако если вся эта торговля афонским лесом продолжится еще какое-то время в том же духе, как сейчас, и дрова пропадут, их станет трудно достать, то я буду пользоваться каким-нибудь более простым средством, чем то, которым пользуются люди в миру. Для обогрева — керосиновой печкой или чем-нибудь еще, подешевле и посмиреннее, для рукоделья — примусом и так далее.

— А как можно определить, до какого предела необходимо что-то в общежительном монастыре?

— Если мыслить по-монашески, то это можно определить. Если же по-монашески не мыслить, то все, что ни возьми, превратится в “необходимое,” а потом и сам монах превратится в мирского человека и даже хуже. Нам, монахам, следует жить хотя бы чуть-чуть проще, чем живут в миру, или — на самый худой конец — так, как мы сами жили до ухода в монастырь. Мы не должны иметь вещей лучше тех, которые прежде имели у себя дома. Монастырь должен быть беднее, чем тот мирской дом, из которого я в него пришел. Это внутренне помогает как монаху, так и миру.

Бог устроил все так, чтобы люди не находили себе упокоения в вещах тленных. Если этот мирской прогресс мучает даже мирян, то что говорить о монахах! Если бы я оказался в каком-нибудь богатом доме и хозяин спросил бы меня: “Где тебе отвести место для ночлега? Могу постелить тебе в роскошно обставленной гостиной или в хлеву, куда я загоняю на ночь коз. Что тебе больше по душе?” Даю вам честное слово, в козлином хлеву моей душе было бы спокойнее. Ведь уходя в монахи, я покидал мир не для того, чтобы найти себе какой-то лучший дом или дворец. Я уходил в монахи для того, чтобы найти нечто более строгое, чем то, что я имел, живя в миру. А в противном случае я не делаю для Христа ничего. Но люди, живущие по законам современной логики, сказали бы мне: “Слушай-ка, ну чем повредит твоей душе жизнь во дворце? Ведь там, в хлеву, так дурно пахнет, тогда как во дворце и запах приятный и поклончики сможешь положить.” Мы должны иметь орган духовного чувства. Как у компаса — и одна и другая стрелки намагничены, и поэтому одна стрелка поворачивается к северу. Христос “намагничен,” но для того, чтобы повернуться к Нему, нам тоже надо немножко “намагнититься” .

А какие же трудности были раньше в общежительных монастырях! Помню, на кухне был огромный котел, который поднимали с помощью особого рычага. Огонь для приготовления пищи разводили на дровах. Пламя то поднималось сильнее, то опускалось, пища пригорала. Если пригорала рыба, то противни чистили металлической щеткой. Потом брали золу из печи, наполняли ею большой глиняный сосуд с отверстием внизу и заливали золу водой. Из отверстия внизу вытекал щелок, которым мы мыли посуду. Щелоком разъедало руки. А в архондарик мы поднимали воду с помощью веревки и ворота.

Некоторому из того, что происходит сейчас в монастырях, оправдания нет. Я видел, как в одном монастыре хлеб режут с помощью электрохлеборезки. Ну куда это годится? Если хлеборез болен или ослаб и не может резать хлеб ножом, а заменить его некем, тогда ладно — электрохлеборезка еще как-то оправдана. Но сейчас можно увидеть, как здоровенный детина режет булки циркулярной пилой! Да ему самому впору работать вместо компрессора, а он использует технику для нарезания хлеба и еще считает это достижением!..

Старайтесь идти вперед в духовном отношении. Не радуйтесь всем этим машинам, удобствам и тому подобному. Если из монашества уходит дух аскезы, то жизнь иноков не имеет смысла. Мы не преуспеем, если будем ставить удобства выше монашеской жизни. Монах избегает удобств, потому что в духовном отношении они ему не помогают. Даже в мирской жизни людям тяжело от множества удобств. Монаху — даже если бы его душа находила покой в вещах мирских — тем паче не приличествует комфорт. Не будем же его искать. В эпоху Преподобного Арсения Великого не было ни керосиновых ламп “люкс” (Керосиновая лампа особой конструкции, дающая очень яркий свет. — Прим. пер), ни других осветительных приборов. Во дворцах использовали светильники на очень чистом масле. Что, разве Арсений Великий не мог взять с собой в пустыню такой светильник? Мог, но ведь не взял. В пустыне он пользовался фитильком или ваткой с обычным растительным маслом, и этого хватало ему для освещения (Преподобный Арсений Великий родился в Риме около 354 г. Был велик мудростью и добродетелью. Получил наименование “отца царей,” потому что император Феодосии возложил на него воспитание двух своих сыновей. В 394 г. после божественного призвания удалился в египетскую пустыню. Несмотря на прежнюю жизнь во дворцах, как монах отличался необыкновенной строгостью и аскетизмом).

Имея на послушаниях различные приспособления, технические средства и прочие удобства, мы часто оправдываем себя, говоря, что все это необходимо нам для того, чтобы работа делалась быстро, а высвободившееся время мы якобы использовали бы для духовного делания. Но, в конце концов, мы проводим многопопечительную, исполненную душевной тревоги жизнь не как монахи, а как люди мира сего. Когда в один монастырь пришло новое братство молодых монахов, то первое, что они сделали, была покупка кастрюль-скороварок — чтобы освободилось время на исполнение монашеского правила. Потом эти монахи часами просиживали без дела и вели разные разговоры. Значит, использовать различные удобства для того, чтобы сэкономить время и посвятить его чему-то духовному, не получается. Сегодня с помощью удобств монахи выигрывают время, но времени на молитву у них не остается.

— Геронда, а я слышала, что даже Преподобного Афанасия Афонского называют человеком передовых взглядов! (Преподобный Афанасий Афонский (+1000) — основатель Великой Лавры на Святой Афонской Горе. Отец святогорского общежительного монашества. Благодатный подвижник, удостоившийся дара прижизненных и посмертных чудотворений. — Прим. пер).

— Да, очень передовых! Таких же передовых, как и у нынешних “передовиков”!.. Почитали бы хоть немножко житие Преподобного Афанасия! Число монахов в его обители дошло до восьмисот, до тысячи, а сколько еще разного народа приходило к нему за помощью! Сколько нищих, сколько голодных приходило в Лавру за куском хлеба и в поисках пристанища! И вот Преподобный, стремясь помочь всем, купил для монастырской мельницы двух волов. Пусть купят себе волов и нынешние “передовики”! Для того, чтобы кормить людей хлебом, Святой Афанасий был вынужден устроить в Лавре пекарню — современную по меркам той эпохи. Византийские императоры одаривали монастыри имуществом, землями, потому что тогда обители имели также значение благотворительных учреждений. Монастыри устраивались для того, чтобы помогать народу и духовно, и материально. Поэтому императоры и давали им дары.

Нам нужно понять, что все исчезнет, а мы предстанем пред Богом должниками. Было бы правильно, если бы мы, монахи, пользовались не теми вещами, которые выбрасывают нынешние люди, а теми, которые в прежние времена богачи выбрасывали на свалки как ненужные. Помните две вещи: первое — то, что мы умрем, и второе — то, что умрем мы, может быть, и не своей смертью. Вы должны быть готовы к смерти насильственной. Вот если об этих двух вещах вы будете помнить, то и все остальные дела пойдут хорошо — и в отношении духовном, и в каком угодно еще — все пойдет тогда своим чередом.

Лишение очень помогает людям.

— Геронда, почему люди сегодня так страдают?

— Потому что они избегают труда. Комфорт — вот что приносит людям болезни и страдания. В нашу эпоху удобства отупили людей. А мягкотелость, изнеженность принесла и множество болезней. Как раньше люди мучались, обмолачивая пшеницу! Какой же это был труд — но ведь и хлебушек — какой же он был тогда сладкий! Разве можно было увидеть где-нибудь брошенный кусок хлеба? Видя упавший кусок хлеба, люди поднимали и целовали его. Те, кто пережил оккупацию, видят лишнюю краюху хлеба и бережно откладывают ее в сторонку. А остальные выбрасывают лишний хлеб — не понимают, какой ценой он достается. Хлеба не ценят — выбрасывают его на помойку целыми кусками. Бог дает людям Свои благословения, но большинство людей не говорит за них даже: “Слава Тебе, Боже.” Сегодня все достается людям легко, без труда.

Об эпохе многих удобств и множества проблем.

Лишения очень помогают людям. Испытывая в чем-то недостаток, чего-то лишаясь, люди становятся способны познать цену того, чего у них не стало. А те, кто сознательно, с рассуждением и смирением лишают себя чего-то ради Христовой любви, испытывают духовную радость. Если кто-то, к примеру, скажет: “Такой-то человек болен, и поэтому сегодня я не буду пить воды. Ничего большего, Боже мой, я сделать не могу.” И если человек совершит это, то Бог напоит его уже не водой, а сладким прохладительным напитком — божественным утешением.

Люди страдающие испытывают чувство глубокой благодарности за самую пустяшную оказанную им помощь. А избалованное чадо богатых родителей ничем не бывает довольно — хотя бы мать с отцом исполняли и все его прихоти. Такой ребенок может иметь всё и быть измученным, срываться, лезть на стенку. Тогда как некоторые несчастные ребятишки испытывают огромную признательность за малейшую помощь, которую им оказали. Если какой-нибудь добрый человек оплачивает им дорогу до Афона, то как же они благодарят и его, и Христа! А от многих богатых детей слышишь: “У нас всё есть, почему у нас всё есть?” Не испытывая нужды ни в чем, они хнычут вместо того, чтобы благодарить Бога и помогать беднякам. Это величайшая неблагодарность. У них нет недостатка ни в чем материальном, и поэтому они ощущают в себе пустоту. Родители дают детям все готовенькое, и из-за этого дети восстают против них, уходят из дома с одним рюкзаком за спиной и слоняются по миру. Родители дают им еще и деньги, чтобы они звонили домой и сообщали, что у них все в порядке, но тем наплевать на родительские просьбы. Потом родители начинают их искать. У одного парня было всё, но ничто его не радовало. И вот, для того чтобы помаяться, он ушел из дома, ночевал в поездах, а ведь был из хорошей семьи. Тогда как если бы у него была какая-нибудь работа и он зарабатывал свой хлеб в поте лица, то его труд имел бы смысл, а он сам был бы умиротворен и славословил Бога.

Сегодня большинство людей не испытывает лишений. Любочестия у них нет именно поэтому. Если человек не трудится сам, то и труд других оценить не может. Найти себе работенку “не бей лежачего,” зарабатывать деньги и после этого искать себе лишений — да какой в этом смысл? Вот шведы, которые на всё, что нужно для жизни, получают пособия от государства и потому не трудятся, — [от безделья] слоняются по дорогам. Весь их труд уходит на воздух, они внутренне неспокойны, потому что сошли с духовных рельсов. Они бесцельно катятся [по жизни], как катятся по дороге соскочившие с оси колеса — покуда не падают в пропасть.

Множество удобств делает человека ни на что не годным.

Сегодня люди стремятся к красоте и обольщаются красотой. Европейцам (Говоря о европейцах и Западе, Старец не уничижает народы Америки и Западной Европы, но хочет обличить господствующий в этих странах безбожный и рационалистический дух) это на руку — они всё крутят и крутят своими отвертками, изготавливая что-нибудь новенькое — красивое и якобы более практичное — чтобы людям не нужно было даже шевелить руками. В прежние времена, работая старинными инструментами, люди и сами становились крепче. А после работы с нынешними механизмами и приспособлениями нужно прибегать к помощи физиотерапии и массажа. Подумать только, сейчас врачи занимаются массажем! Сегодня видишь, как у столяра свисает во-от такое брюхо! А разве в прежние времена можно было увидеть пузатого столяра? Разве мог появиться живот у столяра, который целыми днями строгал дерево рубанком?

Множество удобств, становясь чрезмерными, делают человека ни на что не годным. Человек превращается в бездельника. Он может перевернуть что-то рукой, но говорит: “Нет, лучше-ка я нажму на кнопочку, и пусть оно перевернется само!” Если человек привыкает к легкому, то потом ему хочется, чтобы все было легким. Нынешние люди хотят работать мало, а денег получать много. А если можно совсем не работать, то еще лучше! И в духовную жизнь тоже проник этот дух — мы хотим освятиться без труда.

И болезненными большинство людей стали как раз поэтому — из-за легкой жизни. Если начнется война, то как люди смогут её перенести, будучи столь избалованными? Раньше люди были, по крайней мере, закаленными и могли выдержать трудности — даже дети. А сейчас — сплошные витамины В, С, О да лимузины “мер-се-де” — без всего этого люди уже не могут жить. Взять какого-нибудь ослабленного ребенка — ведь если он будет работать, то у него укрепятся мускулы. Многие родители приходят и просят меня помолиться об их детях, говоря, что те парализованы. Но на самом деле у них не паралич, а просто какая-то слабость ног. Родители всё кормят и кормят такого ребенка, а он все сидит и сидит. Но чем больше он сидит, тем больше атрофируются его ноги. А потом родители пересаживают ребенка в инвалидную коляску, а меня просят: “Помолись, мой ребенок парализован.” Да кто на самом деле парализован — ребенок или родители? Я советую таким родителям кормить ребенка чем-нибудь легким, не утучняющим, заставлять его понемножку ходить. Постепенно такие дети сбавляют вес, их движения становятся все более и более естественными, а потом, глядишь, начинают и в футбол гонять! А действительно парализованным детям, которым нельзя помочь по-человечески, поможет Бог. Один мальчуган в Конице был очень непоседливым и подорвался на мине. Его ножка так скрючилась, что он не мог ее выпрямить. Однако это увечье более спокойным его не сделало. От живости он постоянно шевелил искалеченной ножкой, сухожилия разработались, и нога стала здоровой. А потом он даже партизанил в отряде у Зерваса (Наполеон Зервас (1891—1957) — лидер антифашистского движения “Национальный Греческий Демократический Союз,” действовавшего против нацистов в Эпире и некоторых других областях Греции).

И я, когда мою ногу скрутил ишиас (Воспаление седалищного нерва), молился по четкам, потихоньку прохаживаясь, и нога окрепла. Часто движение приносит пользу. Если я заболеваю и через два-три дня болезнь не проходит, так что я не могу и пошевелиться, то я прошу Бога: “Боже мой, помоги мне только маленечко подняться и сдвинуться с места, а там я уж как-нибудь сам. Пойду заготавливать дрова.” Если я останусь лежать, то мне будет еще хуже. Поэтому я собираюсь с духом и, даже будучи простуженным, заставляю себя подняться и идти на заготовку дров. Укутываюсь поплотнее, потею, и выходит вся простуда. Можно подумать, будто я не знаю, что лежать в кровати спокойнее! Но я заставляю себя встать и — куда только все девается! Принимая народ, я заранее знаю, что от сидения на пне у меня занемеет все тело. Конечно, я могу постелить на пень какой-нибудь коврик, но тогда надо стелить и для других, а где я возьму столько ковриков? Поэтому ночью я в течение часа прохаживаюсь и молюсь по четкам. Потом я на какое-то время вытягиваю ноги, чтобы в них не застаивалась кровь — с этим у меня тоже проблемы. Если я оставлю себя в покое, то за мной будет нужен уход. Тогда как сейчас, наоборот, я служу людям. Вам это понятно? Поэтому пусть человек не радуется лежанию в постели, пользы от этого нет.

— Геронда, а удобства, телесный покой вредны человеку в любом случае?

— Иногда они бывают нужны. Например, у тебя что-то болит — ну что же, тогда сиди не на досках, а на чем-нибудь мягком. Но ведь “на мягком” — это не значит на бархате. Подложи какую-нибудь простую тряпочку. Если же у тебя есть мужество, то не подкладывай ничего.

— Геронда, есть люди, о которых говорят: “Это старая кость.”

— Да, есть такие люди. На Афоне, недалеко от моей каливы живет один монах-киприот — старец Иосиф, родом из Карпасии (Город на Кипре. — Прим. пер). Старцу — сто шесть лет (В ноябре 1990 г), а ухаживает за собой сам. Разве в миру такое сегодня встретишь? Некоторые нынешние пенсионеры не могут даже ходить, их ноги ослабевают, сами они от сидения заплывают жиром и становятся ни на что не годными. А если бы они были заняты каким-нибудь делом, то получали бы от этого огромную пользу. Как-то раз старца Иосифа забрали в монастырь Ватопед. Все ему выстирали, самого вымыли, окружили заботой. А он им и говорит: “Я, как только сюда приехал, — заболел. И это все из-за вас. Везите меня обратно в мою каливу умирать.” Делать нечего, пришлось везти его обратно. Как-то пришел я его навестить. “Ну что, — говорю, — я слышал, что ты переселился в монастырь.” — “Да, — отвечает, — было дело. Приехали на машине, забрали меня в Ватопед, мыли, чистили, ухаживали, но я заболел и сказал им: “Везите меня назад.” Не успел вернуться, как выздоровел!” Сам уже не видит, но плетет четки. Однажды я передал ему немного вермишели, так он даже обиделся: “Неужто за чахоточного больного меня принимает Старец Паисий, что шлет мне вермишель?” Представьте себе — ест фасоль, ревит, бобы — такое здоровье, что только держись — как у молодого парня. Ходит, опираясь на две палки, и при этом умудряется собирать траву, которую варит и ест. Сеет на огороде лук! Для стирки одежды и мытья головы сам носит воду! А потом еще совершает богослужение, сам читает Псалтирь, совершает свое монашеское правило, молится Иисусовой молитвой. Нанял двух кровельщиков перекрыть крышу и с палками в руках полез по лестнице посмотреть, как они работают. “Спускайся вниз,” — говорят ему мастера. “Ну уж нет, — отвечает, — поднимусь, погляжу — как вы там кроете.” Конечно, мучается он сильно. Но знаете, какую он ощущает радость? Его сердце взмывает ввысь как птица! Другие монахи тайком берут его одежду и стирают ее. Как-то я спросил его: “Что ты делаешь со своей одеждой?” — “У меня, — говорит, — ее часто берут для стирки — тайком от меня. Но я и сам её стираю: кладу в корыто, заливаю водой, а потом еще сверху — “клином” по ней! (Старец Иосиф имел в виду стиральный порошок “CLEAN.”) Через несколько дней отстирывается как миленькая!” Видишь, какое доверие Богу! У других есть всё, чего ни пожелает душа, но вместе с тем — страх и тому подобное. А он от забот о нем заболел, но как только его оставили в покое — выздоровел.

Легкая жизнь человеку не на пользу. Комфорт не для монаха, удобство наносит пустыне бесчестие. Ты можешь быть избалованным прежней жизнью, однако если ты здоров, то тебе надо себя закалить. Иначе ты не монах.

3. Надо сделать свою жизнь проще.

Мирской успех приносит душе мирскую тревогу.

Чем больше люди удаляются от естественной, простой жизни и преуспевают в роскоши, тем больше увеличивается и человеческая тревога в их душах. А вследствие того, что они все дальше и дальше отходят от Бога, они нигде не находят покоя. Поэтому люди беспокойно кружатся — как приводной ремень станка вокруг “сумасшедшего колеса” (В прежние времена на производстве “сумасшедшим колесом” называлось нерабочее колесо, на которое надевали приводной ремень с тем, чтобы остановить станок, не выключая двигателя). Они кружатся уже и вокруг Луны, потому что целая земная планета не вмещает их великого беспокойства.

Мирская легкая жизнь, мирской успех приносят душе мирскую тревогу. Внешняя образованность в сочетании с душевной тревогой ежедневно приводит сотни людей (даже потерявших душевный покой маленьких детей) к психоанализу и психиатрам, строит все новые и новые психиатрические лечебницы, открывает для психиатров курсы повышения квалификации, в то время как многие из психиатров ни в Бога не верят, ни существование души не признают. Стало быть, как могут помочь другим душам эти люди — сами наполненные душевной тревогой? Как может быть истинно утешенным человек, не уверовавший в Бога и в истинную, вечную жизнь после смерти? Если человек постигает глубочайший смысл истинной жизни, то из его души исчезает вся тревога, к нему приходит божественное утешение и он исцеляется. Если бы больным в психиатрической лечебнице читали вслух Авву Исаака Сирина, то больные, верующие в Бога, становились бы здоровы, потому что им открывался бы глубочайший смысл жизни.

Любой ценой — с помощью успокоительных лекарств и различных учений типа йоги — люди стремятся найти покой, но только к действительному покою, который приходит к человеку смирившемуся и приносит ему божественное утешение, они не стремятся. Подумай, как же маются все эти туристы, приезжающие сюда из других стран, под палящим солнцем, в жару и в пыли, среди шума и гама бредущие по улицам! Какое бремя, какое внутреннее неспокойствие гнетет и терзает их души, если они считают отдыхом все то, что им приходится переносить! Как же должно давить души этих людей их собственное “я,” раз они думают, что отдыхают, испытывая такие мучения!

Если мы видим человека, страдающего от сильной душевной тревоги, огорчения и печали, несмотря на то, что у него есть всё, чего ни пожелает душа, — то надо знать, что у него нет Бога. В конце концов, от богатства люди тоже мучаются. Ведь материальные блага оставляют их внутренне пустыми, и они мучаются вдвойне. Я знаю таких людей — имеющих всё, при этом не имеющих детей и испытывающих терзания. Им в тягость спать, им в тягость ходить, все что ни возьми — для них мука. “Ну, хорошо, — сказал я одному из таких, — раз у тебя есть свободное время, займись духовной жизнью. Совершай Часы (Часы (первый, третий, шестой, девятый) — отдельное краткое богослужебное последование, входящее в состав суточного литургического круга. — Прим. пер), читай Евангелие.”

— “Не могу.” — “Ну сделай тогда что-нибудь доброе — сходи в больницу, проведай какого-нибудь больного.” — ”Зачем я туда пойду, — говорит, — да и что это даст?” — ”Тогда пойди, помоги какому-нибудь бедняку по соседству.”

— “Нет, — это мне тоже не по нутру.” Иметь свободное время, несколько домов, все блага и при этом мучиться! А знаете, сколько таких, как он? Вот они и мучаются — пока не сойдут с ума. Как же это страшно! А самые измученные и несчастные из всех — те, кто не работают, а живут за счет доходов с имущества. Тем, кто, по крайней мере, работает, все же полегче.

Нынешняя жизнь, с ее безостановочной гонкой — это адская мука.

Люди всё куда-то спешат и мчатся. В такой-то час им нужно быть в одном месте, в такой-то — в другом, потом в третьем... Чтобы не забыть, какие нужно сделать дела, люди вынуждены их записывать. Хорошо еще, что среди такой беготни они не забыли, как их зовут! Они не знают даже самих себя. Да и как им себя узнать — разве в мутной воде можно увидеть себя, как в зеркале? Да простит меня Бог, но мир превратился в самый настоящий сумасшедший дом. О жизни иной люди не думают — они лишь ищут себе всё больше и больше материальных благ. И поэтому они не находят покоя и постоянно куда-то мчатся.

К счастью, есть жизнь иная. Люди сделали свою земную жизнь такой, что живи они здесь вечно, большей адской муки и не существовало бы. Если бы с этой тревогой в душе они жили по восемьсот, девятьсот лет — как в эпоху Ноя (Быт. 5), то их жизнь была бы одним долгим адским мучением. В те времена люди жили просто. И такой долгой их жизнь была для того, чтобы сохранялось Предание. А сейчас происходит то, о чем написано в Псалтири: *“Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь”* (Пс. 89:10). А семьдесят лет — это такой срок, чтобы лишь детей своих успеть поставить на ноги, — тютелька в тютельку укладываешься.

Как-то раз ко мне в каливу зашел один врач из Америки. Он рассказывал мне о тамошней жизни. Люди там уже превратились в машины — целые дни они отдают работе. У каждого члена семьи должен быть свой автомобиль. Кроме этого, дома, чтобы каждый чувствовал себя комфортно, должно быть четыре телевизора. Вот и давай — работай, выматывайся, зарабатывай много денег, чтобы сказать потом, что ты благоустроен и счастлив. Но что общего у всего этого со счастьем? Такая исполненная душевной тревоги жизнь с ее безостановочной гонкой — это не счастье, а адская мука. Зачем она тебе — жизнь с такой душевной тревогой? Я не хотел бы такой жизни, даже если бы так должен был жить весь мир. Если бы Бог сказал этим людям: “Я не стану наказывать вас за ту жизнь, которой вы живете, но оставлю вас жить так на веки вечные,” то это было для меня великим мучением.

Поэтому многие, не выдерживая жизни в таких условиях, покидают города, идут без направления и цели — лишь бы уйти. Сбиваются в группы, живут на природе — одни занимаются своим физическим развитием, другие — чем-нибудь еще. Мне рассказывали, что кто-то из них занимается бегом, другие — уходят в горы и поднимаются на высоту 6000 метров. Сперва они задерживают дыхание, потом какое-то время дышат нормально, потом снова делают глубокий вдох... Занимаются такой ерундой! Это свидетельствует о том, что у них на сердце тяжким грузом лежит беспокойство и сердце ищет какого-то выхода.

Одному такому человеку я сказал: “Вы роете яму, раскапываете её всё глубже и глубже, потом восхищаетесь этой ямой и её глубиной, а потом... падаете в неё и летите вниз. Тогда как мы [не просто роем яму, но] разрабатываем рудник и находим полезные ископаемые. В нашей аскезе есть смысл, поскольку она совершается ради чего-то высшего” .

Душевная тревога происходит от дьявола.

— Геронда, миряне, живущие духовной жизнью, устают на работе и, возвращаясь вечером домой, не имеют сил совершить Повечерие. А от этого они переживают.

— Если они возвращаются домой поздно вечером и уставшие, то им никогда не нужно с душевной тревогой себя насиловать. Надо всегда с любочестием говорить себе: “Если ты не можешь прочесть Повечерие полностью, то прочитай половину или треть.” И в следующий раз надо стараться не слишком утомляться днем. Должно подвизаться насколько возможно с любочестием и во всем полагаться на Бога. А Бог Свое дело сделает. Ум должен всегда быть близ Бога. Это самое лучшее делание из всех.

— Геронда, а какую цену имеет в очах Божьих чрезмерная аскеза?

— Если она совершается от любочестия, то радуется и сам человек, и Бог — о Своем любочестном чаде. Если человек утесняет себя от любви, то это источает мед в его сердце. Если же он утесняет себя от эгоизма, то это приносит ему мучение. Один человек, подвизавшийся с эгоизмом и утеснявший себя с душевным беспокойством, как-то сказал: "О, Христе мой! Врата, которые Ты отделал, слишком тесны! Я не могу через них пройти" Но если бы он подвизался смиренно, то эти врата не были бы для него тесными. Те, кто эгоистично подвизаются в постах, бдениях и прочих подвигах, мучают себя без духовной пользы, потому что бьют воздух, а не бесов. Вместо того чтобы отгонять от себя бесовские искушения, они принимают их всё в большем количестве, и — как следствие — в своем подвижничестве встречают множество трудностей, чувствуют, как их душит внутреннее беспокойство. В то время как у тех людей, которые сильно подвизаются со многим смирением и со многим упованием на Бога, радуется сердце и окрыляется душа.

В духовной жизни требуется внимание. Делая что-либо по тщеславию, духовные люди остаются с пустотой в душе. Их сердце не преисполняется, не становится окрыленным. Чем больше они увеличивают свое тщеславие, тем больше увеличивается и их внутренняя пустота, и тем больше они страдают. Там, где присутствует душевная тревога и отчаяние, — бесовская духовная жизнь. Не тревожьтесь душой ни по какому поводу. Душевная тревога происходит от диавола. Видя душевную тревогу, знайте, что там накрутил своим хвостом тангалашка. Диавол не идет нам поперек. Если человек к чему-то склонен, то и диавол подталкивает его в этом же направлении, чтобы его измотать и прельстить. Например, человека чуткого он делает чрезмерно чувствительным. Если подвижник расположен делать поклоны, то диавол тоже подталкивает его к поклонам, превышающим его силы. И если твои силы ограничены, то образуется сперва некая нервозность, потому что ты видишь, что твоих сил не хватает. Потом диавол приводит тебя в состояние душевной тревоги, с легким — вначале — чувством отчаяния, потом он усугубляет это состояние все больше и больше... Помню начало своего монашества. Одно время, как только я ложился спать, искуситель говорил мне: "Ты что же спишь? Вставай! Столько людей страдают, стольким нужна помощь!.." Я поднимался и делал поклоны — сколько мог. Стоило мне опять лечь, как он опять начинал свое: "Люди страдают, а ты спишь? Вставай!" — и я опять поднимался. Я дошел до того, что как-то сказал: "Ах, как было бы хорошо, если бы у меня отнялись ноги! Тогда у меня была бы уважительная причина не делать поклоны." Один Великий Пост я, находясь в таком искушении, еле выдержал, потому что хотел утеснить себя больше своих сил.

Если, подвизаясь, мы чувствуем душевную тревогу, то должно знать, что мы подвизаемся не по-Божьему. Бог — не тиран, чтобы нас душить. Каждому следует подвизаться с любочестием, в соответствии со своими силами. Надо возделывать в себе любочестие для того, чтобы возросла наша любовь к Богу. Тогда человека будет подталкивать к подвигу любочестие, и само его подвижничество, то есть поклоны, посты и подобное этому, будет не чем другим, как преизлиянием его любви. И тогда он с духовной отвагой будет идти вперед.

Следовательно, не нужно подвизаться с болезненной схоластичностью, чтобы потом, отбиваясь от помыслов, задыхаться от душевной тревоги, нет — надо упростить свою борьбу и уповать на Христа, а не на себя самого. Христос — весь любовь, весь — доброта, весь — утешение. Он никогда не душит человека. Он в изобилии имеет духовный кислород — божественное утешение. Тонкое духовное делание — это одно, а болезненная схоластичность, которая от нерассудительного принуждения себя к внешнему подвигу душит человека душевной тревогой и разрывает его голову болью, — это совсем другое.

— Геронда, а если человек по природе слишком много думает и его голову распирают многие мысли, то как ему следует относиться к той или иной проблеме, чтобы не выбиваться из сил?

— Если человек ведет себя просто, то из сил он не выбивается. Но если примешивается хотя бы чуточку эгоизма, то, боясь сделать какую-нибудь ошибку, он напрягает себя и выбивается из сил. Да хотя бы и сделал он какую-нибудь ошибку — ну, поругают его маленечко, ничего страшного в этом нет. Такое состояние, о котором ты спрашиваешь, может быть оправдано, к примеру, для судьи, который, постоянно сталкиваясь с запутанными делами, боится, как бы не совершить неправедный суд и не стать причиной наказания неповинных людей. В духовной же жизни головная боль появляется в том случае, когда человек, занимая какое-то ответственное место, не знает, как ему поступить, потому что ему надо принять решение, которое кого-то в чем-то ущемит, а если его не принимать, то это будет несправедливо по отношению к другим людям. Совесть такого человека находится в постоянном напряжении. Вот так-то, сестра. А ты будь внимательна к тому, чтобы духовно трудиться — не умом, а сердцем. И без смиренного доверия Богу духовного делания не совершай. В противном случае ты будешь переживать, утомлять свою голову и душой чувствовать себя плохо. В душевном беспокойстве обычно кроется неверие, но можно испытывать такое состояние и по гордости.

Безыскусность очень помогает в монашеской жизни.

...Видишь, как уютно стало у вас в гостиной от простых серearlier одеял? Сейчас хоть немножко стало похоже на монастырь.

— Геронда, а как монаху понять, что приличествует монастырю, а что нет?

— Начинать надо со следующего вопроса себе самому: "Кто я такой? И какие у меня обязанности в той жизни, которой я живу?" Армии делает честь цвет хаки. Монастырю делает честь черный цвет. Если армию переодеть в черное, а монастыри — в защитный цвет, то это не будет к лицу ни армии, ни монашеству. Представляете, если вы сейчас, подобно медицинским сестрам, переоблачитесь в белые халаты? Сестры вы или не сестры? Ну, вот видите... А медсестры наденут черные балахоны, чтобы одним своим видом доводить больных до отчаяния! "Видно, — скажут тогда больные, — наши дни сочтены, но только прямо нам об этом не говорят." Видите, такое переодевание было бы неприличным. Разве мы поступили бы так на самом деле? Какая-то вещь может быть действительно красивой, но монашеству она не приличествует. Например, бархат — красивая ткань, но если я надену бархатную рясу, то это будет мне не в честь, а в оскорбление. Не используйте в монастыре ничего красного, ничего цветастого. Не годится.

— Что же, Геронда, выходит все должно быть бесцветным, безвкусным...

— Вот тогда-то и откроется духовный вкус! Однако это нужно понять. Люди еще не поняли того, какую радость приносит простота. Я у себя в каливе смачиваю веник водой и снимаю с углов черную от сажи паутину. И делаю это всего лишь раз в год. Так вы не поверите, какие красивые черно-белые разводы остаются на потолке от мокрого веника! Настоящие узоры! Когда люди видят мой потолок, они думают, что я его нарочно так разрисовал! И знаете как я от этого радуюсь!

Я знаю монахов, которым была в радость не духовная жизнь, а мирской дух. Взыграния радости, которую дает простота, они не ощутили. Безыскусность очень помогает в духовной жизни. Монах должен иметь вещи, которые ему необходимы и которые ему приличествуют. Пусть он ограничится тем, что лишь немножко облегчит его жизнь, и не стремится к большему — к мирскому. К примеру, солдатского одеяла достаточно для того, чтобы укрыться от холода, — кружевным или цветастым одеялу быть совершенно ни к чему. Таким образом приходят простота, духовная отвага.

Принося монаху многие вещи, ты его губишь. Тогда как если человек освобождает себя от [лишних] вещей, это восстанавливает его силы. А если монах собирает вещи сам, то он себя губит. Когда мне присылают какие-то вещи, я чувствую тяжесть и хочу от них освободиться. Имея у себя в келье что-то лишнее, я чувствую себя так, как если бы надел рубашку, которая мне мала. И если некуда эти вещи отдать, то, по-моему, лучше их выбросить. Но стоит мне только их отдать, как я чувствую облегчение, освобождение. Как-то раз ко мне пришел один знакомый и сказал: "Геронда, такой-то человек дал мне эти вещи, чтобы я передал их Вам. И еще он просил помолиться, чтобы от него ушла душевная тревога." — "Чтобы от него ушла, а ко мне пришла? — сказал я в ответ. — Лучше забирай-ка ты эти вещи и уходи. Я уже старик: ходить по людям и разносить им подарки мне не по силам." (Старец Паисий раздавал вещи, которые ему приносили, другим монахам — у которых была в том необходимость).

Все удобства, которыми пользуются люди, не помогают монаху, а наоборот, порабощают его. Монаху надо стараться сокращать свои потребности и упрощать свою жизнь, иначе он не становится свободным. Чистота — это одно, а лишнее украшение — совсем другое. Если для многих дел пользоваться только одной вещью, то это очень помогает сократить свои претензии. На Синае у меня была одна консервная банка — в ней я варил и чай, и кашу. А что, думаете, человеку много нужно для жизни? Вон раньше-то в пустыне вообще питались одними финиками. Ни огня не разжигали, ни в дровах не нуждались. Я недавно взял банку из-под сгущенного молока, обрезал ее и приделал что-то вроде ручки. В такой банке можно готовить кофе или чай лучше, чем во всех этих кофейниках! Только ставишь на спиртовку, как водичка тут же закипает. Ведь пока нагреется кофейник — сколько спирта сгорит. А под баночку кладешь ватку со спиртом и пожалуйста: кофе готов. И лампы у меня тоже нет. Ночи я провожу только со свечой.

И вообще, все простое очень помогает. Имейте вещи простые и прочные. Даже мирские люди относятся с уважением ко всему смиренному и простому. И монаху все это очень помогает. Эти вещи помогают вспомнить о нищете, о боли, о монашеской жизни. Когда Великую Лавру на Афоне посетил Король Георгий 2-ой (1890-1947), отцы нашли серебряный поднос и на нем подали ему угощение. А король, едва увидел этот поднос, сказал: "А я-то ждал от вас чего-то иного, какого-нибудь деревянного подносика. Такими дорогими подносами я сыт по горло."

Вы не вкусили еще эту сладость простоты. Простота восстанавливает силы человека. Смотри, какой замечательный крючок для одежды получается из катушки от ниток. Очень удобная вещь. А вы мучаетесь и вешаете рясу на этот тоненький гвоздик. Если начнет сыпаться известка, то каждый раз, снимая рясу с гвоздика, надо будет ее отряхивать и чистить. Почему бы не вбить в стенку несколько больших гвоздей? Самим ведь будет удобнее. Такая стена — и ни одного гвоздя! А то вот еще возьмете и поставите деревянную вешалку. Но ее нужно будет потом драить, сдувать с нее пыль. Надо упрощать вещи и выигрывать время, а вы вместо этого его теряете. Вы стремитесь к чему-то совершенному и мучаетесь. Стремитесь к совершенному в жизни духовной. Отдавайте весь ваш потенциал не внешним художествам, а искусству возделывания души. Дни и ночи посвящайте усовершенствованию души. Обратив любовь к красоте на пользу душевному деланию, вы будете радоваться красоте своего малого духовного чертога.

— Геронда, а некоторые говорят, что самые великолепные вещи хранились в монастырях и благодаря им в мире сохранилась культура.

— Может быть, речь идет о драгоценных сосудах, украшениях и подобном этому. Но знаете когда в монастырях сосредоточилась большая часть таких ценностей? После падения Константинополя (1453). Прежде все эти сокровища находились во дворцах, но потом их стали отдавать в монастыри, чтобы уберечь. Например, Царица Маро (Царица Маро, 1418-1487, — дочь сербского деспота Георгия Бранковича, 1375-1456, который был вторым ктитором монастыря Святого Павла на Святой Афонской Горе. Маро была выдана замуж за Султана Мурата — отца Султана Магомета, завоевателя Константинополя. После падения Константинополя Царица Маро передала в дар монастырю Святого Павла Честные Дары Волхвов, множество святынь и мощей угодников Божиих) понемножку увозила от султана разные сокровища и отдавала их в монастыри. Или же люди, находясь при смерти и не желая, чтобы их драгоценности потерялись, жертвовали их в обители. Не монастыри стремились прибрать сокровища к рукам, но сами владельцы, понимая, что в монастыре эти вещи будут в безопасности, отдавали их туда. И в монастыри Святой Горы [имущие] делали различные вклады, чтобы было чем кормить народ. Ведь ни домов престарелых, ни сиротских приютов, ни психиатрических лечебниц, ни разных благотворительных учреждений в те времена не было. Монастырям жертвовали и много земель, чтобы они помогали нуждающимся мирянам. То есть, в те трудные годы умели заглядывать вперед: несчастному народу помогали материально с тем, чтобы потом помочь ему духовно. Когда в монастыри приходили бедняки, то им в благословение давали денежную помощь и несчастные могли женить своего сына или выдать замуж дочь. То есть, монастыри получали свои богатства для того, чтобы помочь бедным. И большие здания строили для той же самой цели. А знаешь, скольким помогли монастыри во время оккупации? Очень и очень многим. У многих мирских людей даже было тогда прозвище "Каракалл," потому что, если чей-то дом был гостеприимным, то говорили, что он прямо как монастырь Каракалл. И торжественные престольные праздники в честь Святых в монастырях устраивали с тем расчетом, чтобы беднота могла покушать рыбки, порадоваться, а вместе с тем получить духовную помощь. А для чего устраивают торжества на престольные праздники сейчас? Собираются люди, которые ни в чем не имеют нужды, едят рыбу. А ради чего?

Роскошь обмирщвляет монахов.

— Геронда, а до какой степени можно украшать храм?

— В наше время чем всё проще — даже в храме — тем больше пользы, потому что живем мы сейчас не в Византии.

— Ну вот, например, иконостас — какой орнамент нам для него выбрать?

— Конечно, монашеский! Какой же еще? Пусть все будет, насколько возможно, скромно, просто. Преподобный Пахомий искривил колонну в храме, чтобы люди не восхищались делом его рук. (Преподобный Пахомий Великий родился около 280 г. в Фиваиде, Верхний Египет. После прохождения военной службы поселился в заброшенном языческом храме и стал вести подвижническую жизнь. Почувствовав необходимость в духовном руководителе, обратился к Фиваидскому пустыннику Преподобному Паламону и был принят им в послушание. Около 320 г., после божественного видения, Преподобный Пахомий основал первый монастырь тавеннисиотов в Верхней Фиваиде. Всего Преподобным было основано 9 мужских и 2 женских общежительных монастыря, с общим количеством иноков около 7000. Сподобился благодатных дарований. Почил о Господе в 346 г). Помните этот случай? В своем монастыре Преподобный со многим тщанием построил храм с кирпичными колоннами. Видя, каким красивым получился храм, Преподобный радовался, но потом подумал, что радоваться прекрасному творению собственных рук — это не по Богу. Тогда он обвязал колонны веревками и, помолившись, велел братии навалиться и тянуть — чтобы колонны искривились.

Я у себя в келье на Афоне каждый год режу жесть и латаю крышу и окна. И то, и другое прохудилось, в щели задувает ветер. Вот я и ставлю всё новые и новые заплатки — из жести, досок, полиэтилена. Ты меня спросишь: "Так что же ты не поставишь двойные окна?" Думаешь, я сам не догадываюсь, что это можно сделать? Я ведь плотник, и если бы захотел, то смог бы сделать окна и с тремя рамами. Но после этого уходит монашеский дух. Стена кельи в аварийном состоянии. Я мог бы попросить кого-нибудь помочь мне с ремонтом, но меня устраивает и то, что есть. Да как я посмею тратить такие деньги на ремонт стены, когда другие люди так нуждаются? Это не пойдет мне на пользу. Если у меня заведется лишних пятьсот драхм, то лучше куплю на них крестиков, иконочек и дам их какому-нибудь страдальцу, чтобы он получил от этого помощь. Я радуюсь, когда отдаю. И даже если эти деньги будут мне нужны, не стану тратить их на себя.

Начиная жить духовно, человек никогда не насыщается. Подобно этому, человек никогда не насыщается, если начинает гнаться за красивым. Знаешь, как нам надо жить сейчас? Надо оставить заботы о красивых постройках, ограничиться необходимым и отдать себя несчастью людей — помогая им молитвой, если тебе нечего дать, и милостыней, если у тебя есть возможность помочь им материально. Займитесь же молитвой, а из работ — только самым необходимым. У всего, что мы делаем здесь, -недолгий век. И стоит ли отдавать всему этому свою жизнь, зная, что другие едва сводят концы с концами и умирают с голоду? Простые постройки и смиренные вещи мысленно переносят монахов в пещеры и неприхотливые аскитирии (уединенное монашеское жилище, место аскетических подвигов) святых отцов, от этого монахи получают духовную пользу. Тогда как все мирское напоминает монахам о мире и делает их мирскими в душе. Недавно (1986 г.) в Нитрии (гора и прилегающая к ней пустыня) были сделаны раскопки и найдены первые монашеские кельи — по-настоящему аскетические. Затем были найдены монашеские кельи более поздней эпохи — их вид был уже немного мирской. Наконец, были найдены самые поздние монашеские жилища, похожие на салоны богатых людей того времени — на стенах были разные картины в рамочках, узоры и прочее. Все это навело на монахов гнев Божий, и их обиталища были разграблены и разрушены злодеями.

Христос родился в яслях. Если мирское доставляет нам утешение, то Христос, Который никого не отвергает, легко нас отвергнет. Он скажет: "У меня не было ничего. Разве Евангелие где-нибудь говорит обо всех этих [мирских вещах]? Разве вы видели что-нибудь подобное у Меня? Вы и не мирские, и не монахи. Что же Мне с вами делать, куда вас поместить?"

Вещи прекрасные и совершенные являются мирскими. Утешения людям духовным они не дают. Ведь все стены рассыпятся в прах. Но душа... Одна душа стоит дороже целого мира. А что делаем для души мы? Давайте же начнем духовную работу, станем по-доброму обеспокоены. Христос потребует с нас ответа в том, как мы духовно помогли людям и какую мы проделали духовную работу. О том, какие мы отгрохали стены, Он даже и не спросит. С нас будет взыскан ответ о нашем духовном преуспеянии.

Я хочу, чтобы вы поняли мой дух: я не говорю, что не надо заниматься строительством и тому подобными делами, или что постройки надо возводить кое-как. Нет. Но сперва должно идти духовное, а после, с духовным рассуждением — все остальное.

Упростите вашу жизнь.

"Какие же счастливцы те, кто живут во дворцах и наслаждаются всеми благами," — говорят люди мира сего. Однако блаженны те, кому удалось упростить свою жизнь, освободить себя от удавки этого мирского усовершенствования — от множества удобств, равных множеству затруднений, и избавиться от страшной душевной тревоги нынешней эпохи. Если человек не упростит свою жизнь, то он будет мучиться. Тогда как упростив ее, он избавится и от этой душевной тревоги.

Как-то раз на Синае приезжий немец сказал одному очень смышленому мальчику-бедуину: "Ты есть умный ребенок и способный достигай образование." — "Ну и что потом?" — спрашивает его тот. "Потом ты будешь инженер." — "А потом?" — "Потом открываль мастерскую по ремонт автомобилей." — "Потом?" — "Потом её увеличишь." — "И что же потом?" — "Потом нанималь других мастеров — комплектовайт для большой рабочий персонал." — "Стало быть, что же, — говорит ему мальчуган, — сперва у меня будет одна головная боль, потом я добавлю к ней еще одну, а потом и еще? Не лучше ли как сейчас — иметь голову спокойной?" Головная боль, по большей части, происходит как раз от таких мыслей: "Сделаем одно, сделаем другое." А если бы мысли были духовными, то человек испытывал бы духовное утешение и не мучился бы головной болью.

Сейчас в беседах с мирскими людьми я тоже подчеркиваю значение простоты. Потому что в большинстве из того, что они делают, необходимости нет, и их снедает душевная тревога. Я говорю людям о безыскусности и аскетичности, я не перестаю взывать: "Упростите вашу жизнь, чтобы исчезла душевная тревога." И большинство разводов начинается как раз с этого. У людей много работы, им надо сделать столько всего, что идет кругом голова. Работают и отец, и мать, а дети остаются без призора. Усталость, нервы — даже малый пустяк приводит к большому скандалу, а затем автоматически следует развод. Люди доходят уже и до этого. Однако, упростив свою жизнь, они будут и полны сил, и радостны. Да, душевная тревога — это сущая погибель.

Как-то раз мне довелось оказаться в роскошнейшем доме. Во время беседы хозяева сказали мне: "Мы живем прямо-таки в раю, а ведь другие люди так нуждаются." — "Вы живете в аду, — ответил им я. — *"Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя"* (Лк. 12:20), — сказал Господь безумному богачу. Если бы Христос спросил меня: "Где тебе отвести место — в какой-нибудь темнице или же в доме, подобном этому," то я бы ответил: "В какой-нибудь мрачной темнице." Потому что темница пошла бы мне на пользу. Она напоминала бы мне о Христе, о святых мучениках, о подвижниках, скрывавшихся в *"пропастях земных"* (Евр. 11:38), она напоминала бы мне о монашеской жизни. Темница была бы немножко похожа и на мою келью, и я бы от этого радовался. А о чем бы напоминал мне ваш дом и какую пользу я получил бы от него? Поэтому темницы утешают меня много больше не только какого-нибудь мирского салона, но и прекрасно отделанной монашеской кельи. В тысячу раз лучше жить в тюрьме, чем в таком вот доме."

В другой раз я остановился в Афинах у своего друга, и он попросил меня встретиться с одним многодетным отцом, но только до рассвета, потому что в другое время тому было некогда. Пришел этот человек — радостный и непрестанно славословящий Бога. У него было много смирения и простоты, и он просил меня молиться о его семье. Этому брату было тридцать восемь лет, и он имел семеро детей. Дети, он с женой, плюс его родители — всего одиннадцать душ. Все они ютились в одной комнате. С присущей ему простотой он рассказывал: "Стоя-то мы помещаемся в комнате все, но вот когда ложимся спать, места не хватает — тесновато. Но сейчас, Слава Богу, сделали навес для кухни и стало полегче. Ведь у нас, отченька, есть и крыша над головой — другие-то вон и вовсе живут под открытым небом." Работал он гладильщиком в Пирее (Главный порт Греции. — Прим. пер), а жил в Афинах , и для того чтобы быть на работе вовремя, выходил из дома затемно. От долгого стояния на ногах и сверхурочной работы у него образовалось варикозное расширение вен, причинявшее его ногам беспокойство. Но большая любовь к семье заставляла этого человека забывать о болячках и хворях. Вдобавок он то и дело себя укорял, говорил, что у него нет любви, что он не делает подобающих христианину добрых дел, и не мог нахвалиться на свою жену за то, что она делает добрые дела, заботится не только о детях, но и о свекре со свекровью, обстирывает живущих по соседству стариков, прибирается у них в домах и даже "супчик им варит!" Лицо этого доброго семьянина светилось от Благодати Божией. Он имел в себе Христа и был исполнен радости. И комнатенка, в которой они ютились, тоже была исполнена райской радости. Те, кто не имеет в себе Христа, будут исполнены душевной тревоги. Они не поместятся и в одиннадцати комнатах даже вдвоем, тогда как здесь одиннадцать душ со Христом — поместились в одной.

Как бы много места ни было у людей — даже у людей духовных — им все равно не будет хватать места, потому что в них самих не хватило место Христу, потому что Он не вместился в них полностью. Если бы жившие в Фарасах женщины поглядели на ту роскошь, которая присутствует сегодня даже во многих монастырях, то они бы воскликнули: "Бог низвергнет с неба огонь и попалит нас! Бог нас оставил!" Фарасиотки справлялись с работой в два счета. Спозаранку они выгоняли коз, потом наводили порядок в доме, потом шли в часовню или же собирались где-нибудь в пещерах, и та, что немножко умела читать, читала житие дневного Святого. Потом начинали творить поклоны с молитвой Иисусовой. Но ведь кроме этого они еще работали, уставали. Женщина должна была уметь обшивать весь дом. А шили вручную. Ручные швейные машинки и в городе-то были редкостью, а в селе их не было и подавно. Хорошо если на все Фарасы была одна швейная машинка. И мужчинам они шили одежду — очень удобную, а носки вязали на спицах. Всё делали со вкусом, с любовью, но при этом и время у них оставалось, потому что всё у них было просто. Второстепенное фарасиотов не заботило. Они переживали монашескую радость. И если, скажем, ты замечал, что одеяло лежит на кровати неровно, и говорил им: "Поправьте одеяло," то в ответ слышал: "Тебе это что, мешает молиться?"

Сегодня людям неведома эта монашеская радость. Люди считают, что испытывать лишения, страдать они не должны. А если бы люди думали немножко по-монашески, если бы они жили проще, то и были бы спокойны. Сейчас они мучаются. В их душах — тревога и отчаяние: "Такому-то удалось построить два многоэтажных дома!" Или: "Такому-то удалось выучить пять иностранных языков!" — или еще что-нибудь подобное этому. "А у меня, — говорят, — нет даже своей квартиры, и иностранного языка я не знаю ни одного! Все, пропал я!" Или же кто-то, имея автомобиль, начинает терзаться: "У другого машина лучше моей. Надо и мне купить такую же." Он покупает себе новую машину, но и она ему не в радость — ведь у кого-то еще есть и получше. Он покупает такую же и себе, а потом узнает, что у иных есть собственные самолеты, и опять мучается. Конца этому нет. Тогда как другой человек, у которого тоже нет машины, славословит Бога и радуется. "Слава Богу! — говорит он. — Ну и пусть у меня не будет машины. Ведь у меня крепкие ноги и я могу ходить пешком. А у скольких людей ноги ампутированы, и они не могут за собой ухаживать, не могут выйти на прогулку, нуждаются в чьем-то уходе!... А у меня есть собственные ноги!" В свою очередь, человек хромой говорит так: "А каково другим, у которых нет обеих ног?" — и радуется тоже.

Неблагодарность и ненасытность — великое зло. Человек, порабощенный чем-то материальным, всегда порабощен волнением и душевной тревогой, потому что он то дрожит, боясь, как бы у него не отняли его богатство, то испытывает страх за свою жизнь. Как-то раз ко мне пришел один богач из Афин и сказал: "Отче, я потерял контакт со своими детьми. Я потерял своих детей." — "А сколько у тебя детей?" — спросил я. "Двое, — ответил он. — Вскормил их на птичьем молоке. Имели все, что хотели. Даже по машине им купил." Потом из беседы стало ясно, что у него была своя машина, у жены — своя и у каждого из детей — своя. "Чудак человек, — сказал я ему, — вместо того, чтобы решить свои проблемы, ты их только увеличил. Сейчас тебе нужен большой гараж для машин, за их ремонт надо платить вчетверо больше, не говоря уже о том, что и ты с женой, и твои дети в любой момент рискуете разбиться. А если бы ты упростил свою жизнь, то семья была бы сплоченной, один понимал бы другого, и всех этих проблем у тебя бы не было. Вина за то, что с вами происходит, лежит не на твоих детях, а на тебе самом. Это ты виноват в том, что не воспитал их по-другому." На одну семью — четыре автомобиля, гараж, свой механик и все прочее! Да неужели один не может поехать куда-то чуть пораньше, а другой — чуть попозже? Весь этот комфорт порождает трудности.

В другой раз ко мне в каливу пришел другой глава семьи — на этот раз из пяти человек — и сказал: "Отче, у нас есть одна машина, но я думаю купить еще две. Так нам будет полегче." — "А насколько вам будет потруднее, ты не подумал? — спросил его я. — Одну машину ты оставляешь в какой-нибудь подворотне, а где будешь ставить три? Тебе понадобится гараж и склад для горючего. Вместо одной опасности вы будете подвергаться трем. Лучше вам обходиться одной машиной и ограничить свои расходы. И время, чтобы смотреть за детьми, у вас будет, и сами вы будете умиротворенными. В упрощении вся основа." — "Да, — говорит, — а я ведь об этом и не задумывался" .

— Геронда, один человек рассказывал нам, как он два раза не мог заставить замолчать противоугонную сигнализацию в своем автомобиле. Один раз из-за того, что в машину залетела муха, а в другой раз он сам нарушил инструкцию пользования противоугонной системой, когда садился в собственный автомобиль.

— У этих людей мученическая жизнь, потому что они не делают свою жизнь проще. Большинство удобств влекут за собой неудобства. Мирские люди задыхаются от многого. Они заполонили свою жизнь множеством удобств и сделали ее трудной. Если не упростить свою жизнь, то даже одно удобство рождает целую кучу проблем.

В детстве мы обрезали края у катушки из-под ниток, вставляли в серединку деревянную палочку и устраивали замечательную игру, которая доставляла нам настоящую радость. Маленькие дети радуются игрушечной машинке больше, чем их отец — купленному "Мерседесу." Спроси какую-нибудь девчушку: "Что тебе подарить — куколку или многоэтажный домище?" Вот увидите, она ответит: "Куколку." Суетность мира в конце концов познают даже малые дети.

— Геронда, а что больше всего помогает понять радость, которую приносит простота, безыскусность?

— Осознание глубочайшего смысла жизни. *"Ищите прежде Царствия Божия..."* (Мф. 6:33). Простота и всякое правильное отношение к вещам начинаются с этого.

4. Внешний шум и внутреннее безмолвие.

Люди изменили умиротворенную природу.

Большинство из тех технических средств, которыми сегодня люди пользуются для своего удобства, производят шум. Ах, своим шумом люди свели с ума умиротворенную природу, всей этой техникой они ее и изменили, и разрушили. А какая тишина была раньше! Как же изменяется и как же изменяет [всё вокруг] человек — сам того не понимая.

Сегодня все приучились жить с шумом. Многие из современных детей любят читать, одновременно слушая рок-музыку. То есть, им больше нравится читать под музыку, а не в тишине. Им спокойнее от беспокойства, потому что беспокойство сидит у них внутри. Везде слышен шум. Вот прислушайся!.. Слышишь это постоянное: “в-у-у... ву-у!.” Пилят доски — “ву-у...,” шлифуют их — тоже “ву-у...,” опрыскивают деревья распылителем — опять “ву-у....” А потом придумают другие распылители — как самолеты, чтобы ещё больше шумели, и будут говорить: “Эти распылители лучше, потому что они опрыскивают деревья не снизу, а сверху, и ни одна почка не остается неопрысканной.” Будут искать себе такие опрыскиватели и радоваться им. Человек хочет просверлить одну-единственную дырку для гвоздя и опять включает какую-нибудь “вукалку.” Зачем? Чтобы воду в ступе толочь? А он еще этому радуется и, удивительное дело, — даже гордится! Чтобы иметь свежий воздух, покупают электрический вентилятор и слушают его гул. Раньше, когда было жарко, обмахивались рукой, а сейчас портят собственные уши ради глотка свежего воздуха. И на море сейчас создают очень много шума. Когда-то по морю бесшумно плыли корабли под парусами, а сейчас тарахтит даже самая маленькая моторка. Скоро большинство людей вообще будут кружить над землей на самолетах! И знаешь, к чему это приведет? Земля-то ещё хоть немного поглощает шум, а в воздухе будет такое твориться, что Боже сохрани!..

Люди разрушили даже святые пустынные места.

Беспокойный мирской дух нашей эпохи своей мнимой цивилизацией разрушил даже святые пустынные места, которые умиротворяют и освящают души. Беспокойному человеку никогда нет покоя. Люди нигде не оставили тихого места. Даже Святую Землю — во что же ее сейчас превратили! И в житии Фотинии-пустынницы (Фотиния-пустынница родилась в 1860 г. в Дамаске (Сирия) в греческой семье. Около 1884 г. удалилась в Заиорданскую пустыню. В 1915 г. по причине Первой Мировой Войны была вынуждена переселиться в Иерусалим, где и пребывала до установления мира. Впоследствии поселилась в пустыне к западу от Мертвого моря, где и подвизалась до самой смерти) упоминается о том, что в пустыне, где она прежде подвизалась, впоследствии понаставили множество киосков, пооткрывали закусочных. В пещерах и кельях, где подвизалось столько монахов, столько святых, англичане открыли продажу прохладительных напитков. Всё, нет больше пустыни! Она заполнилась домами, радиоприемниками, магазинами, отелями, аэропортами!.. Мы дожили до того времени, о котором говорил Святой Косма Этолийский: (Святой священномученик равноапостольный Косма Этолийский, 1779; память мученической кончины 24 августа. Значительное время подвизался на Святой Афонской Горе. После божественного призвания вышел в мир и с проповедью проходил города и села порабощенной турками Греции. Учил Евангелию, открывал школы, препятствовал исламизации греков. Совершил множество чудес и оставил очень много пророчеств о будущем всего человечества. По праву считается великим пророком нового времени. Был оклеветан иудеями перед турецким пашой и претерпел мученическую кончину. Проповеди и пророчества Святого Космы очень распространены и читаемы в Греции, на русский язык не переведены. — Прим. пер). “Придет время — и там, где сейчас парни вешают свои ружья, цыгане развесят свои музыкальные инструменты.” Я хочу сказать, что до этого дожили и мы — там, где раньше подвизались монахи, там, где раньше висели их четки, сейчас голосят радиоприемники и шипят прохладительные напитки!.. Да, видно, пройдет еще немного лет и все это уже не понадобится. Вообще, из того, что происходит, следует вывод: жизнь приближается к концу. Наступает конец жизни и конец этого мира.

— Геронда, а где-нибудь на Святой Горе осталось тихое место?

— Да какое там сейчас тихое место, даже и на Святой Горе! Ведь в афонских лесах без конца прокладывают все новые и новые дороги. Повсюду гудят машины. Даже те, кто живет в самых пустынных и безмолвных местах, купили себе машины. Мне непонятно — ну чего ищут эти люди в пустыне? Арсений Великий, слыша, как в пустыне от нежного ветерка шумит тростник, спрашивал: “Что это за шум? Не землетрясение ли?” (См.” Древний Патерик. М., 1899. С. 21). А посмотрели бы Святые Отцы на то, что творится сейчас! Раньше в общежительных монастырях монахи очень уставали на послушаниях. Особенно трапезник и гостинник. Надо было мыть тарелки, начищать медную посуду. А сегодня все это легко, ведь теперь у монахов есть всевозможная современная техника — которая по большей части создает шум. Помню, как мы в монастыре носили воду из источника и с помощью лебедки в особых емкостях потихонечку поднимали ее на четвертый этаж. А сейчас воду качают насосом, и постоянно слышишь, как он тарахтит. Стены трясутся, стекла дрожат. Поставили бы, по крайней мере, какой-нибудь глушитель. В армии во время Гражданской войны, я использовал глушитель, когда заряжал батарею рации, чтобы враги на своей стороне ничего не слышали.

Как-то раз ко мне в каливу пришли монахи из одного монастыря. Они разговаривали громко. “Потише, — сказал я одному из них, — нас далеко слышно.” Он продолжал кричать. “Да говори ты потише,” — попросил я его снова. “Прости, Геронда, — ответил он мне, — мы у себя в монастыре привыкли так орать. У нас работает генератор, и поэтому мы говорим громко — иначе не слышно.” Понимаешь, о чем речь? Вместо того, чтобы творить Иисусову молитву и разговаривать тихо, они включают генератор и потому кричат! Некоторые подростки снимают со своих мотоциклов глушители, чтобы грохотало на всю округу... Худо, что тот же самый дух проникает сегодня и в монашество. Да, сейчас мы идем к этому — шум доставляет монахам радость.

Сегодня утром я наблюдал за одной монастырской сестрой. Она была похожа на космонавта. В широкополой соломенной шляпе на голове, с респиратором на лице, с бензиновой сенокосилкой в руке, она спускалась по склону и любовалась собой. Астронавты так не гордились, когда прилетели с Луны! Прошло немножко времени и вдруг слышу: “Тра-та-та-та!...” Смотрю, начала она косить траву этой сенокосилкой, да так, что уже некуда было спрятаться от грохота. Только она закончила, приходит монастырский работник с еще более громкой тарахтелкой — пахать землю. Бегал, тарахтел — взад-вперед, взад-вперед!

Потом оставляет он свой бензоплуг, берет другой механизм — боронить землю. Чего только ни выпало на нашу горькую долюшку!..

— И все же, Геронда, поскольку существует вся эта техника, облегчающая...

— О, знаете, сколько существует облегчающей техники!.. Избегайте, насколько возможно, всего грохочущего, всего тарахтящего, избегайте шума. Весь этот шум изгоняет нас из монастыря. Зачем тогда у вас внизу на воротах висит табличка “Исихастирий”? (— безмолвие). Напишите уж лучше что-нибудь вроде “Шумостирий” или “Неспокойностирий”! Зачем тогда нужен монастырь, если в нем нет тишины? Смотрите, постарайтесь, насколько возможно, ограничить все то, о чем мы сейчас говорим. Вы еще не ощутили того, сколь сладко безмолвие. Если бы вы это поняли, то могли бы лучше понять и то, что говорю я, и некоторые другие вещи. Если бы вы вкусили сладких духовных плодов безмолвия, то, несомненно, были бы по-доброму обеспокоены и больше стремились бы к святому безмолвию жизни духовной.

Безмолвие это таинственная молитва.

Всей этой шумной техникой инок отгоняет от себя предпосылки для молитвы и монашеской жизни. Поэтому монаху надо, насколько это возможно, стараться не пользоваться шумной техникой. Все то, что люди считают удобным, по большому счету не содействует монаху в достижении его цели. Находясь в таком состоянии, монах не может обрести того, ради чего он отправился в путь.

Безмолвие — великое дело. Находясь в безмолвии, человек тем самым уже молится — даже и не молясь.

Безмолвие есть таинственная молитва, и оно очень помогает молитве, подобно тому, как кожное дыхание приносит человеку пользу (Удачность приведенного блаженным Старцем Паисием примера подтверждается данными физиологии. Незаметное, постоянное потоотделение и кожное дыхание — инструмент с помощью которого регулируется температура человеческого тела. Если, покрыв всю поверхность тела человека каким-то изолирующим материалом, лишить его кожного дыхания, то вначале последствия будут не так заметны, однако через какое-то время, нарушение температурного баланса приведет к серьезным нарушениям жизнедеятельности организма. Аналогия с молитвой и безмолвием — прямая. “Таинственная,” “невыраженная” молитва — безмолвие, незаметно но постоянно помогает человеку находиться в здоровом духовном состоянии. Лишение безмолвия, приводит христианина — и в особенности монаха — к незаметным на первый взгляд, но тем не менее, разрушительным духовным последствиям, — Прим. пер). Тот, кто в безмолвии занят духовной работой, впоследствии погружается в молитву. Знаешь, что такое погружаться? Затихший в объятиях матери малыш не говорит ничего. Он уже находится в единении, общении с ней. Поэтому, если монастырь находится вдали от археологических достопримечательностей, от мирского шума и множества людей, — от этого огромная польза.

Внешнее удаленное от мира безмолвие, сопряженное с рассудительным подвигом и непрестанной молитвой, очень быстро приносит монаху и внутреннее безмолвие — душевный мир. Это внутреннее безмолвие — необходимая предпосылка для тонкого духовного делания. А тогда уже внешнее беспокойство перестает тревожить человека, потому что, в сущности, на земле находится только его тело, тогда как ум его пребывает на Небе.

Слышать или не слышать шум — зависит от самого человека.

— Геронда, а что делать, если на послушании шумно, или же если для рукоделия требуется какая-нибудь машинка, производящая шум?

Когда рукоделие шумное, очень помогает тихое псалмопение. Если не можете творить Иисусову молитву — пойте что-нибудь церковное. Требуется терпение. На корабле, когда я плыву с Афона или возвращаюсь обратно, бывает очень шумно. Я сажусь куда-нибудь в уголок, чтобы меня не беспокоили, делая вид, что сплю, закрываю глаза — и начинаю петь. Чего я только не пою! Сколько всяких “Достойно есть,” сколько “Святый Боже.” И корабельный двигатель своим гулом очень подходит для псалмопения. Двигатель держит иссон (Иссон (от греч. “***” — ровный, одинаковый, подобный) — нижний, “базовый” голос в византийском церковном пении. — Прим. пер) — как раз в тон с “Достойно есть” Папаниколау, со “Святый Боже” Нилевса. (Папаниколау Харалампос — певчий и сочинитель в византийской музыки конца XIX — начала XX веков из греческого города Кавала. Нилевс Камарадос — константинопольский певчий середины XIX века, сочинитель и теоретик византийской музыки. — Прим. пер). Так гудит, что подходит к чему ни возьми! Я пою в уме, однако сердце тоже участвует в пении.

И все же, я думаю, что беспокойство нам причиняет не столько внешний шум, сколько [внутренняя] озабоченность чем-то. Слышать или не слышать внешний шум — это зависит от тебя, тогда как [внутренней] озабоченности избежать нелегко. Основа — это ум. Глаза могут смотреть и не видеть. Я, когда молюсь, могу глядеть на что-то, но не видеть этого. Могу куда-то идти, могу глядеть на какой-нибудь пейзаж, на что-то еще, но ничего не замечать. Если человеку трудно творить Иисусову молитву (В монашеском лексиконе слово “***” означает краткую, состоящую из нескольких слов молитву, многократно повторяемую при молитве по четкам. Обычно это Иисусова молитва: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,” но кроме нее “***” может означать и молитву Пресвятой Богородице: “Пресвятая Богородице, спаси мя грешного,” Святым: “Святый имярек, моли Бога о мне,” Честному Кресту, Ангелам, совершаемую подобным образом молитву о упокоении усопших, об исцелении болящих и т.п. Это слово может переводиться как “молитва Иисусова,” “молитва по четкам,” “молитва,” “молитовка” и т.п. — в зависимости от контекста. “Творить молитву” в настоящем тексте означает совершать молитву такого рода. — Прим. пер) среди шума, то это значит, что его ум не отдан Богу. Человек должен достичь состояния божественной отвлеченности, чтобы он смог жить во внутреннем безмолвии, и шум во время молитвы его не беспокоил бы. [Тогда] человек достигает состояния той божественной отвлеченности, находясь в которой, он уже не слышит шума, или же слышит его только тогда, когда захочет сам, а точнее — когда его ум спускается с Неба. Если человек будет духовно работать, будет подвизаться, то он достигнет этого состояния. Тогда он сможет слышать что-то или не слышать, когда захочет этого сам.

Как-то раз во время службы в армии я назначил одному моему сослуживцу — человеку благоговейному — встречу в определенном месте. “Да ведь там, — возразил он мне, — прямо под ухом кричит громкоговоритель.” — “Слышать или не слышать громкоговоритель, — ответил я ему, — зависит от самого человека.” Разве мы слышим то, что происходит вокруг, если наш ум чем-то занят? Помню, на Афоне напротив моей каливы пилили лес бензопилами — обнажили от деревьев целый холм. Так вот, когда я читал или молился и был этим всецело поглощен, то не слышал ничего. А когда прекращал свои духовные занятия, то начинал все слышать опять.

Будем уважать безмолвие других.

Если причиной шума не являемся мы сами, то ничего страшного — Бог все видит. Но худо дело, если шум возникает из-за нас. Поэтому нам надо быть постоянно внимательными, чтобы не беспокоить других. Если кто-то не хочет молиться сам, то пусть, по крайней мере, не создает помех другим. Поняв, сколь великий вред наносит ваш шум молящемуся человеку, вы стали бы очень внимательны. Потому что, если не осознать, что тишина и лично тебе необходима, и вообще всем помогает, причем хранить ее нужно от сердца, от любви, а не под принуждением и из-под палки, то доброго результата тишина не даст. Если человек соблюдает тишину, находясь в напряжении, подчиняясь правилам дисциплины, если он говорит себе: “Сейчас надо пройти так, чтобы никому не помешать, а сейчас надо прокрасться на цыпочках...,” то это сущее мучение. Цель в том, чтобы поступать так от сердца, с радостью, хранить тишину, потому что кто-то молится, кто-то находится в общении с Богом. Какая же разница между соблюдением тишины в первом и втором случае! То, что человек делает от сердца, его радует и ему помогает. Если осознать тишину необходимостью и с уважением отнестись к тому, кто в это время молится, то потом приходит чувство некоего трепета. А уважая другого, человек уважает себя самого и тогда он не берет себя в расчет, потому что у него нет самолюбия, но есть любочестие. Надо ставить себя на место другого, надо размышлять так: “Если бы я был на месте этого человека, то какого отношения я хотел бы к себе? Ведь если бы я был уставшим или молился, разве понравилось бы мне, что так хлопают дверью?” Если поставить себя на место другого человека, многое сделается понятным.

А как же прекрасно раньше было в общежительных монастырях!.. Безмолвие! Каждые четверть часа били часы, чтобы все монахи помнили о необходимости творить молитву Иисусову. Если кто-то отвлекался от молитвы, то, слыша каждые пятнадцать минут бой часов, вновь возвращался к ней. От боя часов была очень большая польза. Отцы творили молитву, и в монастыре царило безмолвие, глубокая тишина. В том святогорском общежитии, где я одно время жил, подвизалось шестьдесят человек братии. А впечатление было такое, что в обители живет всего один исихаст. Все творили молитву Иисусову. И в храме большинство творило умную молитву — пели немногие. И на послушаниях было то же самое. Везде царило безмолвие. Никто громко не разговаривал, никто не кричал, каждый занимался своим послушанием. Все двигались без шума — словно овечки. Все, что ни делалось в монастыре, всегда совершалось без шума. Не было того, что напридумывали нынче в монастырях: “время послушания,” “время безмолвия.”.. Пожалуй, введут еще и “тихий час”! Раньше каждый распределял свое время в соответствии с тем послушанием, которое у него было.

Если мы хотим, чтобы благословенная пустыня помогла нам — своей святой пустотой и сладким покоем, — чтобы мы тоже умиротворились, опустошились от страстей и приблизились к Богу, то и нам нужно возлюбить ее и отнестись к ней с почтением. Необходимо быть внимательным, чтобы не приспособить святую пустыню к своему страстному "я.” Это великое нечестие — то же самое, что идти поклониться Святой Голгофе, распевая эстрадные песенки.

Противоядие от шума: добрые помыслы.

Нынешние люди, к сожалению, пользуются шумной техникой даже для незначительных дел. Поэтому, если кто-то на время окажется в шумной обстановке, ему надо возделать в себе добрые помыслы. Заставить людей не включать ту или другую шумную технику ты не можешь. Вместо этого сразу же сам включай в работу добрый помысл. Например, ты слышишь, как работает опрыскиватель, и он напоминает тебе шум летящего вертолета. Подумай так: “Могло бы случиться, что какая-то из сестер тяжело заболела, и прилетел бы вертолет, чтобы забрать ее в больницу. Представь, как бы ты была тогда расстроена! А сейчас все мы, слава Богу, здоровы.” В этом деле требуется разум и находчивость, искусство включения доброго помысла. Например, ты слышишь, как гудит бетономешалка, работает подъемник, шумит что-то еще. Скажи: “Слава Тебе, Боже, что не бомбят, что не рушатся здания! Наоборот — люди живут в мире и строят жилища.”

— А если, Геронда, испорчены нервы, что тогда?

— Испорчены нервы? Это что же такое значит? Может быть испорчен помысл? Нет ничего лучше доброго помысла. Один мирской человек построил себе дом в тихом месте. Прошло время, и возле его дома с одной стороны построили гараж, с другой — провели шоссе, а с третьей — открыли бар с дискотекой. До самой полуночи слушай, как гремят барабаны. Несчастный потерял сон, ложился в постель с вкладышами в ушах, даже начал принимать таблетки. Еще немножко, и у него помутился бы рассудок. Приехал он на Святую Гору, разыскал меня и стал рассказывать: “Так мол и так, Геронда, нет нам никакого покоя. Что мне делать? Я думаю строить другой дом.” — “Включи в работу добрый помысл, — сказал я ему. — Вот подумай: если бы шла война и в гараже ремонтировали танки, в расположенный рядом госпиталь санитарные фургоны свозили бы раненых, а тебе бы сказали: “Сиди на месте. Жизнь мы тебе гарантируем, трогать тебя не будем. Можешь выходить из своего дома спокойно, но передвигаться только в радиусе этих построек, потому что пули сюда не долетают.” Или сказали бы так: “Не высовывайся из своего дома, и никто тебе ничего не сделает.” Разве тебе было бы этого мало? Разве ты не посчитал бы такие условия настоящим благословением? Поэтому сейчас скажи себе так: “Слава Тебе, Боже, что нет никакой войны, что люди живы-здоровы и занимаются своими делами. В гараже нет никаких танков, люди ремонтируют там свои машины. Слава Тебе, Боже, что нет никакого госпиталя, никаких раненых и прочего горя, которое приносит война. По шоссе не тянутся танковые колонны, а мчится поток автомобилей — люди торопятся на работу.” Если ты таким образом включишь в работу добрый помысл, то после придет славословие Бога.” Бедолажка понял, что самое основное — это правильное отношение к обстоятельствам, и ушел умиротворенным. Потихоньку он стал противопоставлять окружавшим его искушениям добрые помыслы, потом выбросил свои таблетки и засыпал уже без труда. Видишь, как один добрый помысл приводит человека в порядок?

А однажды я ехал куда-то на автобусе. У кондуктора громко работало радио. Нашими попутчиками были несколько верующих молодых людей. Они сказали кондуктору, что в автобусе находится монах, и неоднократно знаками просили его выключить приемник. Попросили раз, попросили два — тому хоть бы что! наоборот, еще прибавил громкости. “Да оставьте вы его, — сказал я ребятам, — это мне не мешает. Я пою церковные песнопения, а радио мне подпевает — держит иссон” (См. прим. 6 к с. 187). А в помысле я говорил себе так: “Если бы, Боже сохрани, где-нибудь на трассе случилась авария и в наш автобус посадили бы покалеченных людей — одного со сломанной ногой, другого с разбитой головой, — то как бы я выдержал такое зрелище? Слава Тебе, Боже, что люди живы и здоровы! Вон, гляди — еще и песни распевают!” Так я себе и ехал — напевая духовные песнопения. Прекрасное было путешествие!

Я приведу вам еще один пример, чтобы вы увидели, как один добрый помысл приводит человека в порядок — что бы ни происходило. Я был в Иерусалиме вместе с одним своим знакомым. Наше пребывание совпало с каким-то местным праздником. Народ справлял праздник и без остановки кричал: “Алала... ах!” Такое творилось — не приведи Боже! Шум, гам, восклицания! Праздновали, как полагается — *“в кимвалех восклицания”* (Пс. 150:5). Только вот слов было не разобрать. Гомонили всю ночь напролет. Мой знакомый разнервничался, сел на подоконник, всю ночь не сомкнул глаз. А я, включив в работу добрый помысл, уснул как младенец: мне вспомнился исход евреев из Египта (Исх. 13:15), и от этого я даже чувствовал некое умиление.

Так и вы — любое искушение отражайте добрыми помыслами. Например, кто-то хлопнул дверью. Скажите себе: “А если бы, Боже упаси, с какой-нибудь сестрой что-то случилось, если бы она ударилась и сломала ногу, то разве я смогла бы уснуть? А сейчас хлопнула дверь — ну что же, видно, у сестры было какое-то дело.” Однако если монахиня начнет осуждать и скажет: “Вот ведь какая рассеянная! Расхлопалась, понимаешь, дверями! Безобразие какое!” — то разве потом она будет в мирном состоянии? Только лишь она примет такие помыслы, как всё — тангалашка ее потом взбаламутит. Или, например, какая-то сестра может услышать, как ночью долго звонит чей-то будильник. Звонит — замолкает, звонит — снова замолкает. Если монахиня, которую разбудил чужой будильник, подумает так: “Видимо, эта сестричка совсем утомилась, даже подняться не в силах. Лучше бы ей вставать и начинать свое келейное правило на полчаса позже,” — то ни беспокойства, ни расстройства от нечаянного пробуждения у неё не будет. Однако, подумав о себе самой, о том, что “вот, дескать, будят меня тут всякие чужие будильники!,” она может сказать: “Да что же это такое?! Ведь не дают ни капельки покоя!.” Поэтому один добрый помысл помогает человеку так, как никакой другой подвиг.

Нам надо стяжать внутреннее безмолвие.

Задача в том, чтобы человек из всего извлекал пользу для духовной борьбы. Нужно постараться стяжать внутреннее безмолвие. Включая работу правый помысл, надо извлечь пользу и из шума. Самое основное — правильное отношение к происходящему: всему надо противопоставлять добрые помыслы. Если среди шума добиться внутреннего безмолвия, то это имеет немалую цену. А если кто-то не смог стяжать внутреннего безмолвия, находясь среди внешней суеты, то он не успокоится, даже находясь во внешне безмолвной обстановке. Когда к человеку приходит внутреннее безмолвие, то у него умолкает всё внутри и ничто его не беспокоит. Если же для того, чтобы достичь внешнего безмолвия, человек хочет попасть в безмолвную обстановку, то, попав в неё, он будет хватать палку и днём разгонять кузнечиков, а ночью — шакалов, чтобы те его не беспокоили. То есть он будет прогонять то, что будет собирать для него диавол. А как вы думали? Чем, по-вашему, занимается диавол? Он старается помешать нам, чем только можно — до тех пор, пока не уложит нас на лопатки.

В одном скиту жили два старельких монаха. Они купили себе ослика с колокольчиком на шее. А один молодой монах, живший неподалеку от них, имел наклонность к безмолвной жизни. Он раздражался от звона колокольчика, говорил, что монахам в скиту запрещено держать ослов, и в доказательство приводил все канонические правила, какие только мог отыскать! Остальные скитские монахи говорили, что колокольчик им не мешает. "Послушай-ка, — сказал я молодому исихасту, — ведь эти старенькие монахи не докучают нам с тобой разными просьбами, а с помощью ослика обслуживают себя сами. Нам этого мало? А представляешь, если бы у ослика не было колокольчика, и он потерялся? Ведь идти его разыскивать пришлось бы тогда нам! И мы еще жалуемся?" Не имея добрых помыслов, не извлекая из всего духовную пользу, мы не преуспеем, даже живя рядом со святыми. Например, оказался я в воинской части. Ну так что же — сигнал солдатского горна будет для меня вместо монастырского колокола, а автомат будет напоминать о духовном оружии против диавола. Если же мы не извлечем из всего духовную пользу, то даже колокол будет причинять нам беспокойство. Или из всего извлечем пользу мы, или же этим воспользуется диавол. Беспокойный человек даже в пустыню перенесет своё беспокойное "я." Сначала душа должна стяжать внутреннее безмолвие, находясь среди внешней суеты. Стяжав его, она сможет безмолвствовать и тогда, когда выйдет из мира для безмолвия.

5. Многое попечение удаляет от Бога.

Не будем хвататься за многое.

Люди сегодня не живут просто. Поэтому они сильно отвлекаются. Они хватаются за многое и тонут во множестве попечений. А я сперва заканчиваю с каким-то одним или двумя делами — и только потом думаю о других. Я никогда не берусь за много дел сразу. Сейчас я думаю о чем-то одном. Закончив первое, начинаю обдумывать второе. Потому что я не имею покоя, если берусь за второе, еще не закончив первое. Хватаясь за много дел, человек теряет голову. Даже просто думать обо всех этих делах [одновременно] — уже приведет к шизофрении.

Как-то ко мне в каливу пришел один юноша в состоянии психического расстройства. Он уверял меня, что мучается оттого, что имеет какую-то наследственную чувствительность от своих родителей, и подобное этому. "О какой еще там наследственности ты мне говоришь? — сказал ему я. — Перво-наперво тебе требуется отдых. Потом заканчивай учебу. После этого иди отслужи в армии, а затем постарайся устроиться на работу." Несчастный послушался и обрел свой путь. Таким же образом люди находят и самих себя.

— Геронда, и я тоже быстро устаю от работы. А в чем причина — понять не могу.

— Чего тебе не хватает, так это терпения. А причина твоего нетерпения в том, что ты берешься за многое. Ты разбрасываешься во все стороны и выбиваешься из сил. А это приводит тебя и к нервозности, потому что у тебя есть любочестие и ты болеешь за дело.

Когда я жил в общежительном монастыре, то нес послушание в столярной мастерской. Старшим на послушании был другой столяр — пожилой монах, отец Исидор. У него, бедного, не было ни капли терпения. Брался он делать какое-нибудь окно, потом начинал нервничать, бросал окно — хватался делать двери, потом опять нервничал, бросал двери — лез крыть крышу — и так всё оставлял на середине, ничего не доводя до конца. Одни доски терял, другие распиливал не так, как нужно... Вот так человек убивается-убивается и ничего не добивается.

А есть и такие люди, силы которых ограничены, они могут выполнять не более одного-двух дел. Но при этом они хватаются за многое, ввязываются во множество попечений и после ничего не делают должным образом, впутывая в свои дела и заботы и других. Надо стараться, насколько возможно, браться не больше чем за одно-два дела, подобающим образом доводить их до конца, и после этого, имея ум ясным и свежим, браться за что-то еще. Ведь если твой ум рассеется, то какую потом ты сможешь вести духовную жизнь? Как ты сможешь помнить о Христе?

Не надо отдавать своего сердца материальному.

— Геронда, что Вы имеете в виду, говоря: "Отдавайте работе руки-ноги, но не отдавайте ей сердца"?

— Я имею в виду то, что не надо отдавать своего сердца материальному. Есть люди, которые отдаются материальному без остатка. Целый день напролет у них проходит в заботе о том, как должно выполнить какую-то работу, а о Боге они не думают совсем. Не поддадимся же этому и мы. Работайте руками, работайте ногами, но не позволяйте уклоняться от Бога вашему уму, не отдавайтесь материальному всем своим существом, всем своим внутренним потенциалом и сердцем. В противном случае человек становится идолопоклонником. Насколько это возможно, не отдавайте работе своего сердца. Отдавайте ей свои руки, отдавайте ей свой рассудок. Не отдавайте сердца ничтожному, бесполезному. Иначе как оно потом взыграет о Христе? Когда сердце во Христе, тогда освящается и работа. И сам человек сохраняет тогда внутреннюю душевную свежесть сил и испытывает настоящую радость. Используйте свое сердце правильно, не тратьте его понапрасну.

Если сердце растранжирится на множество пустяков, то потом ему недостанет крепости болеть о том, что действительно стоит боли. Я отдам боль своего сердце тому, кто болен раком, тому, кто страдает, стану тревожиться за детей, которые находятся в опасности. Я осеняю себя крестом и прошу Бога, чтобы Он их просветил. И когда у меня посетители, мое внимание сосредоточено на боли другого человека, на любви к нему. Собственную боль я не замечаю. Таким вот образом забывается всё [второстепенное], то есть человек устремляется в

другую сторону.

— Геронда, а на всякой ли работе возможно не отдавать ей ума и сердца?

— Если работа простая, то она способствует тому, что ум в нее не погружается. Если работа сложная, то есть многосоставная, то некоторое погружение в неё ума бывает оправдано. Однако сердцем работа овладевать не должна.

— А с помощью чего работа овладевает сердцем?

— С помощью чего? С помощью наркотика. Искуситель усыпляет сердце, овладевает им посредством эгоизма. Но если сердце отдано Богу, то ум пребывает в Боге, а мозги заняты работой.

— А что в точности мы подразумеваем под словом “беспопечительность”?

— Ты когда работаешь, не забывай Христа. Работай с радостью, но ум и сердце пусть будут в Боге. Тогда ты и уставать не будешь, и свои духовные обязанности сможешь выполнять. (Духовные обязанности монаха “***” — богослужения суточного круга, келейное правило, поклоны, чтение Священного Писания, святоотеческих книг и все подобное, что каждый монах обязуется совершать неопустительно. — Прим. пер).

Делание, совершаемое с умиротворением и молитвой, освящается.

— Геронда, не лучше ли, если работа совершается помедленнее — ради того, чтобы человек пребывал в умиротворенном состоянии?

— Лучше. Ведь если человек трудится умиротворенно, он сохраняет мир и освящает весь день. К сожалению, мы еще не поняли, что, делая какую-то работу со спешкой, мы приобретаем нервозность. А труд, совершаемый с нервозностью, не освящается. Не надо ставить перед собой цель успеть многое, но при этом самому известись от переживаний. Это бесовское состояние.

Рукоделие, совершаемое с умиротворенностью и молитвой, освящается само и освящает людей, которые им пользуются. Вот тогда есть смысл в том, что монахи по просьбе мирян дают им в благословение какое-нибудь рукоделие. И наоборот, рукоделие, которым занимаются в спешке и в трепке нервов, передает это бесовское состояние и другим. Работа в спешке, с переживаниями — это характерное свойство очень мирских людей. Волнующиеся души занятых рукоделием монахов и другим людям передают не благословение, а волнение. Как же воздействует состояние человека на рукоделие, которым он занимается! Даже и на деревяшки. Страшное дело! Результат работы зависит от того, в каком состоянии находился человек, когда он ею занимался. Если человек нервничает, гневается и сквернословит, то результат его труда остается без благословения. Тогда как если во время работы он поет что-то церковное, творит молитву, его дело освящается. Одно дело становится бесовским, а другое — божественным.

Действуя с благоговением и трудясь с молитвой, вы всегда освящаетесь сами и освящается все, что вы делаете. Имея ум в Боге, человек освящает свою работу, свое рукоделие. Скажем, я склеиваю коробку и творю молитву Иисусову — молюсь и одновременно тружусь во славу Божию. Моя цель не в том, чтобы спешить в работе, наделать целую кучу коробок, а потом изводиться от переживаний. Это бесовское состояние. Не для этого мы пришли в монастырь, а для того, чтобы освятиться самим и освятить то, что мы делаем. Порой из-за того, что это забывается, ты чувствуешь себя словно старательная сотрудница какого-то светского учреждения — потому что, спеша устраивать разные дела, ты забываешь брать с собой Христа. Напротив, приступая к делу с молитовкой, ты чувствуешь себя служительницей Христовой. А поэтому приложи к делу и молитву Иисусову, чтобы освятилась и ты сама, и то, что ты делаешь. Знаешь, как благословляет человека Бог? Знаешь, сколько благ и какие благословения Он нам ниспосылает?

— Геронда, а если человек занимается интеллектуальной работой, например, переводами, то как можно творить молитву, чтобы освящалось совершаемое дело?

— Если твой ум в Боге, то работа освящается, даже если она интеллектуальная, поскольку ты живешь в божественной атмосфере — пусть и не можешь творить молитву во время работы. Если человек находится в духовном состоянии, то ему это очень помогает. Он не старается отыскать смысл рассудком, но, просвещаясь, постигает его посредством божественного просвещения.

— А что мне делать, если я не нахожусь в таком духовном состоянии, однако должна заниматься работой подобного рода?

— Тогда занимайся ей, но при этом молись, проси, чтобы Бог тебя просветил. Насколько это можно, постарайся, чтобы божественные смыслы переводимых тобою книг помогли тебе самой. И трудись с благоговением. А каждый час или два делай на несколько минут перерыв и твори Иисусову молитву.

— Геронда, работа над переводами вообще очень отвлекает. Приходится рыться в словарях, читать комментарии...

— А я вам и раньше говорил: то, что главным образом помогает при переводах, есть личный духовный опыт и очищенные помыслы, которые делают человека сосудом Благодати. Тогда переложения божественных смыслов верны и происходят от божественного просвещения, а не от рассудка, словаря и чернильницы. Я хочу сказать, что надо утвердить себя в главном — то есть в божественном, а не во второстепенном — то есть в человеческом.

От многопопечителъности человек забывает Бога.

— Геронда, а всегда ли попечение удаляет человека от Бога?

— Слушай-ка, что я тебе скажу: когда отец подходит к занятому игрой ребенку и ласково гладит его, то последний, будучи увлечен своими игрушками, этого даже не замечает. Он заметит отцовскую ласку, если чуть оторвется от игры. Так же и мы, будучи заняты каким-то попечением, не можем ощутить любовь Божию. Мы не чувствуем того, что дает нам Бог. Будь внимательна: не растрачивай свои драгоценные силы на излишние хлопоты и суетные заботы, которые когда-то превратятся в прах. Хлопоча и заботясь о лишнем и суетном, ты и телесно устаешь, и ум свой распыляешь без цели, а потом, во время молитвы, приносишь Богу усталость и зевоту — подобно той жертве, которую принес Каин (Быт. 4:3-7). А из этого следует, что и твое внутреннее состояние будет “каиновым,” исполненным душевной тревоги и воздыханий, которые будет нагонять находящийся возле тебя тангалашка.

Не будем бесцельно растрачивать сердцевины наших сил, иначе для Бога потом у нас останутся лишь шелуха и скорлупки. Озабоченность чем-то вытягивает из сердца всю его внутреннюю силу и Христу не оставляет ничего. Если ты видишь, что твой ум то и дело отвлекается и уходит в попечения, заботы и тому подобное, надо понять, что ты забрел не туда, куда нужно, и побеспокоиться, что ты удалился от Бога. Понять, что тебе стали ближе дела, а не Бог, тварное, а не Творец.

К сожалению, нередко мирское удовольствие от выполненной работы обманывает даже монаха. Конечно, человек сотворен для того, чтобы делать что-то хорошее, потому что благ его Творец. Но монах подвизается, желая из человека сделаться Ангелом. Поэтому, чтобы трудиться духовно, он должен ограничить свой труд ради чего-то материального самым необходимым. Тогда и радость его будет происходить от выращенных духовных плодов, она станет духовной, и монах не только напитается сам, но и обильно напитает других.

От многой заботы и попечений человек забывает Бога. Батюшка Тихон (См.: Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001, С. 13-39) в своей характерной манере говорил: “Фараон давал израильтянам много работы и много еды, чтобы они забыли Бога” (Исх. 1:13-14). В нашу эпоху диавол всецело увлек людей материей, земными хлопотами. [Он учит людей] много работать, много кушать — чтобы они забывали Бога и, таким образом, не могли или, точнее сказать, не хотели извлечь пользу из той свободы, которая дана им для освящения души. Но, к счастью — помимо воли диавола — из этой [спешки] выходит и нечто хорошее — люди не находят для греха столько времени, сколько им хотелось бы.

Много работы и попечений обмирщвляют монаха.

Хорошо, чтобы человек, желающий жить духовно, а особенно монах, находился на расстоянии от занятий, работ, попечений определенного рода — то есть таких, которые удаляют его от духовной цели. Не надо заводить множества нескончаемых дел, потому что дела никогда не кончаются. И если монах не научится совершать внутренней работы над самим собой, то он будет постоянно уклоняться в работу внешнюю. Люди, стремящиеся закончить нескончаемые дела, заканчивают свою жизнь, имея духовные несовершенства. В конце жизни они каются, но тогда это не приносит им никакой пользы, потому что заграничный паспорт уже выдан им на руки. В любом случае, хотя бы малая передышка от дел необходима.

Когда будут сокращены многие труды, естественным образом появится свежесть телесных сил и жажда внутреннего делания — которое не утомляет, но восстанавливает силы человека. Тогда и душа будет в изобилии дышать духовным кислородом. Усталость от духовного делания не отнимает силы, но восстанавливает их, потому что это делание высоко возносит человека и приближает его к нежно любящему Отцу, так что радуется и его душа.

Телесная усталость, будучи лишенной духовного смысла, или, лучше сказать, происходя без духовной необходимости, при которой она могла бы быть оправдана, — ожесточает человека. Даже самая смирная лошадка, если ее заездить, начинает лягаться, то есть приобретает дурную привычку, хотя раньше ее не имела и могла бы с возрастом становиться смышленее.

Для того чтобы предпочтение отдавалось духовному, какие-то дела можно и оставить. Многая работа и многое попечение обмирщвляют монаха, и его орган духовного чувства становится мирским. Он живет уже как человек мира сего — со всем душевным беспокойством и мирской тревогой. Говоря кратко, от постоянных попечений, беспокойств и несчастий он уже в сей жизни частично переживает адскую муку. Но когда монах печется не о материальном, а о собственном спасении и о спасении всех людей, то он делает Бога своим управителем, а людей — своими служителями.

Помните случай с преподобным Геронтием и его послушником? (См.: Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001, С. 140-141) Преподобный Геронтий попросил у Пресвятой Богородицы немного воды — чтобы хватало для питья ему с послушником. Матерь Божия, как Добрая Мать, сделала отверстие в скале возле их каливы и извела оттуда воду — святой источник — чтобы им было, что пить. Прошло время, и послушник Преподобного стал возводить террасы, потом наносил земли, насадил садов и огородов, и войдя в столь многое попечение, пренебрегал своими духовными обязанностями. А поскольку воды не хватало, он взял зубило и стал расширять отверстие в скале — чтобы источник давал больше воды. Тогда Матерь Божия забрала воду, извела ее в другом месте, намного ниже кельи, и сказала ему: “Если хочешь заниматься огородами и отвлекаться, то носи воду издалека.”

Там, где много хлопот, — много духовных “радиопомех.”

— Геронда, не было ли Вам жаль оставлять келью, на восстановление которой Вы потратили столько сил, и переселяться в другое место?

— Раз я оттуда ушел, значит, для этого была какая-то серьезная причина.

— И везде Вы ограничивали себя только самым необходимым?

— Да, я ограничивал себя самым необходимым для здешней жизни, чтобы быть в состоянии совершать то, что необходимо для Горнего, для Неба. Потерявшись в земном, человек сбивается с пути, который возводит его на Небо. Сначала делаешь одно, потом хочется делать что-то еще... Если тебя затянуло между этих шестеренок, то все — ты пропал. Потерявшись в земном, человек теряет небесное. И подобно тому, как нет конца небесному, нет конца и земному. Или ты потеряешься здесь, или “потеряешься” там. А знаешь, что такое “теряться” там, в Горнем! О, я творил Иисусову молитву и погружался в нее! Ты никогда не погружалась в молитву?

Занятие многой работой, с усталостью и хлопотами, а особенно со спешкой, нам не помогает. Все это отодвигает на второй план трезвение и ожесточает душу. Человек не может не только помолиться, но даже и подумать. Он не может действовать благоразумно и совершает неправильные действия.

А потому будьте внимательны: не растрачивайте своего времени бесцельно, без пользы для духовной жизни. Иначе вы дойдете до того, что сильно ожесточитесь и уже не сможете исполнять свои духовные обязанности (См. прим. к стр. 198 **48). Вам будет хотеться заниматься работами или беседами — или же для того, чтобы быть “при деле,” вы будете сами создавать для себя проблемы. Когда мы оставляем Иисусову молитву и свои духовные обязанности, враг занимает наши духовные высоты и с помощью плоти и помыслов ведет с нами брань. Он приводит в негодность все наши силы — и душевные, и телесные, он прерывает наше общение с Богом, следствием чего является пленение страстями нашей души.

Батюшка Тихон говорил монахам, что надо жить подвижнически, чтобы освободиться от попечений, а не работать подобно рабочим и кушать подобно людям мирским. Ведь дело монаха — поклоны, посты и молитвы — и не только за себя самого, но и за весь мир — живых и усопших. А работа должна быть немногой и совершаться для того, чтобы обеспечивать себя необходимым и не быть ни для кого обузой.

— Геронда, а хлопоты всегда препятствуют духовной жизни?

— Если ты занимаешься тем, что необходимо по послушанию, то тебе это не повредит. Если старание о возложенном на тебя послушании или помощи какой-то сестре не выйдет за пределы [послушания], то ты будешь с нетерпением жаждать молитвы, а твоя помощь другим даст добрые результаты. Но если человек сам выходит за пределы [послушания], сам добавляет к возложенному на него делу хлопоты, заботится о том, в чем нет необходимости, то его ум рассеивается и уходит от Бога. А если ум человека не в Боге, то как он ощутит божественную радость? Сердце легко охлаждается. Если я весь день принимаю людей, то, несмотря на то, что это духовное дело, ночью, когда я встаю на молитву, сердце мое находится в ином состоянии — отличном от того, когда я молюсь целый день. Голова забивается множеством услышанного от людей, а отбросить все это нелегко. Насколько возможно, произноси днем молитву Иисусову и тихонечко напевай что-то церковное.

Очень помогает и недолгое духовное чтение — особенно перед молитвой. Оно очень согревает душу и рассеивает попечения, которыми человек занимался днем. А когда душа освобождается и переносится в духовную божественную атмосферу, то ум не отвлекается в своем делании. От прочитанного отрывка из Евангелия или из Отечника (в Отечнике есть маленькие, но сильные главки) ум переносится в духовную область и уже не уходит оттуда. Ведь ум — он, как непоседливый ребенок, который не может усидеть на одном месте — бегает то туда, то сюда. Но дай ему сладкую карамельку, и он никуда не уходит.

Свобода от хлопот и попечений приносит внутреннее безмолвие и духовное преуспеяние. Попечения удаляют монаха от Бога. Там, где много хлопот, — много духовных радиопомех, которые заглушают работу духовных радиостанций. Монаху нет оправдания, если он не ведет духовную жизнь. Вон несчастные миряне — обременены столькими заботами, а все равно стараются. У монаха таких забот нет. Ему не надо думать ни о квартирной плате, ни о долгах, ни о том, есть у него работа или нет. Духовник у него рядом, храм — прямо в монастыре: молитвы, Соборования, Молебны, Литургии... Он свободен от забот и озабочен тем, чтобы стать ангелом, — другой цели перед ним не стоит. Тогда как у мирянина столько забот! Он озабочен тем, как вырастить детей, прочими делами — и одновременно ведет борьбу за спасение своей души. Как говорил Старец Трифон: “Монах хочет совершить бдение? Он может это сделать. Хочет поститься? Может и это. Ни жены, ни детей у него нет. А мирской человек всего этого делать не может. Ведь у него дети. Одному нужна обувь, другому — одежда, третьему — что-то еще....”

Нам надо стяжать доброе попечение.

Прежде всего, нам надо искать Царствия Небесного. Это должно быть нашим попечением, а все остальное нам приложится (Мф. 6:33 и Лк. 12:13). Если человек забывается в этой жизни, то он теряет данное ему время, тратит его впустую. Если он не забывается и готовится к жизни иной, то его земная жизнь имеет смысл. Если думать о жизни иной, то многое меняется. А думая о том, как поудобнее устроиться здесь, человек бывает измучен, выбивается из сил и идет в вечную муку.

Смотрите, не заразитесь нетерпеливым беспокойством и страстным увлечением земными делами: “Сейчас мы должны сделать одно, после этого — другое...,” потому что в таком состоянии вас застигнет Армагеддон (Откр. 16:16). Одно только нетерпеливое беспокойство в связи со стройками, ремонтами и прочими делами — уже дело бесовское. Поверните ручку настройки на Христа, потому что иначе у вас будет лишь видимость жизни со Христом, тогда как внутри останется все мирское мудрование — и я боюсь, чтобы с вами не случилось той же беды, что и с юродивыми девами.

У дев мудрых (Мф. 25:1-13) были не одни лишь добрые дела, но и доброе попечение — они не смыкали глаз, они не были безразличны. Юродивые девы были безразличны и к бодрствованию не стремились. Поэтому Господь и сказал: *“Бдите”* (Мф. 25:13). Они были девами — но юродивыми, неразумными. Если у девы нет разума от рождения, то для нее это благословение от Бога. В жизнь иную она переходит без экзаменов. Однако если у нее есть разум, но при этом она живет неразумно, то в день Страшного Суда ей будет нечем оправдаться.

А случай с Марфой и Марией, о котором рассказывает Евангелие? Видите, как попечение довело Марфу до того, что она повела себя, некоторым образом, бесстыдно? Судя по всему, Мария сначала тоже ей помогала, но, увидев, что Марфа не собирается закругляться со своими приготовлениями, оставила ее и ушла. “Как, — подумала Мария, — лишаться моего Христа ради салатов и пирожных?” Можно подумать, что и Христос шел к ним для того, чтобы покушать Марфиных разносолов! А вот это-то Марфу и задело, и она сказала: *“Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служйть!”* (Лк. 10:40)

Будем же внимательны, чтобы с нами не случилось того же, что и с Марфой. Давайте помолимся о том, чтобы нам стать добрыми Мариями.

Часть третья.

О духе божием и духе мира сего.

“Внутренняя чистота

истинного человека красит и его внешний вид”

1. Мирское образование и знания.

Умный человек — это человек очистившийся.

Оттачивая свой ум не в божественном, а в лукавстве, человек предает себя диаволу. Но тогда лучше бы ему было и вовсе лишиться рассудка, чтобы в День Судный иметь смягчающие вину обстоятельства.

— Геронда, простота отличается от лукавства?

— Да, как лисица отличается от шакала. Шакал, захотев что-то утащить, смело идет и берет то, что хочется. Лисица же постарается получить желаемое с помощью хитрости.

— А может ли, Геронда, человек считать лукавство остротой ума?

— Да, может, но, всмотревшись в себя, ему станет ясно, что есть лукавство и что — острота ума. Ведь таблица распознания у него есть. Каковы дарования Духа Святого? Любовь, радость, мир и подобное этому (Гал. 5:22-23). Есть ли в нем что-нибудь из этих дарований? Не имея в себе названных признаков, человек будет иметь в себе нечто сатанинское, отличительные признаки тангалашки.

Умный человек — это человек очистившийся, освободившийся от страстей. Действительно умен тот, кто освятил и свой ум. Если не освятится ум, то от его остроты нет никакого проку. Вон, журналисты, политики — они ведь люди умные, но многие из них, не имея освященного ума, вместе с умными вещами говорят глупости. Страшные глупости морозят они от большого ума!

Если сам человек не извлечет пользы из своего ума, то его умом воспользуется диавол. Если человек не воспользуется остротой своего ума для доброго, то диавол будет использовать ее для злого.

— Значит, не использовав остроты своего ума для доброго, человек дает тем самым права диаволу?

— Если человек не использовал свой острый ум для добрых дел, то права диаволу даются сами собой. Не работая духовно, человек извращает добро. И зло делает тогда не диавол, а сам человек. Например, кто-то умен, но умом своим не работает, лентяйничает. Но раз он не работает головой, то что толку в том, что она умна?

— А может ли обладать способностью к правильному суждению человек умный, но имеющий страсти?

— Прежде всего, ему надо быть внимательным в том, чтобы не доверять собственному рассудку. Доверяя собственному рассудку, человек духовный впадает в прелесть, а человек мирской — сходит с ума. Не надо верить своему помыслу. Надо спрашивать и советоваться, надо освятить свой ум. И вообще человек должен освящать всё, что у него есть. Освятившийся острый ум способствует стяжанию рассуждения. У человека умного, но не освятившегося, духовного рассуждения не будет. А человек наивный от природы может какого-нибудь прельщённого принять за святого, а чье-то женоподобное сюсюканье принять за благоговение. В то время как очистившийся умный человек становится весьма рассудительным.

— Геронда, каким образом острый ум очищается?

— Для того чтобы он очистился, человек должен не принимать “телеграммы” лукавого и не иметь лукавых мыслей, но во всем действовать с добротою и простотой. Таким образом, приходит духовная ясность, божественное просвещение. Тогда человек

видит сердца людей и не приходит к человеческим заключениям.

— Геронда, связано ли рассуждение со знанием?

— Рассуждение появляется от божественного просвещения. Можно читать Святых Отцов, иметь правильные знания по каким-то вопросам, подвизаться и молиться, однако рассуждение появляется от божественного просвещения. Это явление иного порядка.

— Геронда, в старину люди были лучше?

— Не то, чтобы они были лучше, просто в старину люди имели простоту и добрый помысл. Сегодня люди на все смотрят с лукавством, потому что они все измеряют с помощью рассудка. Европейский дух наделал много бед. Людей изуродовал именно он. Если бы не он, то духовное состояние нынешних людей было бы прекрасным, потому что худо-бедно все сейчас образованны и с людьми можно было бы прийти к взаимному пониманию. Но современных людей учили безбожию, всем этим сатанинским теориям и, таким образом, их привели в негодность, так что к взаимопониманию с ними прийти нельзя. В старину ты не мог достичь взаимопонимания с человеком, если у него не было ни благоговения, ни образованности. Помню, как-то раз один монах, услышав на Литургии Преждеосвященных Даров слова “Иже во Святых Отца нашего Григория папы Римского” (Святитель Григорий Двоеслов, папа Римский (540-604 гг.) Святой Православной Церкви. Память 12 марта), решил, что поминают римского папу и соблазнился. “Не ожидал, — говорит, — никак не ожидал, что вы станете папежниками!” Сказав это, он вышел из храма. Видишь, до чего доводит неведение! Неведение — это жуткое дело. А самое большое зло делают те, в ком благоговение сочетается с беспорядком в голове. Не разбираясь в сущности дела, они создают проблемы.

Знание без божественного просвещения является катастрофой.

Если бы люди “притормаживали” свой рассудок, то не только голова у них была бы свежей, но и Божественная Благодать легко могла бы к ним приблизиться. Знание без просвещения является катастрофой. Человек просвещается от Бога, духовно работая над собой, подвизаясь. Он имеет божественное просвещение, опыт жизни в Боге, а не свои собственные мысли. Поэтому он видит на далекое расстояние. Человек близорукий вблизи видит хорошо, но предметы, находящиеся вдали, не видит. Да и тот, у кого нет близорукости — даже если и увидит он предметы, которые находятся немного подальше, — это ведь тоже не великое достижение. Телесных глаз у человека всего два, тогда как духовных очей у человека множество.

Те, кто удаляется от Христа, лишают себя божественного просвещения, потому что они, как глупцы, сами ухолят от солнечного света и идут в место, куда лучи солнца не попадают. В результате они духовно простужены и больны. Если человек не очистится, если к нему не придет божественное просвещение, то его [человеческое] знание, — каким бы оно ни было правильным, — всего лишь рационализм и ничего больше. К такому вот я прихожу заключению. А если исчезнет божественное просвещение, то пользы от всего того, что люди станут говорить и писать, не будет. Псалтирь написана с помощью божественного просвещения, и вы только посмотрите, насколько глубоки её смыслы! Собери хоть всех [нынешних] богословов и филологов и увидишь: им не сочинить даже одного-единственного псалма с такой глубиной. Царь Давид не был ученым человеком, но ясно видно, как руководил им Дух Божий.

И Церковь сегодня лихорадит, потому что нет божественного просвещения, и каждый судит и рядит, как ему вздумается. А после подмешивается и “человеческий фактор" возникают страсти, и здесь уже диаволу есть где развернуться. Поэтому и не должны стремиться к власти те, кто находится под властью собственных страстей.

— То есть, Геронда, люди должны настойчиво просить

божественного просвещения?

— Да, потому что иначе предлагаемые ими решения — порождения их рассудка. А после возникает смущение. Конференции, совещания... И худо, что те, кто этим занимается, не познали прежде всего самих себя. Ведь познание только лишь себя самого стоит больше, чем все знания мира. Человека, который смиренно познает себя, признают и другие. Если бы некоторые [говоруны] познали себя, то, увидев свое плачевное состояние, они бы не смели открыть и рта. Как-то раз один человек жаловался, что, дескать, нет ни одного православного, чтобы представлять Православие за границей на разных конференциях и прочих мероприятиях. Все говорил, говорил, говорил — так сгустил краски, что просто ложись да помирай. "Когда Бог, — сказал я ему, — спросил пророка Илию: "Что ты ищешь, Илия, на Хориве?" (3 Цар. 19:13-18), то Пророк ответил, что он остался один. Тогда Бог сказал ему: "Семь тысяч человек не преклонили колена перед Ваалом." Семь тысяч человек сохранили веру, а пророк Илия говорил: "Я остался один"! И теперь ты сгущаешь краски в то время, когда есть столько верующих! Неужели наш Вседержитель подобен Вседержителю, изображаемому в куполе храма, который от землетрясения может дать трещины, и тогда мы думаем, что с ним делать, чтобы он не осыпался, приглашаем реставраторов, чтобы они его укрепили?" — "Там, в Америке, — ответил он мне, — хоть шаром покати — нет никого." — "Да как же нет, — возразил я, —когда я знаком со столькими верующими из Америки!" — "Да, — говорит, — так-то оно так. Но ведь католики это такие продувные бестии! Так и норовят нас перехитрить!" —

"Да католики, — ответил ему я, — уже и сами почувствовали отвращение к папству и сейчас возвращаются в Православие. Когда Патриарх Димитрий (Димитрий — Вселенский Патриарх в 1972-1991 гг.) **приезжал в Америку, то разве не сами католики кричали: "Патриарх — истинный христианин, а папа — коммерсант?" Разве католики говорили это не с возмущением? А ты мне твердишь о том, что католики**

стремятся хитростью проникнуть в Православие, чтобы его разложить, и все подобное этому. Тогда где же, по-твоему, Бог? Разве диавол может вытворять все, что ему вздумается?”

К несчастью, западный рационализм оказал влияние и на восточных православных владык. И вот они находятся в Восточной Православной Христовой Церкви только телом, в то время как всем своим существом пребывают на Западе, который, как им кажется, царствует в мире. А если бы они смотрели на Запад духовно, с помощью света Востока, света Христова, то они видели бы духовный закат Запада, который потихоньку теряет свет Умного Солнца — Христа и погружается в глубокую тьму. Но вместо этого они собираются на конференции и без конца обсуждают темы, которые и обсуждать-то нечего, которые за столько лет не обсуждали даже Святые Отцы (Старец Паисий имеет в виду те богословские конференции, на которых обсуждаются вопросы, по которым у Церкви есть определенное святоотеческое мнение, а также вопросы, не требующие обсуждения вообще). Все эти действия — от лукавого. Они направлены на то, чтобы заморочить головы верующим людям и соблазнить их, чтобы одних подтолкнуть к ереси, а других — к расколу. Таким образом завоевывает новые плацдармы диавол. Ох-ох-ох, эти люди мучают народ и морочат ему голову.

А с чего начинается все подобное вышесказанному? С того, что человек, не работая духовно, имеет помысл, что он духовный человек, и после этого несет глупости. Ребенок, обладающий естественной чистотой ума и малым знанием, скажет тебе разумные вещи. И напротив — человек прекрасно образованный, но с умом, закопченным от принятого им бесовского воздействия, будет говорить самые мерзкие богохульства.

Тот, кто постоянно оттачивает свой ум знанием и при этом живет, удалившись от Бога, в конце концов делает свой ум обоюдоострым. И тогда одной его стороной он поражает себя самого, а другой стороной — своими рассудочными, не терпящими пререканий человеческими решениями — ранит людей. Человеческое знание приносит пользу тогда, когда оно

освящается, становится божественным. В противном случае — это человеческое ухищрение, рассудочность, мирская логика. Необлагодатствованный ум сам по себе — это ненамагниченная железная палка, которая бьет по металлическим предметам, желая, чтобы они к ней прилипли. Но они не прилипают, а только искореживаются под ее ударами.

Таковы нынешние люди. Всё они воспринимают с позиции сухой рассудочности. Эта рассудочность — настоящая катастрофа, ибо сказано, что *"разум надмевает"* (1 Кор. 8:1). Если в человеке нет божественного просвещения, то знание никчемно, оно приносит разрушение.

Наука должна быть использована в жизни духовной.

Все зло начинается с рассудка, когда он вращается только вокруг науки и совершенно удален от Бога. Поэтому такие люди и не находят внутреннего мира и уравновешенности. Тогда как если ум людей вращается вокруг Бога, то и науку они используют для внутренней работы над собой и для блага мира, потому что в этом случае их рассудок освящен.

— То есть, Геронда, наука не приносит пользы человеку?

— Наука приносит много пользы, но приносит и много мути. Я знаком с людьми, которые, будучи недостаточно образованны, обладали большей ясностью ума, чем люди ученые. Те, кто по Благодати Божией очистит свой ум от мути, которую привнесла в него наука, будут иметь больше рабочих инструментов. А если эти инструменты — знания не освятятся, они могут быть использованы лишь для мирского, но не для духовного делания. Знания быстро освящаются, если у человека появляется добрая обеспокоенность. Люди, отдающие предпочтение своему внутреннему образованию — образованию души и внешнюю образованность также использующие для образования внутреннего, быстро преображаются духовно. А если они не только теоретики, но и практики — в отношении духовном, то

их помощь миру весьма велика, потому что они выводят людей из удушья адской муки и приводят в райское радование. Такие Божьи люди часто могут иметь дипломов меньше, чем иные ученые мужи, но их помощь миру много больше. Такой человек Благодатью многою благ, а не кучей ненужных бумаг (то есть дипломов). Мир наполнился грехом, и необходимо много молитвы и личного духовного опыта. Многая писанина — это бумажные деньги, достоинство которых зависит от того, чем они будут обеспечены. Следовательно, каждому необходимо трудиться на руднике своей души.

Помню, как в Эсфигменском монастыре один старенький монах был настолько простой человек, что даже Вознесение считал одной из святых. Он молился Вознесению по четкам и говорил: “Святая угодница Божия, моли Бога о нас”! Как-то раз один из монахов в монастырской богадельне заболел, и простецу нечем было его покормить. Тогда он быстренько спустился по лестнице на нижний этаж, открыл окно, выходившее на море, высунул через него руки и попросил: “Святая моя Аналипсия (В греческом языке слово “Вознесение” (|) — женского рода), дай мне рыбку для брата!” И о чудо! Тут же из моря прямо ему в руки выпрыгивает вот такая здоровенная рыбина! Все, кто это видел, застыли в изумлении. А простец с улыбкой поглядывал на них, словно говоря: “Да что же вы в этом видите странного?” А мы с вами знаем, когда совершается память одного Святого, когда пострадал другой, когда, где и как произошло Вознесение, и со всеми нашими знаниями не можем вымолить даже малюсенькой рыбешки! Таковы-то вот “странности” духовной жизни, и логике той части интеллигенции, которая имеет в себе не Бога, а свое “я,” эти “странности” неподвластны. Неподвластны потому, что такая интеллигенция обладает бесплодным мирским знанием, потому что она больна мирской духовной болезнью и ей недостает Духа Святого.**

Святой Дух снисходит не с помощью техники.

Слово, сказанное от интеллекта, не изменяет души, потому что

оно является плотью. Души изменяет рожденное от Святого Духа слово Божие, обладающее божественной энергией. Дух Святой снисходит не с помощью техники, поэтому у Богословия нет ничего общего с бесплодным научным духом. Святой Дух снисходит Сам — если найдет в человеке необходимые для этого духовные предпосылки. А духовная предпосылка состоит в том, чтобы человек очистил от ржавчины свои духовные провода и стал хорошим проводником — дабы приять духовный ток божественного просвещения. Таким образом, человек становится духовным ученым, богословом. Говоря “богословом,” я имею в виду тех, чье богословие обеспечено золотым запасом богословия и чей богословский диплом имеет цену, а не тех, кто имеет ничем не обеспеченную бумажку — диплом богослова, подобный никому не нужным дешевым бумажным деньгам времен оккупации.

Часто человек годами тратит силы своего ума на то, чтобы выучить один-два иностранных языка. В нашу эпоху едва ли не большинство людей знают иностранные языки, но поскольку эти языки не имеют ничего общего с языками Святой Пятидесятницы, мы переживаем величайшее Вавилонское столпотворение. Величайшее зло в том, что, занимаясь сухим рассудочным богословием, мы выдаем наш рассудок за Святой Дух. А это называется “мозгословием,” от которого рождается вавилонское столпотворение. Тогда как в Богословии есть много языков и множество благодатных дарований, но все эти языки находятся между собой в согласии, потому что у них один Хозяин — Святой Дух Пятидесятницы, и эти языки огненные.

— Геронда, в одной стихире на Пятидесятницу говорится: *“Вся подаёт Дух Святой...”*

— Да, подает, но тому, кто способен вместить. Как Он подаст тому, кто вместить неспособен? Слово смиренного человека, основанное на его личном опыте и с болью рождающееся из глубин его сердца, имеет цену намного большую, чем куча

красивых слов, которые одно за другим соскакивают с отточенного учением языка [образованного] человека. Этот язык не извещает души людей, потому что он — плоть, а не огненный язык Святой Пятидесятницы.

Нам надо освятить знание.

Знание — это вещь хорошая и образование тоже. Но если знание и образование не освятятся, то они окажутся ни на что негодными и приведут к катастрофе. Как-то раз ко мне в каливу пришли несколько студентов, нагруженных книгами, и сказали: “Мы, Геронда, пришли побеседовать насчет Ветхого Завета. Разве Бог не позволяет знание?” -”Какое знание? — спросил я, — то, которое приобретается рассудком?” — “Да,” — отвечают они. “Но это знание, — сказал я, — доведет тебя только до Луны. К Богу оно не возводит.” Силы интеллекта, которые при миллиардных затратах поднимают человека на Луну, это вещь хорошая, но много лучше их те духовные силы, которые на немногом “горючем” — на одном сухаре — возводят человека к Богу — цели его назначения. Однажды я спросил пришедшего ко мне в каливу американца: “Чего вы достигли, будучи столь великим народом?” — “Мы, — отвечает он, — слетали на Луну.” — “А она, — спрашиваю, — далеко?” — “Ну, скажем, полмиллиона километров,” — отвечает он. “И сколько же, — говорю, — вы потратили миллионов, чтобы на нее слетать?”

— “С 1950 года и до сего дня мы потратили на это так много, что утекли целые реки долларов,” — отвечает американец. “А что же до Бога-то, — спрашиваю, — не долетели? Бог далеко или нет? “ — “Бог, — говорит, — очень далеко!”

— “Ну, вот видишь, — отвечаю, — а мы долетаем до Него на одном сухаре!..”

Знание естественное способствует стяжанию знания духовного. Однако, не выходя из естественного знания, человек не выходит из естества и не восходит на Небо. То есть он не выходит из рая

земного, того сада, который орошали воды Евфрата и Тигра, он радуется прекрасной природе и животным, но не восходит в небесный рай, чтобы возрадоваться вместе с Ангелами и Святыми. Для того чтобы взойти в небесный райский сад, необходимо иметь веру в Хозяина этого Сада, чтобы возлюбить Его; необходимо признать свою греховность, смириться, чтобы Его познать; беседовать с Ним в молитве и прославлять Его — и когда Он помогает нам, и когда Он испытывает нас.

— Геронда, необходимо ли изучение догматических, богословских книг человеку, которому по душе поклоны, посты, подвижничество и всё подобное этому?

— Если человек обладает элементарным образованием, то догматические познания — это инструмент, который ему помогает. Однако не следует стремиться приобрести знания для того, чтобы помогать другим или быть способным сказать что-то умное. Нет, знания [в области богословия] необходимо стяжать для того, чтобы помочь себе самому. Если человек постарается освятить свои таланты, дарованные от Бога, то приходит Благодать, которая и самого человека освящает. А там, в Благодати — и догматика, и богословие, потому что в этом случае человек опытно переживает Таинства Божии. А кто-то может быть человеком простым и, довольствуясь тем, что даровал ему Бог, не иметь желания выучить больше.

— А если, живя в монастыре, мы всё еще желаем мирского знания, то что это значит?

— Это значит, что у нас нет разумения. *“Уразумеете истину и истина освободит вас”*. Когда человек смирится и просветится, тогда освящаются и его умственные способности, и сама сила его рассудка. Энергия рассудка до того, как он освятится, является плотской. Если, будучи неученым, человек эгоистично истолковывает догматы и читает Апокалипсис, Святых Отцов и подобные книги, он помрачается и, в конце концов, доходит до неверия. Он приступает к этому с эгоизмом, и потому от него

уходит Благодать Божия. Видите: смирение помогает во всем, силу дает именно оно. Мой наимудрейший замысел или найденное мной самое мудрое решение есть величайшая глупость, если в них присутствует эгоизм. Тогда как смирение есть настоящая мудрость. Поэтому прилагаемые старания должны сопровождаться любочестием и многим смирением. В противном случае, вместо пользы они приведут к противоположному результату. Помрачается ум человека, и после этого он произносит богохульства, потому что приступил к делу эгоистично. Предпринятое им превосходит его силы. Даже для человека образованного, если он хочет истолковать догматы, есть опасность повредиться. Насколько же больше эта опасность для человека неученого, если он хочет проникнуть в святоотеческий дух, не находясь в соответствующем духовном состоянии! Ведь будь он в этом состоянии хоть немножко, он бы уже не стал подвергать себя этой опасности, он бы говорил: "Если мне что-то понадобится, Бог меня просветит. Исполню-ка я то, что мне понятно. Ведь и этого — так много!"

То есть, Геронда, если кто-то неправильно толкует Евангелие, значит, у него нет смирения и благоговения?

— Да. Ведь если нет смирения, то толкования, которые он дает, являются толкованиями "от ума," от рассудка. Божественного просвещения в таких толкованиях нет.

— Если человек не понимает какой-то догмат или место из Священного Писания, то ему лучше оставить их до времени?

— Да, надо сказать себе: "Здесь сокрыт какой-то глубокий смысл, но я его не понимаю." Я поступал в подобных случаях именно так. Когда в молодости я читал Евангелие и какое-то место в нем было для меня непонятным, я не старался его истолковать. Я думал: "Здесь сокрыт какой-то глубокий смысл, но я его не понимаю." А потом, когда это было нужно, я видел, как толкование приходило само собой. Но я все равно говорил: "Спрошу-ка я кого-нибудь еще — как толкуется это место?" И

оказывалось, что я понимал это место точь-в-точь как общепринятые святоотеческие толкования. Ведь если кто-то старается [самостоятельно] истолковать Евангелие, а тем более не понимая его, то это бесстыдство. Поэтому, читая Священное Писание и Святых Отцов, не истолковывайте прочитанное с помощью рассудка, но включайте в работу добрые помыслы — до тех пор, пока не придет рассудительное божественное просвещение, и тогда трудное место изъяснится само собой.

— А может ли человек, достигнув лучшего духовного состояния, понять какое-то место глубже?

— Не то чтобы глубже. В одном божественном смысле сокрыто много божественных смыслов. Какие-то из них он может понять сразу, а какие-то позже. Один человек может очень много читать, много узнавать, но быть совершенно не в состоянии проникнуть в смысл Евангелия. А другой, может, читает немного, но он имеет смирение, подвижнический дух и поэтому Бог просвещает его, и он постигает Евангельский смысл. Тот, кто хочет читать больше, может хотеть этого от тщеславия или же для того, чтобы получать удовольствие. Все равно, что человек, который наблюдает за состязанием борцов и, не обращая внимания, как они борются, — чтобы это помогло стать борцом ему самому, — то и дело глядит на часы, лишь бы не опоздать на всё новые и новые борцовские турниры. И таким образом, он не становится борцом сам, но остается зрителем.

— Геронда, часто о человеке образованном говорят: “Это просвещенный человек.” Это действительно всегда так?

— Говоря “просвещенный человек,” мы имеем в виду человека просвещенного духовно, зрелого духовно. Я заметил, что как человек неученый может быть и очень гордым, и очень смиренным, так и человек образованный может быть и очень гордым, и очень смиренным. То есть вся основа во внутреннем просвещении. Это то, о чем говорит Василий Великий: “Важнее всего — это занимать высокое место и иметь смиренное

мудрование.” Тот, кто занимает какую-то значительную должность и имеет немного гордости, некоторым образом имеет в этом оправдание. Но нет никакого оправдания тому, кто имеет гордость, не занимая высоких должностей. Вся основа — в просвещении себя, во внутреннем просвещении. Если человек просвещен, образован и при этом имеет смиренное мудрование, то это лучше всего. Однако не имеет ни малейшего оправдания тот, кто, не получив большого образования, имеет высокое самомнение.

“Разум надмевает.”

В большинстве случаев внешнее образование приносит вред — потому что оно развивает в человеке большое самомнение, “великую идею” о самом себе. А затем эта идея становится преградой, которая препятствует Благодати Божией к нему приблизиться. Тогда как если человек выбрасывает самомнение — ложную идею о самом себе, то наш Добрый и Богатый Отец обогащает его Своими светлыми божественными идеями. Однако, если несчастный человек имеет великую идею о самом себе и удерживает эту идею в своей голове, то он так и остается головастиком, плотью, и не ведает Благодати Божией — Духа Святого. То есть, существует опасность того, что многие знания “раздуют” его голову, превратят ее в воздушный шар. И тогда человеку угрожает опасность или лопнуть, подобно воздушному шару, в воздухе (от шизофрении) или упасть на землю (от гордости) — и разбиться в лепешку. А потому знание должно следовать за страхом Божиим и идти рука об руку с деянием — чтобы поддерживалось равновесие. Одно лишь знание вредит.

Когда я, будучи побуждаем эгоизмом, говорю что-то ради того, чтобы мною полюбовались, потому что я придумал что-то лучше других, то вступают в действие духовные законы — для того чтобы я пришел в себя. Однако, происходя постоянно, такое эгоистическое самовыставление наносит человеку вред. Ресничка, попадая в глаз, его немного раздражает. Однако, попадая в глаз постоянно, она вызывает сильное воспаление.

Так и здесь — возникает духовное “воспаление.” Если человек не обделен умственными способностями и с легкостью справляется с каким-то делом, то он должен повергаться перед Богом в прах, денно и нощно благодаря Его за то, что Бог дал ему ум и поэтому, не уставая, он может справляться со своим делом. Не благодарить Бога — да разве можно?!

— Геронда, а если человек считает, что он ни с чем не может справиться?

— Тогда тангалашка искушает его с противоположного “бока.” Спросили как-то раз верблюда: “Какая дорога тебе больше нравится — в горку или под горку?”

— “Ну, а ровное-то место куда подевалось?” — спросил в ответ верблюд.

Те, у кого вовсе нет разума, находятся в лучшем положении. Нам-то разум дан, чтобы в лучшем положении находились мы, разумные, но вот вопрос: как мы его используем? С нас за это спросится. Как же премудро все устроено Богом! Те, у кого нет разума — радостны и в будущей жизни будут в лучшем положении, тогда как те, у кого много ума — мучаются.

— Геронда, умственно отсталые люди в жизни иной не будут ущербны?

— В конечном итоге и “много мозгов” и “мало мозгов” равным образом превратятся в прах. Там, на Небе, будет пребывать ум. На Небе святые богословы не будут находиться в более выгодном положении по отношению к познанию Бога, чем те, кто в этой жизни были умственно неполноценны. Возможно и то, что последним Праведный Бог даст и нечто большее, потому что в этой жизни они были многого лишены.

Будем правильно работать головой.

— Геронда, тогда почему же Вы часто говорите, что образование — это хорошая предпосылка для монашества?

— Смотри: человек образованный может прочитать что-то Святых Отцов и при небольшом старании — поскольку он понял прочитанное — быстро преуспеть. Человеку же необразованному, если у него нет благоговения, преуспеть непросто. Необразованному требуется собственным опытом достичь божественных событий, чудес и уже потом постигать читаемое через пережитое. Тогда как человеку образованному для того, чтобы быстро преуспеть, достаточно небольшого старания — только бы он работал головой, не застревая на одной лишь теории так, чтобы она его окрадывала. Я, конечно, не говорю, что ему надо стараться посредством своего интеллекта познать Таинства Божии.

— То есть, Геронда, человеку необходимо использовать свой интеллект в борьбе со страстями?

— Не только в этом, но и сверх того. Человек видит благодеяния Божии, видит всю Вселенную и славословит, благодарит Бога. Погляди: ведь сначала, сам Авраам взыскал Бога. Бог Авраама взыскал потом.

— То есть?

— Отец Авраама был идолопоклонником — он поклонялся истуканам. А Авраам наблюдал за Вселенной, и то, что люди поклонялись бездушным идолам, привело его в недоумение. Он начал работать головой и сказал: “Не может быть, чтобы эти идолы, эти деревяшки, были богами и сотворили сей мир. Так кто же его сотворил? Кто сотворил небо, звезды, солнце и все остальное? Я должен найти истинного Бога. В Него я уверую, Ему поклонюсь.” Вот тогда-то Бог и явился ему и сказал: *“Изыди из земли твоей и от рода твоего”* (Быт. 12:1). Бог привел Авраама в Хеврон, и Авраам стал любимым Божиим чадом.

Человек образованный может и не иметь благоговения, но, будучи способным понимать вещи легко, он, обладая немногим смирением и немного подвизаясь, — достигнет преуспеяния. Например, когда в роте связи, где я проходил военную службу, нас начали обучать воинской специальности радиста, то некоторые позывные были на английском языке. Те, кто был образован и знал английский, выучивали их сразу. А нам, остальным, это было непросто. Да и на занятиях по теории, которые были не такими сложными, тем, у кого был хоть какой-то запас знаний, было легче, чем нам.

Человек должен уразуметь благодеяния Божии, понять, что ему дано. Для чего Бог дал нам разум? Для того, чтобы мы исследовали, изучали, следили за собой. Бог дал людям голову не для того, чтобы они постоянно ломали ее над тем, как найти все более и более быстрое средство передвижения из одной страны в другую. Он дал нам разум, чтобы мы с усердием прилагали его к главному — к тому, как достичь цели своего назначения, — Бога, истинной райской страны.

Какие же благодеяния оказал Бог народу Израильскому! Какие знамения, сколько чудес! И, несмотря на это, когда Моисей со скрижалями, на которых были написаны десять заповедей Божиих, задержался на Синае и спустился с него не сразу, народ отдал [Аарону] свои золотые украшения для того, чтобы сделать из них золотого тельца и поклоняться ему (Исх. 32:1-6). Но в нашу-то эпоху мозги у людей... не телячьи! Поэтому образованному человеку нет оправдания в том, что он не понимает, что правильно и что нет. Бог дал нам разум для того, чтобы человек обрел своего Творца. А вот европейцы, те своим разумом переусердствовали. Убрав из своей жизни Бога, они запутались и приближаются к пропасти.

А некоторые, несмотря на то, что имеют ум, сообразительность и прочее — все предпосылки для того, чтобы преуспеть, — невнимательны к тому, что им говоришь. Только начинаешь им о чем-то говорить, они кричат: “Понял, понял!” и, перебивая

тебя, спешат сами закончить твою мысль. На Святую Гору приезжают очень умные ребята. Когда им что-то говоришь, то создается впечатление, что они схватывают услышанное на лету. Однако, будучи невнимательными, они задирают нос, и “схваченное на лету” от них... улетает. Зато другие, несмотря на то, что имеют не столь острый ум, с благоговением внимают тому, что им говорят, не перебивают, дослушивают до конца, и услышанное остается с ними. Первые многое понимают, со всех сторон собирают знания, заполняются ими — и ничего не делают. Разум, который дал им Бог, они приводят в негодность, их голова становится всё равно что набитая соломой. Имея гордость, они не дают Благодати Божией их осенить. Тогда как вторые, не будучи семи пядей во лбу, очень смиряются. “Я, знаете ли, — говорит человек такого склада, — ужасно тупоголовый!” и переспрашивает: “Как-как ты сказал?” И такие люди стараются применить услышанное на практике. Таким образом, они исполняются Благодатью и преуспевают. Смиренный человек обычно много знает, тогда как у эгоиста знаний нет — потому что он не смиряется и не спрашивает. Преподобный Арсений Великий был самым образованным человеком в Византийской империи. Император Феодосии Великий взял его в учителя двум своим сыновьям — Аркадию и Гонорию. Однако, уйдя в монахи и поселившись в пустыне, он, сидя у ног необразованного Аввы Макария, говорил: “Я не знаю даже азбуки этого [простолюдина].

— Геронда, а как достичь того, чтобы не исследовать вещи посредством одного лишь рассудка?

— Человек должен использовать свой рассудок правильно. С помощью рассудка он должен трудиться над исследованием величия Божия, чтобы обрести Бога, а не делать свой рассудок богом. Умные люди должны быть духовно преуспевшими. Им достаточно бросить на что-то взгляд, чтобы понять, в чем дело. Работая рассудком, человек может помочь своему ближнему — в противном случае он может его измучить. Я знаю такие случаи

из жизни мирян. Был я знаком с одним пареньком. Когда его отец умер, их осталось четверо детей. Мать снова вышла замуж, и ни от нее, ни от отчима дети не видели никакой любви. Когда этот несчастный подрос, он открыл промтоварный магазин и стал трудиться. Однажды он услышал, что умер какой-то человек, оставив сиротами троих детей. Ему стало больно за этих малышей, и он предложил вдове умершего: “Если хочешь, давай поженимся, будем жить как брат с сестрой и вырастим этих деток.” Та согласилась. Сейчас они ведут духовную жизнь, читают Жития Святых, Добротолюбие, ездят по монастырям, имеют духовника Этот человек должным образом размыслил, поступил правильно и приял божественную Благодать. А в противном случае тангалашка внушал бы ему: “Тебя в детстве мучили, вот и ты сейчас мучай этих детей.” Однако этот человек отомстил за себя не злом, а добром. Одни используют свой разум для доброго и придумывают что-то доброе. Другие используют его для разрушения, и тангалашка тоже помогает им в этом.

В случае с Авелем и Каином мы видим то же самое (Быт. 4:2-15). Разве Бог сотворил Авеля из одного теста, а Каина из другого? Нет, но Авель правильно работал своим разумом, который даровал ему Бог. “Бог, — подумал он, — дал мне целое стадо овец — так неужели я не дам Ему одного ягненка?” Он выбрал самого лучшего ягненка, заклал его и принес в жертву Богу. А Каин принес в жертву Богу пшеницу вместе с мякиной и высевками. Один принес в жертву отборного ягненка, а другой — ни на что не годные остатки колосьев, стеблей и другие отходы от молотьбы. Ну ладно, не хочешь ты приносить в жертву ягненка — так возьми же, по крайней мере, немножко чистой пшеницы! Но, к несчастью, Каин взял пшеницу со всяким мусором и стал воскурять ее на жертвеннике. Что принес в жертву один, и что другой! Жертва Авеля была благоприятна Богу, и после Каин позавидовал Авелю и убил его. Таким образом, Бог воздал Авелю за то, что он претерпел, а его старший брат кружил по лесам подобно дикому зверю. Понятно, что Бог даровал каждому человеку свободу, но Авель во благо использовал эту свободу.

2. Рационализм нашего времени.

Здравый смысл в духовной жизни.

Геронда, какое место в духовной жизни занимает здравый смысл?

— Какой здравый смысл? Мирской? Такой здравый смысл не занимает в жизни духовной никакого места (Говоря о “здравом смысле” и порицая его, Старец Паисий имеет в виду не то благодатное дарование, которым Бог почтил человека, но рационализм, или, как выражается сам Старец, “нездравый смысл,” то есть “смысл,” лишённый веры в Бога, не принимающий Божественного промысла и исключающий возможность чуда)**. В духовной жизни через окно к тебе входят Ангелы и Святые, ты видишь их, беседуешь с ними, потом они от тебя уходят. Если же ты захочешь исследовать такие события с помощью здравого смысла, то ничего не получится. К несчастью, в нашу эпоху умножившихся знаний доверие одному лишь здравому смыслу сдвинуло веру с ее оснований и наполнило души людей сомнениями и вопросительными знаками. А потому мы лишили себя и чудес — ведь чудо переживается опытом, а не изъясняется посредством здравого смысла. Наоборот, вера в Бога привлекает на землю божественную силу и опрокидывает все человеческие умозаключения. Вера совершает чудеса, воскрешает мертвых и оставляет науку стоять с разинутым от удивления ртом. Если смотреть со стороны, все явления духовной жизни кажутся лишенными здравого смысла. Если человек не повергнет долу свое мирское мудрование, не станет человеком духовным, то познать кажущиеся странными, нелогичными таинства Божий ему невозможно. Всякий, кто полагает, что может познать Божии Таинства с помощью внешних научных теорий, похож на того глупца, который хочет увидеть рай в телескоп.**

Здравый смысл приносит много вреда, если кто-то хочет исследовать с его помощью то, что относится к области божественного — Таинства, чудеса. Католики со своим “здравым смыслом” дошли до того, что подвергли Божественное Причащение анализу в химической лаборатории — чтобы

увидеть, действительно ли это Тело и Кровь Христовы, тогда как святые [одной лишь] верой часто видели на святой лжице Плоть и Кровь. Скоро дойдут до того, что святых будут посылать на рентген, дабы убедиться в их святости! Католики отбросили от себя Святой Дух, заменили Его собственным здравым смыслом и доходят даже до белой магии. Одному католику, имевшему доброе расположение (несчастный плакал), я сказал так: “Среди различий между нами важное место занимает вот что: вы стоите на разуме — а мы на вере. Вы развили рационализм и, вообще, “человеческий фактор.” Своим “здравым смыслом” вы ограничиваете божественную силу, потому что Благодать Божию вы отодвигаете на последнее место. В святую воду вы добавляете химические консерванты, чтобы она не портилась. Мы в испорченную воду добавляем воду святую, и испорченная вода становится хорошей. Мы веруем в освящающую Благодать, и святая вода хранится и двести и пятьсот лет, она не портится никогда.”

— То есть, Геронда, человек предпочитает Богу логику, здравый смысл?

— Может быть, лучше сказать не логику, а гордость? Ведь, в сущности, “здравый смысл,” о котором мы сейчас говорим, есть на самом деле нездравый, испорченный “смысл.” Гордость — это испорченная логика, это “здравый смысл,” в котором кроется эгоизм и свил свое гнездо враг — бес. Когда к нашим действиям примешивается “здравый смысл” подобного рода, мы даем диаволу права [над собой].

— Геронда, а если духовному человеку надо преодолеть какое-то искушение, то здравому смыслу все равно не должно быть места?

— В этом случае нужно сделать то, что возможно по-человечески, а то, что по-человечески сделать невозможно — оставить на Бога. Есть люди, которые всё стремятся “пощупать” рассудком. Как те, которые хотят творить умную молитву

головой. Чтобы сосредоточиться, они напрягают голову, и потом она начинает болеть. Если бы я подобным образом подходил к тем проблемам, с которыми мне ежедневно приходится сталкиваться, то разве я мог бы с ними справиться? Но я делаю то, что можно сделать по-человечески, а в остальном полагаюсь на Бога. “Бог, — говорю я, — покажет выход и просветит в том, что необходимо сделать.” Многие начинают причитать: “Как справиться с таким-то делом, как быть с другим, что делать с третьим?” — и от малейшего пустяка у них болит голова. Стараясь упорядочить что-то посредством одной лишь рассудочности, человек заморочивает себе голову. Перед каждым своим действием надо давать действовать Богу. Не надо делать что-то не доверившись Богу, потому что в этом случае человек тревожится, утомляет свой рассудок и чувствует себя плохо душой.

— Геронда, раньше Вы говорили, что до перенапряжения не доходите. Как Вам это удается?

— Да, я не перенапрягаюсь, потому что не подхожу к тому, с чем мне приходится сталкиваться, с помощью рассудка. Если у меня болит голова, то это или от простуды или от пониженного давления. А со сколькими проблемами мне приходится сталкиваться! Каждый день у меня люди с вопросами, с болью, и потом я опять возвращаюсь мыслью к тем, кто приходил ко мне с разными проблемами, к больным, к тем, у кого есть какая-то нужда. И вот ведь: если приходивший ко мне больной становится здоровым, то он почему-то не сообщает мне об этом, чтобы я немножко порадовался. И я продолжаю держать в памяти и его.

— Геронда, а как монах может упорядочить свой помысл, чтобы не выбиваться из сил от рассудочности?

— Помысел надо упорядочить с помощью духовно здравого смысла, а не с помощью мирской рассудочности. Надо повернуть ручку настройки на духовную частоту. Монах должен мыслить

духовно и расположить себя духовно. Даже в мирянине, — если он человек духовный, — мирской здравый смысл не имеет никакого места. Мирской здравый смысл годится для хорошего, но неверующего человека.

— Геронда, а что Вы имеете в виду под словами “расположить себя духовно” ?

— Расположить себя духовно — значит радоваться не тому, чему радуются люди мирские, а противоположному. Например, радоваться, что тебя не ставят ни во грош. Мы будем двигаться в духовном пространстве, только если наши устремления будут противоположны мирским. Тебе хочется денег? Отдай и кошелек. Хочется на архиерейскую кафедру? Сажай себя на скамью подсудимых.

— А у нас, Геронда, какой процент здравого смысла?

— Кое-какие “винтики” вам надо бы пооslабить. Молитвенно желаю, чтобы вы дошли до того умопомрачения любви, которое есть божественное безумие. А иначе те, кого привозят в Лембети (Психиатрическая больница в Салониках), находятся в положении лучшем, нежели христиане, имеющие рационализм, то есть гордый здравый смысл.

Мирская рассудочность мучает человека.

— Геронда, я чувствую, что мое сердце жесткое, как камень. Что мне делать с моим жестокосердием?

— У тебя не жестокосердие, а “головосердие.” Все твое сердце собралось в голове, и сейчас работает только она. Но у тебя ещё есть возможность исправиться — сердце может вернуться на свое место.

— Каким образом?

— Каждый день читай по одному канону из Феотокариона (** — сборник богослужебных канонов в честь Пресвятой Богородицы, составленный Преподобным Никодимом Святогорцем и впервые изданный в 1796 г. Содержит шестьдесят два канона, написанных двадцати двумя песнописцами разных эпох)**. Это самое лучшее лекарство для того, чтобы заработало сердце. Сердце у тебя есть, но его заслоняет рассудочность. Ты скопировала себе европейский типикон, европейский менталитет. Во всем ты стараешься быть формально безукоризненной. Будь ты сотрудницей какого-нибудь европейского светского учреждения, тебя всем ставили бы в пример. На работу приходишь минута в минуту, порученное дело выполняешь безукоризненно. Ты была бы для всех эталоном. Если ту же самую последовательность ты приложишь к духовной жизни, то будешь двигаться семимильными духовными шагами и быстро достигнешь рая. Но видишь ли, европейский дух со своей рассудочностью влечет человека не к Богу, а куда-нибудь на Луну. Сейчас ты ведешь себя, как в светском учреждении. Однако в духовной жизни все по-другому. Необходима простота. Веди себя просто и имей доверие Богу.**

— Геронда, а как приобрести эту простоту?

— Просверлить надо твою головушку и вкачать в нее мозги времен давно минувших! Погрузи себя в простоту Отечников и Патериков, для того чтобы познать ту духовную науку, которая возводит душу ввысь и восстанавливает ее силы. Тогда и человек не будет болеть. Рассудочность мучает человека. Например, я говорю: “Надо сделать так” и делаю — потому что это надо сделать. То есть я делаю это не от сердца, а потому что мне подсказывает так рассудочность. И не только рассудочность, но и воспитанность говорит: “Надо уступить свое место другому.” Однако этого не говорит сердце. Но если мое сердце взыграет и я уступлю свое место от любви, то это совсем другое дело. Тогда я почувствую радость.

В наших действиях не должно присутствовать нашего “я.” Не надо искать покоя для самих себя. Это мешает приходу Христа. Надо стремиться к тому, что доставляет покой другому человеку. Действительный покой рождается от доставления покоя

другому. Тогда в человеке почивает Бог, и сам человек перестает уже быть человеком, достигает обожения. В противном же случае работает один лишь рассудок и все остается плотским, человеческим.

Мирской “здравый смысл” утомляет рассудок и истощает телесные силы: он зажимает, ограничивает сердце, тогда как духовно здравый смысл сердце расширяет. Если разум используется разумно, то он может уязвить сердце и помочь ему. Когда ум уходит в сердце и становится его сотрудником, тогда каждое наше делание перестает быть просто рассудочным. Здравый смысл — это дар Божий. Однако этот здравый смысл нам нужно освятить.

— А у меня, Геронда, нет сердца...

— Есть у тебя сердце! Но как только твое сердце хочет что-нибудь сделать, твой рассудок зажимает ему рот. Постарайся приобрести сердечно здравый смысл, приобрести веру, любовь.

— А как я могу этого достичь?

— Для того, чтобы потерять рассудок, начни вот с чего: босиком пройди по Салоникам маршем протеста! Пусть люди скажут, что ты свихнулась! Ты, милая, все хочешь рассчитать с математической точностью. Ты что — астроном? Чтобы ты смогла трудиться над собой, прекрати мыслить рационально.

— Геронда, чтение каких книг поможет мне освободиться от мирской рассудочности?

— Прежде всего читай Отечник, “Историю боголюбцев,” “Эвергетинос” (“История боголюбцев” — жизнеописания сирийских подвижников, книга, составленная Блаженным Феодоритом Киррским. “Эвергетинос” — систематизированный сборник святоотеческих поучений в 4-х томах, составленный в византийскую эпоху монахом Константинопольского монастыря “Эвергетис” Павлом и впервые изданный в конце XVIII в. преподобным Никодимом Святогорцем. — Прим. пер.)**, то есть не теоретические, но практические книги, для того чтобы от простого отеческого духа святости ушла мирская рассудочность. А [уже] после этого начинай читать Авву Исаака — чтобы этого писателя, просвещенного**

Богом, ты по ошибке не приняла за философа.

Мирской здравый смысл искажает орган духовного чувства.

Святые отцы на все смотрели духовным, божественным оком. Святоотеческие книги написаны Духом Божиим, и тем же Духом Божиим Святые Отцы истолковывали Священное Писание. Сейчас нечасто встретишь этот Дух Божий, и поэтому люди не понимают святоотеческие творения. Они смотрят на все оком мирским, они не вглядываются дальше, у них нет той широты, которую подают вера и любовь. Преподобный Арсений Великий (“Старцы спрашивали Авву Арсения, говоря: “Почему ты не переменяешь воды с ветвями — она дурно пахнет?” Он отвечал: “За благовония и масти, коими наслаждался я в мире, надобно терпеть мне это зловоние.” Древний Патерик, М., 1899, С. 45.) не менял воду, в которой замачивал пальмовые ветви, и она очень плохо пахла. Но где нам понять, что за дивный источник бил из этого чана с протухшей водой! “Ну уж этого-то я понять не могу!” — скажет кто-то. Говорящий так не хочет потерпеть и всмотреться в эту воду получше, чтобы увидеть, нет ли в ней чего-то еще, но отвергает ее, потому что не понимает.

Если вмешивается рассудочность, то человек не понимает ни Евангелия, ни Святых Отцов. Искажается орган духовного чувства, и человек, обесценивая своей рассудочностью и Евангелие, и Святых Отцов, доходит до того, что говорит: “Сколько же лет люди без проку мучают себя аскезой, постом, прочими лишениями!” Но говорить так — это хула. Как-то раз ко мне в каливу приехал один монах-келиот на машине. “Сынок, — говорю, — ну тебе-то зачем машина? Ведь она не приличествует твоему образу жизни!” — “Почему же, Геронда? — удивился он. — Разве в Евангелии не написано: *“Получит во сто крат, и наследует жизнь вечную”?* (Мф. 19:29) — “Говоря *“сторицею примет,”* — ответил я, — Евангелие имеет в виду то, что человеку необходимо. Но монаху, кроме этого, приличествует то, о чем говорит апостол Павел: *“Мы ничего не имеем, но всем обладаем”* (2 Кор. 6:10). То есть, у монаха нет ничего, но за его добродетель люди доверяют ему, и он может распоряжаться

их богатством. Священное Писание не имеет в виду того, чтобы мы, монахи, собирали богатство сами!” Видите, какие ошибочные толкования может дать человек от рассудочности? Всегда знайте, что если человек не очистится, если к нему не придет божественное просвещение, то толкования, которые он будет давать, будут одной сплошной мутью.

Как-то раз меня спросили: “Почему Матерь Божия не сотворила чуда на острове Тинос и итальянцы взорвали крейсер “Элли” в день Успения”? (15 августа 1940 г., в день Успения Пресвятой Богородицы по новому стилю, итальянской подводной лодкой был потоплен стоявший на рейде в порту греческого о. Тинос крейсер греческих ВМС “Элли.” Итальянцы торпедировали “Элли” во время высадки греческих моряков на берег для участия в торжествах, посвящённых Пресвятой Богородице. На Тиносе находится одна из наиболее почитаемых в Греции чудотворных икон Божией Матери. Вероломный акт был совершен за два с половиной месяца до объявления Италией войны Греции. После потопления “Элли,” поняв, что война с Италией неизбежна, греки стали усиленно готовиться к защите Отечества. — Прим. пер). Но, попустив это зло, Матерь Божия сотворила большее чудо. Взрыв “Элли” привел греков в негодование. Греки поняли, что для итальянцев нет ничего святого и поэтому после, с криками “Ура” они прогнали их со своей земли. А если бы итальянцы не совершили этого злодеяния, то, не понимая нечестия итальянцев, греки могли бы сказать: “Они ведь тоже народ верующий, они наши друзья.” А сейчас приходят люди с рассудочным мышлением и говорят: “Что же Матерь Божия чуда-то не сделала, а?” Ну что им на это скажешь? А другие спрашивают: “Почему в Библии написано, что пламя Вавилонской печи, в которую бросили трех отроков, поднималось на сорок девять локтей? Линейкой его, что ли, померили?” Но сначала высота пламени поднималась на семь локтей. Потом в печь, не переставая, подбрасывали различные горючие вещества, чтобы она разожглась седмерицею. Семью семь — сорок девять, не так ли? А вот если бы тех, кто задает такие вопросы, самих бросили в эту печку? В этих людях виден рационализм, рассудочность, лишенная смысла, находящаяся совершенно вне реальности. Некоторые из нынешних богословов занимаются “проблемами,” подобными той, что описана выше. Например, они задаются вопросом: “Что стало с бесами, которые вошли в стадо свиней и утонули в море (Мф. 8:32)? Выжили они или захлебнулись?” Но значение имеет то, что эти бесы вышли из человека. Какое тебе дело, что с ними стало потом! Смотри лучше за тем, чтобы тебе самому не стать бесноватым, и не ломай голову над тем, где находятся эти бесы

сейчас.

— А некоторые, Геронда, пытаются увязать Евангелие с человеческим здравым смыслом. Посредством этого здравого смысла они исследуют Евангелие и никак не могут в нем разобраться.

— Увязать Евангелие с человеческим здравым смыслом невозможно. В основе Евангелия лежит любовь. В основе здравого смысла заложена выгода. В Евангелии написано: “Если кто-то принудит тебя идти одну версту, то иди с ним две” (Мф. 5:41). Разве в этом виден здравый смысл? В этом, скорее, видно помрачение ума. Поэтому те, кто хочет увязать Евангелие со здравым смыслом, заходят в тупик. Например, есть различные общества, занимающиеся благотворительностью. Когда они узнают о том, что кто-то разорился, обнищал и имеет нужду в деньгах, то говорят: “Мы поможем этому человеку, но сперва убедимся в том, что он действительно нуждается.” И вот два-три представителя от этого общества идут в дом к разорившемуся человеку, чтобы посмотреть, правда ли то, что он испытывает нужду. Приходят и видят, к примеру, роскошно обставленную гостиную. Тогда они говорят: “Ну и ну, такие кресла, такая обстановка! Раз у него такая мебель, то никакой нужды он не испытывает.” И оставляют человека без помощи. Однако они не понимают, что несчастному нечего есть. Не понимают, что если кто-то становится бедным, это не значит, что он в тот же час должен сменить свою одежду на нищенские лохмотья. И откуда нам знать, может быть, эта мебель стоит у него в доме с незапамятных времен, и он еще не успел ее продать? Или, может быть, кто-то, узнав о том, как нуждается его семья, подарил им эти кресла и стулья? Люди судят и рядят посредством рассудочности, здравого смысла, поэтому они запутываются, и Евангелие в их жизнь не входит.

Люди смотрят на вещи поверхностно и поэтому истолковывают всё на свой лад.

“Не судите по наружности” (Ин. 7:24).

— Геронда, я чувствую, что моя способность к суждению, рассудочность и человеческая правда препятствуют духовному развитию.

— Да, конечно. Они препятствуют духовному развитию, потому что [из-за них] уходит Благодать Божия. А после этого человек остается без Божественной помощи, падает и терпит полную неудачу. Суд и правда человеческие, как правило, неправедны. Правда Божия — это любовь, долготерпение, снисхождение. А ты исследуешь все посредством человеческой рассудочности. Вот с этого-то микроба и начинается твоя духовная болезнь. Лекарство, которое исцеляет от этой болезни, — добрые помыслы. Когда человек мыслит по-доброму, то есть имеет добрые — “десные” помыслы, то увеличивается вместительность его сердца. Ты используешь много рассудочности и поэтому тебе надо быть очень внимательной в отношении помыслов, потому что умозаключения, к которым ты с помощью своей рассудочности приходишь, суть выводы человеческие. Они не духовны и не освящены.

— Геронда, а отчего я так часто впадаю в осуждение?

— Твоя личная причина — юридическое образование. Потому ты так и судишь. Определенные знания или профессия нередко культивируют в людях сухую рассудочность. Рассудочность — это болезнь интеллигенции. Она поразила их до мозга костей. И поэтому, хотя у тебя и есть сердце, его опережает рассудочность.

У некоторых людей много рассудочности, и судят они с эгоизмом — выше себя не признают никого. Они требуют безупречности — но не от себя, а от других. Их собственная немощь им по душе, а других они осуждают. Удивительное дело! Такие люди создали свой внешний образ, то есть они слепили некоего внешнего человека — изнутри полного лицемерия. В них нет даже и следа простоты. Разница между европейцами и греками (под греками я

имею в виду православный дух) как раз в этом. Европейца не поймешь — когда и на какой козе к нему подъехать. Постоянное “добро пожаловать!” — и фальшивая улыбочка. А на грека посмотришь, и все сразу ясно. Если у него на душе радость — он ее не скрывает. Если он чем-то расстроен, то видно и это. А видя состояние человека, можно легко строить отношения с ним.

— Геронда, а в чем причина того, что некоторые судят людей, их дела и всё происходящее в мире — и притом очень поспешно?

— В этом случае человек движим одной лишь рассудочностью, то есть работает лишь его мозг и результат такой работы — осуждение. Хорошо бы, чтобы Бог взял отверточку и маленько “поослабил” мозги тем, у кого их стало слишком много. Насколько освобождается голова, настолько человек исполняется Благодатью. Говоря “голова,” я имею в виду человеческое суждение, эгоизм, самоуверенность. Однако если человек, поняв, что его суждения неверны, скажет: “Та способность суждения, которая у меня есть, — мирская. В ней нет Божественного просвещения, и поэтому я совершаю ошибку. Следовательно, мне не надо использовать этой способности,” — то Бог сразу просветит его, он приобретет рассудительность и будет различать, что верно, а что нет.

Умных людей искуситель выводит из строя судом наружным. Если в человеке есть человеческое начало, то он судит по-человечески и совершает преступления. Для того, чтобы суждение было божественным, человеческое начало должно исчезнуть. Мирское суждение есть суждение ошибочное. Сколько происходит всяких несправедливостей! Сколько раз человек впадает в грех! Поэтому для того, чтобы обезопасить душу, постоянно включайте в работу добрый помысл.

Каждый человек есть тайна, и где тебе знать, что это за человек! Как-то мы встречали Светлое Христово Воскресение в одной каливе на Святой Горе. После Божественной Литургии сели за стол — разговеться сыром и пасхальным яичком. Рядом со мной

сидел монах — погонщик мулов, он перевозил на них дрова. Вижу: отодвигает он сыр с яйцом в сторону. “Разговляйся,” — говорю. “Хорошо-хорошо, — отвечает, — разговеюсь.” Смотрю — не ест. "Да кушай ты, — говорю я снова, — ведь сегодня же Пасха!” — “Прости, Геронда, — отвечает он, — я в тот день, когда причащаюсь, не ем. Разговеюсь в два часа дня.” С предшествующего дня постился и в самый день Причащения ел во второй половине дня! Видишь, что он делал от благоговения? А другие могли посчитать, что перед ними не более чем простой погонщик мулов.

Человек есть тайна! И если тебя заставили быть судьей других, то подумай так: “Божественен ли мой суд или исполнен пристрастия?” То есть, свободен ли он от своекорыстия или же преисполнен им? Не доверяйте своему “я” даже в своем суждении. Если человек судит, в нем много эгоизма. Меня заставляют выносить суждения по разным поводам, и я вынужден это делать, несмотря на то, что не хочу этого. Я сужу без своекорыстия и лицеприятия, но даже несмотря на это, вставая после на молитву, не чувствую той, ну, скажем так, сладости, которую ощущаю в те дни, когда не сужу. И это не потому, что моя совесть в чем-то меня обвиняет, — нет, [просто] оттого что я судил как человек. А что тут говорить, если суд ошибочен, или же у подсудимых есть смягчающие вину обстоятельства, или у судьи человеческие критерии оценки происходящего? Суд — дело нешуточное. Суд принадлежит Богу. Как это страшно! И то, что человек, сидящий на судейском месте, имеет доброе расположение, в этом случае значения не имеет. Значение имеет тот результат, к которому привел совершенный им суд.

Необходимо много рассуждения. Конечно, хоть сколько-то рассуждения есть у каждого человека, но, к несчастью, большинство из нас используют рассуждение не по отношению к себе, а по отношению к нашим ближним (чтобы их как-нибудь не угораздило показаться другим лучше, чем мы). Так мы

оскверняем наше рассуждение — суждением, осуждением и претензиями к другим, чтобы они стали лучше. Нам следовало бы иметь претензии только к нашему “я,” которое не решается горячо взяться за духовный подвиг и отсечь свои страсти, чтобы освободилась и взлетела на Небо наша душа.

3. Новое поколение

Оскудение духа жертвенности.

Сегодня большинству людей неведом вкус той радости, которую подает жертвенность. Люди не любят труд. В их жизни появились праздность, желание устроиться потеплее, много покоя. Оскудело любочестие, дух жертвенности. Если людям удается получить что-то без труда, устроиться потеплее, то они считают это достижением. Они огорчаются, если достичь легкой жизни им не удается. Но если бы они смотрели на все духовно, то радовались бы именно этому, потому что в этом случае им дается благоприятная возможность для подвига.

Сегодня все — и стар и млад — гонятся за легкой жизнью. Люди духовные стремятся к тому, чтобы освятиться с меньшим трудом. Люди мирские — к тому, чтобы заработать побольше денег не работая. Молодежь — чтобы сдать экзамены не готовясь, чтобы получить диплом, не выходя из кафе. А если бы можно было, сидя в кафе, звонить в университет и узнавать результаты экзаменов, они были бы очень этому рады. Да-да, доходят уже и до этого! Много юношей приходят ко мне в каливу и просят: “Помолись, чтобы мне поступить в университет.” К экзаменам не готовятся, но при этом говорят: “Бог может мне помочь.” — “Готовься, — советую я, — и молитвой проси Бога о помощи.” — “А зачем, — удивляются, — разве Бог не может помочь мне и так, без подготовки?” Что же получается, Бог благословит твое лентяйство? Так не бывает. Бог поможет в том случае, если юноша читает, старается, но не может удержать

прочитанного в памяти. Некоторые ребята не могут запомнить или понять то, что они читают, но все равно стараются, трудятся. Таким труженикам Бог поможет стать большими умницами.

К счастью, бывают и исключения. Один паренёк с Халкидики сдавал экзамены одновременно на три факультета и поступил на все. (Раньше в университетах Греции абитуриенты могли сдавать вступительные экзамены сразу на несколько факультетов. Сейчас только на один.) **Причем на одном факультете результаты его вступительных экзаменов были самыми лучшими, а на другом он получил второе место. Но, несмотря на это, парень решил, что лучше пойти работать и тем самым разгрузить своего отца, который, обеспечивая семью, работал на рудниках. Поэтому учиться он не стал, а вместо этого устроился на работу и стал приносить в дом деньги. Этот человек — бальзам на мою душу. Ради таких юношей я готов умереть, стать землей. Однако большинство молодых попали под влияние мира сего и от этого испортились, повредились. Они выучились интересоваться только самими собой, думать только о себе — о ближнем они ничуть не задумываются. И чем больше ты им помогаешь, тем большими лентяями они становятся.**

Вижу, что нынешняя молодежь замешана на воде. Одно они судят, другое рядят, третьим они пресытились. Но ведь сердце человека не устает и не стареет никогда. А они... Стать монахами для них тяжело. Жениться — страшно. Здоровенные парни приезжают на Святую Гору, уезжают, возвращаются опять. “Ах, — говорят, — да ведь и монахом быть тяжело. Каждую ночь вставать ни свет ни заря. Ни день, ни два, а постоянно!” Возвращаются в мир, но и там им не по душе. “Что, — говорят, — я буду делать в этом обществе, с каким человеком я соединю свою судьбу, если женюсь? Одни хлопоты и беспокойство.” Снова возвращаются на Святую Гору, но, чуть пожив на ней, опять говорят: “Тяжело!”

Нынешние молодые люди похожи на новые машины, в двигателях которых от холода загустело масло. Для того чтобы эти машины завелись, масло должно разогреться — иначе

ничего не получится. Несчастные юноши! Они приходят ко мне в каливу — не один и не два, а множество — и спрашивают: “Что мне делать, отец? Чем мне заполнить свое время? На меня наваливается тоска.” — “Брат ты мой, да найди ты какую-нибудь работу,” — говорю я, а в ответ слышу: “Дело не в этом. Деньги у меня есть. Зачем она мне нужна, эта работа?” — “Но апостол Павел, — говорю я снова, — пишет: *“Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь”* (2 Сол. 3:10). Даже если у тебя нет проблем с деньгами — чтобы есть, ты должен работать. Работа помогает человеку разогреть масло своего двигателя. Работа — это творчество. Она дает человеку радость и забирает от него душевную тяжесть, тоску. Вот так, друг ситный! (хлеб из просеянной муки). Найди работу, которая нравилась бы тебе хоть немного, и начинай трудиться. Попробуй и увидишь [как все изменится]!”

А некоторые ребята устают, но усталость восстанавливает их силы. Приходят ко мне в каливу молодые парни, садятся во дворе и устают от сидения. А другие со многим любочестием то и дело спрашивают: “Чем тебе помочь? Что тебе принести?” Я никогда не прошу ни о какой помощи. Вечером, после ухода посетителей я зажигаю фонарик и делаю все сам: приношу дрова, зимой растапливаю две печки, навожу порядок в доме и во дворе. Многие посетители оставляют после себя беспорядок — разводят грязь, бросают во дворе свои грязные носки. Люди присылают мне тонкие носочки, я раздаю их посетителям, — они надевают их, а свои грязные носки бросают где попало. Я и салфетку им даю, чтобы они их в нее завернули, но они предпочитают бросать все как есть.

Я просил людей о какой-то услуге три раза в жизни. Одному пареньку я как-то сказал: “Мне нужно два коробка спичек из магазина в Кариес” (Кариес — административный центр Святой Горы Афон, где расположены Священный Кинот, губернатура, полиция, почта, магазины и т.д.). У меня было четыре зажигалки, но я сказал ему это, чтобы доставить ему радость. Он прибежал радостный, запыхавшийся, принес мне эти спички, и усталость восстановила его силы, потому что он вкусил той радости, которая следует за жертвой. А

другой в это время сидел на месте и устал от сидения. Люди стремятся ощутить радость, но для того, чтобы пришла радость, человек должен пожертвовать собой. Радость рождается от жертвы. Настоящая радость происходит от любочестия. А если возделано любочестие, то человек празднует, торжествует. Эгоизм, себялюбие — это мучение для человека, он застревает именно на этом.

Как-то раз на Святую Гору приехали два молодых офицера и сказали мне: “Мы хотим стать монахами.” — “А почему вы этого хотите? — спросил я. — С какого времени у вас появилось такое желание?.” — “А вот, — отвечают, — только что и появилось. Мы приехали на Святую Гору на экскурсию и теперь вот думаем остаться здесь совсем. Там, в миру, кто его знает — может, еще война начнется!” — “Да у вас, — говорю, — стыда нет! “Может еще война начнется!” Да и как бы вы смогли уйти из армии?” — “Найдем, — отвечают, — какой-нибудь повод.” Что они там найдут? Прикинутся душевнобольными или придумают еще что-нибудь... Да что тут говорить, что-нибудь точно найдут... “Если, — сказал я им, — вы идете в монахи с такими побудительными причинами, то уже с самого начала вы потерпели неудачу.” А другим людям уже давным-давно ничего не мешает жениться, создать семью. Но они приходят ко мне и говорят: “А зачем я буду жениться? Разве создашь семью и воспитаешь детей в такие трудные времена?” — “Хорошо, — говорю я, — разве во времена гонений жизнь останавливалась? Никто не работал и не женился? Может быть, тебе просто лень создавать семью?” — “Я, — отвечает, — хочу стать монахом.” — “Да ведь причина — твоя лень! Разве из тебя выйдет хороший монах?” Вам это понятно? Если девушка хочет стать монахиней, думая так: “А зачем я буду оставаться в миру, выходить замуж, рожать детей? Морока, беспокойство. Уйду-ка я лучше в монастырь. Буду делать что мне говорят, ответственности никакой, а если меня когда поругают, то я склоню голову пониже. Попробуй-ка, создай свой собственный дом в миру! А в монастыре будет все необходимое, отдельная келья, готовая еда и

прочее...” — итак, если девушка думает подобным образом, то пусть знает, что она уже с самого начала потерпела неудачу. Это кажется вам странным? Не удивляйтесь, такие люди действительно есть. Знайте, человек старательный преуспеет везде. Старательный семьянин преуспел бы и в монашестве, а старательный монах — избери он путь семейной жизни — тоже бы преуспел.

Один юноша поступил в монастырь послушником, но от пострига отказывался. “Почему же, сынок, ты уклоняешься от монашества?” — спросил я его. “А потому, — отвечает, — что монашеская скуфья напоминает мне солдатскую каску!” Ты только послушай! Он не хотел становиться монахом, чтобы не носить монашескую скуфейку! Каску она ему напомнила! А он ее хоть когда-нибудь надевал, эту каску? Если и надевал, то всего несколько раз в армии во время учений — да и это то еще под вопросом! А где ему понюхать пороха на войне! Каску, она ему, видите ли, напомнила! Слышишь, что творится? Но что он забыл в монашестве? Скажи мне, пожалуйста, что за монах выйдет из человека, если он начинает монашескую жизнь таким вот образом? В конце концов этого несчастного где-то постригли в монахи, но толстую скуфью он так и не носил.

А в другой раз ко мне в каливу пришли два молодых человека, и оба с волосами чуть ли не до пояса. Хотел я им подстричь их гривы, но они не дались. Я куда-то спешил, поэтому вести долгие беседы не мог — только угостил их. А во дворе у меня гулял кот. Видит его один из этих длинноволосых и спрашивает: “А можно я кота возьму?” — “Бери,” — говорю. Взял он кота и от меня они пошли в Иверский монастырь — час ходу. Полил дождь, но он в обнимку с котом пришел в монастырь, поднялся в архондарик и попросился переночевать. “С котами нельзя,” — ответили ему, и тогда он остался сидеть на улице под дождем! Всю ночь! Если бы в армии его отправляли на час в караул, то он бы ответил: “Ой, нет, не могу!” А сидеть всю ночь на улице с котом — пожалуйста, может!..

А еще одного забрали в армию, но он убежал и приехал на Святую Гору. Пришел ко мне в каливу и сказал: “Я хочу стать монахом.” — “Возвращайся, — говорю, — в армию, отслужи свой срок!” — “Армия!” — отвечает он. — Армия — это тебе не то что родимый дом!” — “Большое, — говорю, — тебе спасибо, голова молодецкая, что ты мне об этом сказал. Вот ведь оно оказывается как! Раньше-то ведь я об этом и не догадывался! Теперь и другим буду об этом говорить!” А родные парня все это время его разыскивали. Через несколько дней он снова пришел ко мне в каливу. Была Фомина неделя, раннее утро. “Ты мне нужен,” — говорит. “Что ты хочешь? — спрашиваю я. — Ты на литургии где был?” — “Нигде,” — отвечает. — “Сегодня, — говорю, — Фомина неделя, в монастырях служили бдения, а ты никуда не пошел? И хочешь стать монахом! Где же ты проболтался?” — “Я, — говорит, — переночевал в гостинице. Там спокойно, тихо, в монастырях всю ночь такой гвалт!” — “Ну и что же, — спрашиваю, — ты теперь намерен делать?” — “Я, — говорит, — думаю податься на Синай, потому что стремлюсь к жесткой, суровой жизни.” — “А ну-ка, — говорю, — потерпи маленько.” Захожу в келью, беру пасхальный кулич, который кто-то мне принес, и опять выхожу к нему. “Вот, — говорю, — держи! Этот кулич очень мягкий, как раз для жесткой, суровой жизни, к которой ты так стремишься. Бери и уходи!” Такова-то нынешняя молодежь. Сами не знают, чего хотят. Не могут вытерпеть ни малейшего стеснения. Как же после этого они смогут пожертвовать собой?

Я помню, в армии, если возникала необходимость идти на какое-то опасное задание, только и слышалось: “Господин командир, я пойду вместо него! Ведь он человек семейный — если его убьют, то дети останутся на улице!” Солдаты просили у командира пойти вместо кого-то другого на опасное задание, на передовую. Они радовались оттого, что убьют их, но останется жив какой-нибудь глава семейства и его дети не осиротеют. А сейчас? Разве встретишь где-нибудь, чтобы человек шел на такую жертву? Если и встретишь, то крайне редко. Помню, как-то раз мы

остались без воды. Командир нашел по карте место неподалеку, где была вода. Но там засели мятежники. Тогда он говорит: “Есть тут неподалеку вода, но идти очень опасно и света зажигать нельзя. Кто возьмется сходить и наполнить несколько фляг?” Подскакивает один солдат: “Я пойду, господин командир!," подскакивает другой: “Я!,” за ним — третий. То есть вызвались пойти все! На дворе тьма-тьмушая, без света страшно, даже мороз по коже продирает. Командир растерялся даже: “Вы ведь не можете пойти все!” Я хочу сказать, что о себе не думал никто. Ни один из нас не попытался найти какую-нибудь отговорку, например: “Господин командир, у меня болит нога,” или “у меня болит голова,” или “я устал.” Мы все хотели пойти набрать воды, а на то, что наша жизнь подвергалась опасности, мы внимания не обращали.

Нынешний дух — дух теплохладности. Мужество, жертвенность совершенно отсутствуют. Нынешней ущербной логикой люди все перевели в другую систему измерений. И видишь оно как: раньше люди шли в армию добровольцами, а сейчас, не желая служить, достают себе справку, что они психически больны. Прикладывают все силы к тому, чтобы не идти в армию. Разве раньше было хоть что-то подобное? У нас в армии был один лейтенантик, всего двадцати трех лет от роду, но какой же он был молодчина! Однажды ему позвонил его отец, отставной офицер, и сказал, что намерен попросить кого-то, чтобы с передовой этого парня перевели в тыл. Ох, как же раскричался лейтенант, когда тот ему об этом сказал! “Как же тебе не стыдно, отец, говорить такое? Это трутни отсиживаются в тылу!” В этом человеке была искренность, честность и отвага настолько исключительная, что она даже переходила границы — он бежал в атаку впереди других. Вся его шинель была насквозь изрешечена пулями, но несмотря на это он остался в живых. А увольняясь в запас, он взял эту шинель с собой, на память.

Нерассудительная любовь делает детей ни на что не годными.

Я заметил, что нынешние дети, особенно те, кто потом идут в университеты, портятся уже в родительском доме. Будучи вначале хорошими детьми, они впоследствии делаются ни на что не годными. Они ни о чем не задумываются, у них есть какое-то бесчувствие. Их губят, портят их же родители, которые сами пережили трудные годы и теперь хотят, чтобы их дети не испытывали лишений ни в чем. Родители не возделывают в детях любочестия, чтобы те радовались от лишений. Понятно, что все это родители делают с добрым помыслом. Да, подвергать детей бессмысленным лишениям — это варварство. Но помочь детям приобрести монашескую совесть — чтобы они потом сами радовались, испытывая какие-то лишения, — это очень хорошее дело. Тогда как сейчас своей добротой, своей нерассудительной добротой, родители сами доводят детишек до отупения. Родители всё приносят своим детям на блюдечке, прямо в руки, даже воду подают. Они приучают их к этому. Они делают это для того, чтобы дети готовили уроки и ни на что не отвлекались, но таким образом делают их ни на что не годными — и мальчиков, и девочек. Потому что потом дети хотят получать все готовым на блюдечке постоянно, а не только тогда, когда они занимаются уроками. А начинается это зло с мамашь: “Учи, сыночек, учи! А я тебе принесу носочки, я тебе помою ножки! Скушай сладенькое, попей кофеечек!” Дети не трудятся и потому не понимают, насколько устала их мать, которая их обслуживает. А потом начинается: одноразовые тарелки, одноразовая одежда, [пиццерии, Макдональдсы] завернуть кусок пиццы в бумагу и то не умеют! И так дети становятся совершенно ни на что не годными людьми. Потом им и сама жизнь в тягость. Шнурок развязался: “Мама, завяжи мне шнурок!” А пока мама им его не завяжет, чадо будет ходить с развязанным шнурком и на него наступать. Какого преуспеяния можно ждать от таких детей? Они непригодны ни для семейной, ни для монашеской жизни. Поэтому я советую матерям: “Не разрешайте детям читать целыми днями. Ведь они всё читают и читают и заморочивают себе голову. Пусть они делают перерывы в чтении на пятнадцать минут, на полчаса — и выполняют какие-то работы по дому. Так

их голова будет хоть немножко развеиваться, приходить в нормальное состояние."

Эта дурная привычка нынешней молодежи проникла и в монашество. И сейчас видишь, как в канцеляриях монастырей сидит по семь монахов-секретарей — все молодые, образованные, а с ними вместе сидит и старый монах, который был на этом послушании раньше. Раньше в монастырях был один секретарь. Его образование часто ограничивалось двумя классами средней школы, но при этом он один справлялся со всей работой. А сейчас их семь и все так задыхаются от работы, что даже монашеское правило им выполнять некогда! Но ведь и старичка-секретаря они не отпускают, ему приходится сидеть вместе с ними и им помогать!..

Темные силы направляют молодежь ко злу.

Несчастных детей сегодня разрушают с помощью различных теорий. Потому они так взбудоражены, так заморочены. Ребенок хочет сделать одно, но делает другое. Он хочет пойти в одну сторону, но дух нашей эпохи уносит его в другую. Темные силы развернули страшную пропаганду, это они направляют ко злу тех юных, у которых в голове не хватает соображения. Некоторые учителя в школах говорят детям: “Для того чтобы быть инициативными личностями, не уважайте родителей, не подчиняйтесь им.” Таким образом, они разлагают детские души. Потом дети не слушаются ни родителей, ни учителей. И они не виноваты, потому что считают, что должны поступать именно так. В этом их поддерживает и государство, их подталкивают к этому. А те, кому нет дела ни до Отечества, ни до семьи, для кого нет ничего святого, используют такую молодежь для осуществления своих планов. Вот это все и принесло много зла нынешней молодежи. Очень много зла! Доходит уже до того, что диавола с рогами молодежь считает своим лидером. Поклонение сатане очень распространилось. В некоторых дискотеках целыми ночами поют: “Сатана, мы поклоняемся тебе! Мы не хотим Христа, ты даешь нам все!” Как это страшно! Понимаете

ли вы, что он вам дает, несчастные вы дети, и чего он вас лишает!..

Маленькие дети уже озлоблены — от кофе, сигарет. Разве увидишь на их лицах сияющий взгляд, Благодать Божию? Ох, как же был прав один архитектор, сказав группе юношей, которых он привез на Святую Гору: “У нас с вами глаза — как глаза дохлой рыбы.” Этот архитектор приехал на Афон с группой ребят от восемнадцати до двадцати пяти лет — человек десять их было. Сам он обратился к Богу раньше, и потому ему было жаль тех молодых, которые живут в разврате. Некоторых из таких несчастных он приблизил к себе, уговорил их поехать на Святую Гору и сам оплатил им дорогу. Они шли ко мне в каливу, а мне как раз надо было куда-то идти, и мы столкнулись на тропинке. Я сказал им, что ухожу, но предложил немножко посидеть прямо там, где мы встретились. Только мы присели, как появилась еще одна группа детей, направляющаяся к моей каливе. Это были воспитанники Афониады (Афонская Церковная Академия). “Садитесь, — говорю, — и вы вместе с нами.” Присели и они. Вот тут-то архитектор и говорит своим ребятам: “Вы ничего не замечаете?” Те удивились. “А ну-ка, — говорит он им, — сперва посмотрите в лицо один другому, а потом взгляните на лица этих детей. Посмотрите, как сияют их глаза! И посмотрите на наши с вами глаза — они все равно что глаза дохлой рыбы.” И ведь правда! Когда я пригляделся, то понял, что он попал в самую точку: их глаза были как глаза дохлой рыбы. Мутные, неестественные... А глаза детей из Афониады светились! Ведь в Афониаде воспитанники кладут поклоны, участвуют в богослужениях. “Глаза — зеркало души.” Поэтому и Христос сказал, что *“светильник телу есть око”* (Лк. 11:34). Сколько юных приходят на Святую Гору или в другие монастыри, становятся монахами, и, несмотря на то, что монастырская жизнь, скажем так, не сахар, они исполнены такой радости, что их лица излучают свет. А в миру у молодежи есть все, что хочешь, но она терзается, переживает адскую муку.

Отовсюду к нам дуют различные ветры. С Востока — индуизм и другие оккультные религии, с Севера — коммунизм, с Запада — целая куча различных учений, с Юга от африканцев — колдовство, магия и множество других моровых поветрий. Ко мне в каливу пришел как-то раз один паренек, избитый этими ветрами. Я понял, что ко мне его привели молитвы его матери. Мы побеседовали довольно долго, и в конце разговора я сказал ему: “Вот что, парень, найди духовника и поисповедуйся. Потом пусть он помажет тебя святым миром. Это будет помогать тебе сейчас, когда ты делаешь первые шаги в твоей духовной жизни. Тебя должны помазать святым миром, потому что ты отрекся от Христа.” Когда я говорил ему это, несчастный юноша плакал. “Помолись, отче, — просил он меня, — потому что я не могу выпутаться из этого болота. Мне сделали промывку мозгов. Я понимаю, что сюда меня привели молитвы моей матери.” Насколько же сильны материнские молитвы! Несчастные дети! Их опутывают всеми этими учениями и делают не годными ни на что. Потом их охватывает страх, душевная тревога и они ищут разрядку в наркотиках и тому подобном. Из одной пропасти — в другую. Да прострет Бог Свою руку [и остановит зло].

— Геронда, а есть ли польза от того, что этим несчастным говорят, что такие учения — сатанинские?

— Ну а как же! Конечно, есть. Только говорить им об этом надо по-доброму.

— А как такая молодежь может познать Христа?

— Как они могут познать Христа, если, не познав Православия, они едут в Индию ко всяким там гуру, живут возле них по два-три года, от различных колдовских воздействий доходят до одурения, потом, живя там, узнают, что в Православии есть таинственная, мистическая жизнь, и приезжают сюда, желая видеть Нетварный Свет, пережить высшие духовные состояния и подобное этому? А если спросишь их: “Сколько лет ты не

причащался?” — то они отвечают: “Не помню точно, может быть, меня причащала моя мать, когда я был маленьким.” — “А ты когда-нибудь исповедовался?” — “Этот вопрос меня не интересует.” Но разве можно ждать после этого чего-то хорошего? О Православии они ничегошеньки не знают.

— Геронда, но как же им помочь?

— Что может помочь им после того, как они говорят, что “Церковь свой век отжила” ? Как только от человека услышишь нечто подобное, так сразу понятно, к какому взаимопониманию с ним ты можешь прийти! Однако те из молодых, у кого есть доброе расположение, получают помощь и приближаются к Церкви.

“Не смейте трогать детей!”

— Геронда, что получится из тех маленьких детей, что растут без дисциплины?

— Некоторые смягчающие вину обстоятельства у них есть. Их родители в детстве не понимали, для чего нужна дисциплина, и поэтому теперь они дают своим детям свободу, превращая их, таким образом, в настоящих маленьких хулиганов. Ты им слово — они тебе пять, да еще с каким бесстыдством! Такие дети могут стать преступниками. Сегодня детей совершенно развинтили. “Свобода!” “Не смейте трогать детей!” А дети рады-радешеньки: “Где, — говорят, — еще найдешь такой государственный строй?” То есть, некоторые стремятся превратить детей в бунтарей, которые не хотели бы зависеть ни от родителей, ни от учителей, ни слушать никого. Это на руку некоторым людям, дети-бунтари помогут им осуществить их замыслы. Ведь если детей не сделать [сейчас] бунтарями, то как их потом заставишь разнести все на мелкие кусочки? И теперь видишь, как несчастные дети стали уже почти бесноватыми.

Если свобода должным образом не использована в духовной

жизни, то как она может быть использована в жизни мирской? Что ты с ней будешь делать, с такой свободой? Такая свобода — это катастрофа. Поэтому и с государством происходит сейчас то, что мы видим. Могут ли нынешние люди использовать должным образом данную им свободу? Свобода, если люди не в состоянии использовать ее для положительного развития, является катастрофой. Мирская эволюция в сочетании с этой греховной свободой принесла человеку духовное рабство. Свобода духовная есть духовная покорность Божией воле. Но видишь как: послушание есть свобода, однако враг по злобе своей представляет ее как рабство, и дети, — особенно отравленные бунтарским духом нашей эпохи, — начинают бунтовать. Понятное дело, ведь они к тому же устали от различных систем двадцатого века, которые, к несчастью, все больше и больше уродуют как природу — дивный мир Божий, так и людей — Божии творения. Эти системы начиняют души людей тревогой и уводят их от радости, удаляют от Бога.

А знаете, что нам довелось пережить, когда мы уволились из армии в запас? Да будь на нашем месте нынешняя молодежь, она разнесла бы все в пух и прах! Это было в 1950 году. Гражданская война только закончилась. Нас, солдат различных призывов, уволили в запас вместе. Один воевал четыре с половиной года, другие — четыре, третий — три с половиной. И вот представьте: после стольких страданий на войне мы, приехав в город Ларису (в центральной Греции) и явившись в пункты распределения демобилизованных, видим, что они уже забиты другими фронтовиками. Мы тыкнулись было в гостиницы, но и там отказали: "Солдатня, — говорят, — разве можно её впускать! Все одеяла перепачкают." А ведь мы предлагали заплатить им за ночлег. На дворе март месяц, холодно. На наше счастье, один офицер нас выручил, дай ему Бог доброго здоровья! Он пошел на железнодорожный вокзал, узнал, когда поезда приходят, когда уходят, когда совершают маневры, договорился с железнодорожным начальством и нас пустили на ночь в пустые вагоны. "Ночью, — предупредил нас офицер, — вагоны будут

маленько ездить туда-сюда, совершать маневры, но вы не бойтесь, до такого-то часа завтра утром они не уедут.” Так всю ночь и прокатались взад-вперед. Наконец добрались до Салоник. Те, кто жил неподалеку, отправились по домам. А мы, остальные, опять пошли в пункты распределения, но и там яблоку негде было упасть. Опять по гостиницам — и опять безрезультатно. Помню, как я в гостинице просил: “Дайте просто стул — пересидеть ночь, и я заплачу вам вдвое больше, чем за кровать!” — “Нет, — отвечают, — нельзя.” Они боялись, чтобы кто-то не увидел, что у них ночью в гостинице сидел на стуле солдат, и не донес на них. Значит, стой всю ночь на ногах на улице и подпирай стенку! И вот несчастные солдаты стояли на улицах возле гостиниц, на тротуарах, прислонившись к стене. На всех тротуарах — солдаты, как на параде. Тебе понятно? Да будь это современная молодежь, она спалила бы Ларису и в придачу всю Фессалию вместе с Македонией! (Области Греции). Ведь они и сейчас-то, не испытывая никаких трудностей, что творят! Громят, захватывают школы, университеты. А тогдашним бедным ребятам такое даже в голову не приходило. Конечно, им было горько, но при этом помысла отомстить, сделать какое-то зло у них не было. А ведь на войне, в снегах, они пережили такие страдания! Несчастные были искалечены войной, — какая же жертвенность! — в конце концов, их “отблагодарили” ночевкой под открытым небом. Последнее “спасибо”! Вот я и сравниваю, какой была тогдашняя молодежь и до чего она докатилась сейчас. Не прошло еще и пятидесяти лет, и люди так изменились!..

Нынешняя молодежь похожа на брыкливого бычка, который привязанный пасется на лугу. Он постоянно натягивает веревку, потом выдергивает кол, к которому она привязана, пускается бежать, но за что-нибудь цепляется, окончательно запутывается и, в конце концов, его пожирают дикие звери. “Притормозить,” сдерживать ребенка надо, пока он еще маленький. Например, ты видишь, как малое дитя лезет на забор и может упасть, разбиться. Ты кричишь ему: “Нельзя, нельзя!” и в придачу

даешь подзатыльник. В следующий раз ребенок все равно не подумает о том, что может убиться, однако о том, что можно получить еще один подзатыльник, он помнит и будет вести себя внимательно. Но сейчас ни в школах не наказывают телесно, ни в армии не бьют палками. Поэтому юные и мучают родителей и народ. А в прежние времена чем жестче были командиры в “учёбке,” тем большую отвагу солдаты проявляли в бою.

Юный нуждается в духовном руководителе. С ним он должен советоваться и его слушаться — для того чтобы идти вперед с духовной надежностью, избегая опасностей, страхов и тупиков. Чем старше становится человек, чем дольше он живет, тем больше он обогащается опытом — и своим, и чужим. У юноши этого опыта нет. Взрослый человек использует как и собственный, так и заимствованный у других опыт для того, чтобы помочь неопытному юноше избежать каких-то промахов. Если юный не слушает опытных, то он ставит эксперименты на самом себе, но, слушая наставников, он обогащается.

Однажды ко мне в каливу пришли ребята из одного христианского братства. (Внецерковные организации, с протестантской идеологией, считавшие монашество чуждым Церкви).Самоуверенно, до хрипоты они кричали: “Мы не нуждаемся ни в ком! Мы сами найдем свой путь!” Кто их знает, почему они стали такими? Видно, на них сильно давили, и потому они взбунтовались. Собираясь уходить, они спросили меня, как выйти на большую дорогу, ведущую к Иверскому монастырю. “Куда нам, — спрашивают, — идти?” — “Хорошо, братцы, — ответил я им, — вы сказали, что найдете дорогу сами, что вы ни в ком не нуждаетесь. Разве не это вы утверждали только что? Ну, с этой дорогой ещё ладно: если вы ее и потеряете, то, немножко помучившись, встретите чуть подальше кого-то еще, и он подскажет вам, как на нее выйти. Но как вы сами, без руководителя сможете найти другую дорогу, ту, что ведет в Горняя, возводит на Небо?” Тогда один из них и говорит: “Братцы, а батюшка-то вроде как и прав?”

Юным нужно сдать экзамен на целомудрие.

Сегодня приходили студентки и просили меня: “Помолитесь, Геронда, чтобы мы сдали экзамены.” А я им на это ответил: “Буду молиться, чтобы вы сдали экзамены на целомудрие. Это самое основное. После этого можно расставить по местам и все остальное.” Правильно я им сказал или нет? Да, если сегодня на лицах юных видны скромность, целомудрие, то это великое дело. Весьма великое дело!

Какие же несчастные искалеченные девушки подчас ко мне приходят! Они беспорядочно живут в грехе с молодыми людьми, не понимая, что цели, которые те преследуют, нечисты. И таким образом несчастные становятся калеками. “Что мне делать, отче?” — спрашивают они меня. “Владелец кабака, — отвечаю я им, — хотя и водит дружбу с пьяницей, но дочь свою за него замуж не выдает. Прекратите греховные связи. Если те, с кем вы грешите, вас действительно любят, то они оценят это должным образом. Если же они вас оставят, то это будет значить, что они вас не любят, и вы не будете зря тратить время.”

Лукавый использует юношеский возраст, в котором, к тому же, бунтует плоть человека, и старается разложить молодых в этот нелегкий период, который они переживают. Их разум еще незрел, они весьма неопытны и совсем не имеют духовных сбережений. Поэтому юный, находящийся в этом критическом возрасте, должен чувствовать, что ему постоянно необходимы советы старших. Эти советы нужны ему для того, чтобы не поскользнуться на сладкой горке мирского падения, которое угрожает тем, что будет впоследствии наполнять его душу тревогой и навеки удалит ее от Бога.

Я понимаю, что физически здоровому парню или девушке нелегко в юношеском возрасте находиться в таком духовном состоянии, чтобы не различать “мужеский пол, или женский” (Гал. 3:28). Поэтому духовные отцы и советуют, чтобы мальчики не водили дружбы с девочками, насколько духовными ни были бы дети, потому что сам по себе возраст создает трудности и их

юность использует искуситель. Поэтому для юноши предпочтительнее, чтобы за его духовное благоразумие и чистоту девушки считали его даже глупым (или для девушки, чтобы ее считали глупой юноши), и таким образом взять на себя этот тяжелый крест. Ведь в этом тяжелом кресте кроется вся сила и премудрость Божия, и тогда юный будет сильнее Самсона (Суд. 15:14 и далее) и мудрее Премудрого Соломона (3 Цар. 3:9-12). Идя по улице, юному лучше молиться и не глазеть по сторонам, даже если какие-нибудь родственники или знакомые это неправильно поймут и обидятся, посчитав, что он их якобы презирает и потому не стал с ними разговаривать. Это лучше, чем с любопытством глазеть по сторонам и быть неправильно понятым даже людьми мирскими, которые обо всем мыслят лукаво. После церковной службы юноше в тысячу раз лучше убегать от людей для того, чтобы сохранить свое духовное благоразумие и ту пользу, которую он получил в храме, чем сидеть и беспечно любоваться меховыми воротниками женщин (или девушке — галстуками мужчин) и духовно ожесточаться от того, что враг расцарапывает его сердце.

То, что мир, к несчастью, разложился, — это истина. И человек, стремящийся сохранить себя чистым, запачкается, где бы он ни оказался. Однако разница в том, что с современного человека Бог не взыщет так же, как Он взыскивал в древнюю эпоху с христианина, который хотел сохранить себя в чистоте. Необходимо хладнокровие, юноша должен делать то, что он может: подвизаться, избегать поводов ко греху. Во всем остальном поможет наш Христос. Разгоревшееся в душе божественное рачение настолько огненно, что обладает силой сжигать всякое иное похотение и всякий непристойный образ. Когда в человеке запылает этот огнь, тогда он будет чувствовать и те божественные наслаждения, которые несравнимы с любым другим наслаждением. Того, кто вкусил сей небесной манны: сладость диких плодов рожкового дерева оставляет совершенно равнодушным. Поэтому юный должен крепко взять в руки штурвал, осенить себя крестным знамением и не бояться. После

малой борьбы он получит и небесное наслаждение. В час искушения необходима отвага и Бог чудесным образом поможет ему.

Старец Августин (О старце Августине см. в кн.: Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 76-83) **рассказывал мне, как новоначальным послушником он поступил в один из монастырей у себя на Родине, в России. Почти вся братия монастыря были стариками, и поэтому его послали помогать ловить рыбу монастырскому рыбаку, так как обитель жила за счет рыбной ловли. Однажды на берег реки, где они трудились, пришла дочь этого рыбака и сказала отцу, чтобы он немедленно шел домой по какому-то срочному делу. Сама она осталась помогать послушнику. Однако несчастной овладело диавольское искушение, и она, не осознавая того, что делает, бросилась ему на шею с греховными намерениями. Сначала Антоний — так звали отца Августина в миру — растерялся, потому что все произошло внезапно. Но потом он осенил себя крестом и воскликнул: “Лучше уж мне утонуть, нежели согрешить!” и бросился с берега в глубокую реку. Но Благий Бог, видя великую ревность чистого юноши, который, стремясь сохранить целомудрие, повторил подвиг святого Мартиниана (**См. Жития Святых. Месяц февраль, день 13. Житие Преподобного Мартиниана и святых жен Зои и Фотинии**), удержал его на поверхности воды, так, что он даже не намок. “Я бросился в воду вниз головой, — рассказывал мне старец, — но, несмотря на это, я и не заметил, как оказался стоящим на воде во весь рост! Даже одежда не намокла. В тот момент он ощутил внутреннюю тишину и невыразимую сладость, которые совершенно уничтожили все греховные помыслы и плотское разжжение, возбужденные в нем поначалу от непристойного поведения девицы. Та же, увидев Антония стоящим на поверхности воды и пораженная этим великим чудом, расплакалась, раскаиваясь в своем грехе.**

Христос не требует от нас чего-то великого, чтобы помочь нам в подвиге. Он ждет от нас самую малость. Один юноша рассказывал мне, что когда он был в паломнической поездке на

Патмосе (Остров в Эгейском море)**, диавол приготовил ему западню. Когда он шел по острову, одна туристка бросилась ему на шею и стала его обнимать. Тогда юноша с силой оттолкнул ее от себя и воскликнул: “Христе мой, я приехал сюда, чтобы поклониться святыне, а не для того, чтобы заниматься такой грязью!” После этого он убежал. Ночью в гостинице во время молитвы он увидел Христа в Нетварном Свете. Видите, чего он удостоился только за то, что оттолкнул от себя соблазнительницу? Кто-нибудь подвизается долгие годы, несет немалые подвиги и еще вопрос, будет ли он удостоен чего-то подобного. А целомудренный юноша увидел Христа только за то, что противостал искушению. Естественно, это событие его весьма укрепило духовно. После этого он еще два-три раза видел Святых: Святую Маркеллу, Святого Рафаила, Святого Георгия. Как-то он пришел ко мне и попросил: “Помолись, отче, чтобы мне снова увидеть Святого Георгия. Мне нужно какое-то утешение — в этом мире меня ничто не утешает.”**

А теперь посмотрите на некоторых его сверстников — до чего только они ни доходят! Как-то раз ко мне в каливу пришел один юноша со своим дядей и попросил: “Помолись об одной девушке. Она сломала позвоночник в автомобильной аварии. За рулем был ее отец, он задремал и во что-то врезался — сам насмерть, а она покалечилась. Погоди, я дам тебе ее фотографию.” — “Да не надо,” — говорю. Но он очень хотел, чтобы я на нее посмотрел. Ну что же, уступая его настойчивости, беру я фотографию и вижу девицу, развалившуюся на полу, между двух парней, которые держат её с разных сторон! “Кем же она ему приходится?” — спрашиваю я юношу, указывая на одного. “Подружкой,” — отвечает. “А другому? Он что, собирается на ней жениться?” — “Нет, —говорит, — они просто встречаются.” — “Не сердись на детей, — говорит мне его дядя, — что с ними поделать, такова нынешняя молодежь.” — “Молиться-то я буду, — подумал я про себя, — не о том, чтобы исцелился ее позвоночник, а о том, чтобы исцелилась ее голова, в придачу с твоей головой, пропащий ты человек!” Куда же подевалось

приличие ? Дядя должен был как следует выругать своего племянника! "Духовная" молодежь!.. Иметь духовника и докатиться до такого! Да даже если бы кто-то из тех парней на фотографии и собирался жениться на этой несчастной, то все равно недопустимо, чтобы девушка была так распластана между двух парней! И зачем было показывать эту фотографию мне? Этот молодой человек даже не подумал, что это нехорошо. Мне-то оно не повредит, но ведь это же нехорошо! Какие семьи создаст эта молодежь? Да просветит ее Бог, чтобы она опомнилась.

А с какой жертвенностью девушки соблюдали свою чистоту в прежние времена! Помню, как во время войны наше командование собрало из разных деревень гражданских жителей с мулами и заставило их перевозить для армии грузы. Пошел сильный снег, и эти люди оказались отрезанными на одной высоте. Мужчины наломали елового лапника и под заснеженными ветвями елей устроили что-то вроде навесов, чтобы хоть как-то защититься от холода. Женщины, бывшие там, тоже были вынуждены спрятаться под эти навесы, прося защиты у своих односельчан, у тех, с кем они были знакомы. Были там девушка и старуха из одного дальнего села. Им тоже пришлось укрыться под одним из этих еловых навесов. Но беда в том, что бывают такие неверующие и трусливые люди, что их не приводит в чувство даже война. Им не больно за своих ближних, которые калечатся или убиваются, но при удобном случае они стремятся даже совершать грех, боясь, что их убьют и они не успеют урвать от жизни удовольствия, хотя им, наоборот, следовало бы покаяться — по крайней мере, во время опасности. И вот один из таких неверующих трусов, которые думают не о том, как покаяться, а о том, чтобы согрешить, оказался под тем навесом, где укрылись девушка со старухой. Он начал приставать к девушке столь гадко, что та была вынуждена убежать. Она предпочла окоченеть от холода и даже умереть в снегах, но сохранить свою девичью честь. Несчастная старуха, видя, что девушка ушла и не возвращается, пошла по ее следам

и нашла ее под навесиком часовни Честного Иоанна Предтечи, в получасе ходу. Честной Предтеча сохранил девушку, оберегавшую свою честь, и привел ее к своей часовенке, о которой она даже не знала. И что же сделал Честной Предтеча после этого? После этого он явился во сне одному солдату (Этим солдатом был Арсений Эзнепидис — будущий блаженный Старец Паисий. Описываемый случай произошёл во время Гражданской войны 1944-1948 гг.) **и повелел ему как можно скорее спешить в его часовню. Солдат вскочил и поспешил в эту часовню. Та ночь была светла от снега, и он приблизительно знал, куда нужно идти. О, что за картина предстала перед его глазами! Старуха и девушка, по колено в снегу, уже посинели и окоченели от холода. Солдат сумел открыть дверь в церквушку, несчастные вошли внутрь и кое-как пришли в себя. У солдата не было никаких теплых вещей, кроме шарфа, который он дал старухе, и двух перчаток, которые он дал им обеим, велев по очереди менять руки. Потом несчастные рассказали ему о том искушении, которое привело их в эту часовню. “Хорошо, — спросил девушку солдат, — как же ты решилась бежать ночью, по сугробам, неизвестно куда?” — “Это, — ответила она, — было все, что я могла сделать. Я верила в то, что Христос поможет мне в остальном.” Тогда солдат совершенно непроизвольно сказал: “Всё, закончились ваши муки. Завтра будете дома.” Эти слова вырвались у него сами собой, от боли, а не просто для того, чтобы утешить несчастных. Ох, как же они обрадовались, услышав это! От этих слов им даже стало теплее. И действительно к утру следующего дня горно-транспортная рота расчистила дорогу и со своими мулами пришла на место. Тогда несчастных отпустили по домам. Такими юными дочерьми Эллады — не обнаженными от Божественной Благодати, но облаченными в Нее — надо восхищаться и хвалиться! А та скотина, — да простит меня Бог, — пошел к командиру и доложил, что, дескать, “солдат такой-то совершил взлом часовни и ввел в нее транспортные средства,” то есть мулов! “Нет, — ответил ему командир, — не верю, он на такое неспособен!” В конце концов этот человек закончил тюрьмой.**

Истинная любовь извещает о себе молодых.

— Геронда, те, кто хотел разрушить общество, взялись за его основы, корни — за детей. Они их развращают.

— Все это недолго продержится. Зло разрушает само себя. В России разрушили всё, но только посмотри, что там творится сейчас, после того, как прошли три поколения! Бог не бросает людей на произвол судьбы. И грехи молодых нынешней эпохи Он будет судить неодинаково с грехами молодых людей прежнего, нашего времени.

— Геронда, бывает, что молодые, живущие жизнью мирской, когда заходит разговор о вере, дают очень правильные ответы. Каким образом?

У этих молодых было доброе расположение, но они не смогли себя остановить, увлеклись в мирскую жизнь. По причине этого доброго расположения они и дают правильные ответы о вере. Я хочу сказать следующее: например, человек хочет пойти по какому-то пути, но идти по нему не может. Однако к тем, кто по этому пути все-таки идет, он относится с уважением. Бог не оставит таких людей, потому что в них нет злобы. Придет время, и у них появится сила идти вперед.

— Геронда, а как можно найти подход к тем юным, которые сбились с пути?

— К ним надо подходить с любовью. Если присутствует истинная, благородная любовь, то она сразу же извещает о себе юных и обезоруживает их. Ко мне в каливу приходят молодые люди — ягоды с тысячи разных полей, с различными проблемами. Я встречаю их добрым словом, чем-нибудь угощаю, разговариваю с ними, и мы быстро становимся друзьями. Они открывают свои сердца и в ответ принимают мою любовь к ним. Некоторые несчастные так обделены! Они жаждут любви. Сразу же видно, что они не видели любви ни от матери, ни от отца. Они

не могут насытиться любовью. И если тебе станет за них больно, если ты их полюбишь, то они забывают о своих проблемах, забывают даже о наркотиках, исцеляются от болезней и прекращают бесчинствовать, а после приезжают на Святую Гору уже как благоговейные паломники. Это потому, что они каким-то образом получают извещение о любви Божией. И видно, что у них есть благородство, которое пробивает брешь в твоем сердце. Они материально нуждаются, но, несмотря на это, не принимают денежной помощи от других, предпочитают найти работу, зарабатывать на жизнь, а вечерами учиться. Таким ребятам стоит помогать. В Салониках возле железнодорожного вокзала есть дома, где вместе живут много подростков — и мальчиков, и девочек. В одной трехместной комнате их жило пятнадцать. Все они из распавшихся семей. Одни воруют, а другие не могут этого делать, потому что у них есть любочестие. Сколько же лет я просил приблизиться к этим детям, помочь им! Я просил устроить какой-нибудь храм, чтобы собирать в нем этих несчастных. Сейчас на вокзале открыли маленькую церквушку в честь Святого апостола Филиппа-диакона — покровителя железнодорожников.

Так или иначе, я понял, что если человек с младых лет не использует те благоприятные возможности, которые ему даются, то этим пользуется диавол. Почему пословица говорит: “Куй железо, пока горячо” ? Потому что раньше кузнецы сваривали железо не так, как сейчас: всяких там кислородных сварок и подобного этому не было. Кузнецы клали железо в огонь, опрыскивали его горячей водой с бурой, (натриева соль борной кислоты) сковывали железяки между собой сразу же, как только вынимали их из огня — раскаленными, разбрасывающими искры. Такие куски железа сразу же сваривались между собой, если же они успевали остыть, то ничего не получалось. Я хочу сказать, что если юный отнесется равнодушно к данным ему благоприятным возможностям, а потом станет заниматься другими, судить, осуждать — так что от него удалится Благодать Божия, — то с ним произойдет то же самое, что с остывшим железом. В то

время, когда есть божественная теплота, он — если, конечно, будет внимателен, — преуспевает. Поэтому родители должны, насколько это возможно, помогать своим детям, пока они еще маленькие. Дети — это чистые магнитофонные кассеты. Если на них будет записан Христос, то они будут с Ним всегда. Если же нет, то детям легче будет уклониться ко злу, когда они подрастут. Если человек получил духовную помощь в детстве, то он снова придет в себя, даже сбившись потом с пути. Если дерево пропитано олифой, оно не гниет. Если немного "пропитать" детей благоговением, страхом Божиим, то это будет помогать им всю жизнь.

4. Бесстыдство и неуважение.

Вольное обращение изгоняет благоговение.

Геронда, откуда происходит вольное обращение?

— Из Парижа... (игра слов: ** дерзость ** Париж в греческой транскрипции). Вольное обращение — это бесстыдство. Оно далеко отгоняет страх Божий — подобно дыму, которым мы окуриваем пчел, чтобы они улетели из улья.

— Геронда, как избежать вольного обращения?

— Ощущай себя ниже всех. Необходимо много смирения. Ты, как младшая, имей уважение и благоговение ко всем сестрам. Смиренно говори свой помысл, а не изображай из себя всезнайку. Тогда Бог будет подавать тебе Свою Благодать и ты будешь преуспевать. Вольное обращение — это злейший враг послушника, потому что оно изгоняет благоговение. Обычно за вольным обращением следует непокорность, затем бесчувствие — сначала к мелким грешкам, постепенно привыкнув к которым, человек начинает считать их естественными. Но в глубине души у него нет покоя — одна лишь тревога. И понять, что с ним происходит, человек тоже не может, потому что

снаружи сердце “засаливается” и он уже не чувствует того, что отбился от рук.

— Геронда, а какая связь между вольным обращением и простотой?

— Простота — это одно, а вольное обращение — это другое. В простоте есть и благоговение, и что-то детское. В вольном обращении есть наглость.

Часто бесстыдство может крыться и в прямоте. Если человек невнимателен, то в его прямоте и простоте часто кроется бесстыдство. “У меня прямой характер” или “я человек простой,” — говорит он с бесстыдством, сам того не понимая. Однако простота — это одно, а бесстыдство — совсем другое.

— Геронда, а что такое духовная скромность?

— Духовная скромность — это страх Божий, в хорошем смысле этого слова. Этот страх, эта скованность приносят человеку радование, они источают мед в его сердце. Духовный мед! Посмотри на какого-нибудь застенчивого мальчика — он уважает своего отца, держит себя прилично и от многой скромности не смеет даже взглянуть на него. Когда хочет его о чем-то спросить, заливается краской. Такого малыша можно помещать прямо в иконостас. А другой ребенок думает: “А ведь это всего лишь мой отец” и вольно, с наглецой разваливается перед ним. А когда ему что-то нужно, он требует это “вынь да положь,” топает ногами, грозит.

В хорошей семье дети ведут себя свободно. В такой семье живет уважение перед родителями, казарменной дисциплины и хождения по струнке там нет. Дети радуются, глядя на отца и мать, а те радуются, глядя на них. “Любовь не ведает стыда” (См.: Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 528), — говорит Авва Исаак. В любви есть дерзновение, в хорошем смысле этого слова. В любви такого рода есть благоговение, уважение к другим, то есть она

побеждает страх. У кого-то есть скромность, нерешительность, но одновременно и страх, потому что настоящей скромности у него нет. А у другого человека есть скромность, но нет страха, потому что его скромность — настоящая, духовная. Когда скромность духовна, человек ощущает радость. Например, малый ребенок любит своих отца и мать с дерзновением, не боится, что они его отшлепают. Его отец может быть даже офицером, а он хватает его фуражку, бросает ее и радуется. В нем есть добрая простота, бесстыдства в нем нет. Давайте проведем грань между простотой и бесстыдством. Если исчезнет уважение, скромность, то мы дойдем до вольного обращения, до бесстыдства. А потом можно услышать, как девушка лежит на кровати и распоряжается: "Мама, принеси мне стакан воды! И чтобы была холодная!... Фу, теплая... Я же тебе сказала: принеси холодной!" Начинают с этого и потом доходят до того, что спрашивают: "Почему это жена должна бояться мужа?" (Еф. 5:33). Однако в страхе присутствует почтение, а в почтении — любовь. Если я что-то почитаю, то я его уже и люблю, и то, что я люблю — почитаю. Жена должна иметь почтение к мужу. Муж должен любить жену. Но сегодня люди истолковывают Евангелие шиворот-навыворот и поэтому уравнивают все, а после распадаются семьи. "Жена должна быть послушной," — говорит муж. Но если у тебя нет любви, то ты не сможешь заставить быть тебе послушной даже кошку. Если у тебя нет любви, то человек остается без извещения, и ты не можешь попросить его даже о том, чтобы он принес тебе стакан воды. Уважая своего ближнего, человек уважает самого себя, но при этом самого себя в расчет не берет. В уважении к другим есть любочестие, если же забота человека направлена на себя самого, то любочестия в этом нет.

Почтение к старшим.

Геронда, иногда я грублю старшим. Я понимаю, что веду себя плохо и исповедую этот грех.

— Раз ты это понимаешь и исповедуешься, то потихоньку ты

возгнушаешься собой, в положительном смысле этого слова, и смиришься. Тогда придет Благодать Божия, и ты избавишься от этой дурной привычки.

— А я, Геронда, иногда шучу с сестрами и по любви поддразниваю их. Однако я боюсь дойти до вольного обращения.

— Это не дело, ведь ты же младшая! В семье обычно взрослые подшучивают над детьми и играют с ними, а не наоборот. Так радуются и взрослые и дети. Но дразнить деда или бабушку малышу не приличествует. Каково будет, если карапуз ни с того ни с сего подскочит к отцу, схватит ею за шиворот и начнет щекотать! Но когда взрослый ущипнет малыша, это совсем другое дело. Тогда ребенок ведет себя, в добром смысле этого слова, раскрепощенно, взрослый становится ребенком, и радуются и тот, и другой.

— Геронда, бывает так: помысл говорит мне о том, что нечто совершается неправильно, я высказываю свое мнение старшим, а они этого не принимают. Следует ли мне с ними согласиться?

— Нет, со злом не соглашайся. Говори доброе, правильное, но правильно и по-доброму: “Может быть, лучше сделаем так? Я говорю тебе это просто, как помысл.” Или же говори: “У меня есть такой-то помысл.” Таким образом, ты становишься магнитом и притягиваешь к себе Благодать Божию. Некоторые говорят вольно по привычке, а не оттого что стремятся выразить свое мнение. Как бы то ни было, младшему в любом случае необходимо иметь уважение к старшему. Но и сам старший, если можно так сказать, нуждается, чтобы его уважали. И даже если у него есть недостатки, доброе у него все равно есть — какой-то опыт и тому подобное. Ты, когда тебя спрашивают, смиренно и с уважением высказывай свой помысл, но при этом не надо иметь в себе внутренней уверенности в том, что дело обстоит именно так, как ты себе представляешь. Ведь кто-то другой может знать то, чего ты не знаешь, или то, о чем ты не подумала. Если человек услышит, как обсуждается какая-

то тема, и в связи с этим ему в голову придет какая-то мысль, по его мнению более правильная, то ему следует сказать: “Мне пришло на мысль” — если он разговаривает со своим сверстником. Если же он разговаривает с человеком старшего возраста, то ему следует сказать: “Мне пришел хульный помысл.” Потому что вмешиваться в чужие дела — это бесстыдство, даже если высказываемое мнение правильно.

— А говоря “уважение к старшему,” Вы имеете в виду старшего по годам или по духовному возрасту?

— Главным образом по годам. Ведь посмотри: человек, который находится в духовно преуспевшем состоянии, относится к тому, кто старше его, с уважением, почтением.

— Геронда, а естественно ли человека, младшего по возрасту, но духовно преуспевшего, уважать более того, кто старше годами, но духовно преуспел меньше?

— Нет, это неправильная постановка вопроса. В каком бы состоянии ни находился тот, кто старше годами, ты должен отнестись к нему с почтением ради его возраста. Отнесись к людям с почтением: к тому, кто старше — за его годы, к тому, кто младше — за его благоговение. Если есть уважение, то младший с почтением относится к старшему, а старший — к младшему. В уважении присутствует любовь. “Емуже дань — дань, емуже честь — честь" (Ср. Рим. 13:7), — говорит Апостол Павел.

— А если младшие делают замечание старшим, это плохо?

— Это типикон нового поколения. Но в Священном Писании написано: *“Обличи брата твоего“* (Ср. Мф. 18:15). “Обличи отца твоего” там не написано. Нынешняя молодежь спорит, бунтует, сама не понимая этого. Свое поведение они считают естественным. Они разговаривают с бесстыдством, а потом говорят: “Я сказал это просто так.” Молодежь попала под воздействие духа мира сего — развинченного, хулиганского духа, который ничего не чтит и не

уважает. Младшие ведут себя по отношению к старшим без уважения и не понимают, насколько это плохо. Что можно ждать хорошего, если молодой человек якобы для того, чтобы быть яркой индивидуальностью, говорит, что уважение к старшим свой век отжило? Необходимо многое внимание. Современный мирской дух внушает молодежи: “Не слушайте родителей, учителей.” Поэтому нынешние дети с самого малого возраста становятся всё хуже и хуже. А больше всего портятся те дети, родители которых, не понимая того зла, которое они им делают, восхищаются своими чадами и считают их какими-нибудь там “вундеркиндами,” когда те разговаривают с бесстыдством. Как-то раз ко мне в каливу пришел отец с сыном лет восьми-девяти и племянником того же возраста. Одного мальчугана я посадил справа, а другого слева от себя. А незадолго до них ко мне пришел один знакомый художник, очень хороший человек и мастер своего дела — за одну минуту может нарисовать портрет с натуры. “Дионисий, — попросил я его, — нарисуй-ка детей, вот как мы сейчас с ними вместе сидим.” — “Сейчас попробую, — ответил он, — но не знаю, удастся ли мне это, потому что они вертятся.” Едва только он взял лист бумаги и начал рисовать, как один ребенок вскочил и “уважил” его: “Сейчас посмотрим, придурок, что ты там нарисуешь!” А вокруг полно народу! Но молодой человек нисколько не смутился. “Таковы, отче, нынешние дети,” — сказал он мне и продолжил рисование. У меня же кровь ударила в голову! А отец ребенка вел себя так, словно ничего не произошло! Твои дети так хамят тридцатилетнему человеку, который их же еще и рисует в придачу! Сколько же в этом бесстыдства и неуважения! Сколько всего еще кроме этого! Как же это страшно! И вот представь теперь, что кто-то из этих детей захочет стать монахом. Для того, чтобы такой ребенок стал настоящим монахом, необходимо много работы. Матери, не следя за своими детьми, их разрушают. Вся основа в матерях. В России если что-то и изменилось, то лишь потому, что матери тайно удержали веру, благоговение и помогли своим детям. К счастью для нас, в христианских семьях сохранилось немного закваски. Иначе бы

мы погибли.

— Геронда, а смогут ли дети, которые растут таким образом, измениться или стать монахами, если впоследствии они этого захотят?

— Если они осознают то, что вели себя нехорошо, то Христос поможет им. То есть, если в человека войдет добрая обеспокоенность, то вопрос можно считать закрытым. Но как исправятся такие дети, если, став монахами, они по-прежнему считают себя правыми и говорят об игумене или игуменье: “Что у нас за диктатор? Где это видано, чтобы такое творилось в нашу эпоху?!” Некоторые монашествующие доходят и до того, что говорят мне подобные глупости.

Мало-помалу уважение совершенно сходит на нет. Ко мне в каливу приходят молодые ребята, и большинство из них сидят нога на ногу, а старым людям некуда присесть. А другие, видя чуть подальше свободные пеньки для сидения, ленятся пройти два шага, перенести их поближе и сесть. Я сам должен ворочать для них эти пеньки. И даже видя, как я их несу, они не подойдут и не возьмут их у меня. Хотят попить воды, но сами не хотят пройти нескольких метров, чтобы ее зачерпнуть. Я сам должен принести им и по второй кружке. Нет, правда, меня поражает: приходят группы по тридцать здоровенных парней, глядят на то, как я, ковыляя, несу большую коробку лукума, бидон с водой, кружки, чтобы их же и напоить, но ни один из них даже не шелохнется, чтобы мне помочь. А пропахший порохом генерал-майор, сидящий рядом с ними, встает и спешит мне на помощь! Молодежь думает, что в афонской каливе к ним тоже подойдет официант и обслужит их — подобно тому, как он подходит где-нибудь в ресторане или в гостинице. Раз пять-шесть я даже проделал такую штуку: шел за бидоном, с трудом ковылял, приносил им воду и выливал ее на землю у них перед носом! “Воды-то, парни, я вам принести могу, — говорил я им, — да только она вам не на пользу пойдет!”

В городском транспорте видишь, как дети сидят, а пожилые люди стоят. Молодые сидят нога на ногу, а взрослые люди поднимаются, чтобы уступить место старикам. Молодые свои места не уступают. “Это место, — говорят, — мною оплачено.” Сидят и ни на кого не обращают внимания. А какой дух был в прежние времена! По обеим сторонам узеньких улочек сидели женщины, и когда мимо проходил священник или пожилой человек, они вставали. И детей своих тоже приучали к этому.

Сколь же часто я прихожу в негодование! Приходится видеть, как беседуют пожилые, степенные, заслуженные люди, а молодые наглецы беззастенчиво вмешиваются в разговор, прерывают его, несут всякую чушь и еще считают это достижением. Делаю знак, чтобы они прекратили, но те не обращают на это никакого внимания. Для того, чтобы остановить, приходится выставлять их на посмешище — иначе будут продолжать свое. Ни в каком Отечнике или Патерике не написано, чтобы молодые люди подобным образом разговаривали со старшими. В Отечнике написано: “рече старец,” а не “рече юнец.” В старое время младшие молчали в присутствии старших и радовались, что молчали. Они даже не садились там, где сидели старшие. Юные той эпохи отличались застенчивостью, скромностью, благоговением, говоря со старшими, они заливались румянцем. А уж если бы кто-то из детей того времени нагрубил родителям, то он от стыда и на базаре не смел бы появиться! А на Святой Горе монах не участвовал в хоровом торжественном пении, если его борода еще не была седой. А сейчас видишь, как в хоры собираются и послушники, и кандидаты в послушники... Ладно, что делать — но пусть, по крайней мере, выучатся вести себя с уважением к старшим и с благоговением.

Можно услышать и такое: воспитанник Афониады заявляет ректору, который облачен архиерейским саном: “Владыко ректор, мы с вами будем говорить как равный с равным.” Да-да, доходят уже до этого! И худо то, что потом этот юнец не понимает,

что здесь плохого, упорствует: “Ну и что я такого сказал? Не понимаю.” Вместо того, чтобы попросить владыку ректора: “Прошу прощения, благословите мне высказать один помысл? Но, может быть, то, что я скажу, будет и глупостью,” подросток как ни в чем не бывало заявляет: “У тебя свое мнение, а у меня свое.” Тебе понятно? К несчастью, этот дух проник и в духовную жизнь, и в монашество. Слышишь, как послушники жалуются: “Я говорил об этом Старцу, но он меня не понимает. Хотя я напоминал ему об этом неоднократно!” — “Слушай-ка, —говорю я, — да как же у тебя язык-то поворачивается говорить это “неоднократно”? Ведь тем самым ты словно говоришь: “Старец так и не исправился.” — “Ну а что, отвечает, — разве я не могу выразить своего мнения?” Когда слышишь такое, просто взрываешься. А под конец он еще тебя спрашивает: “Что, расстроился? Ну, прости меня.” То есть я должен его простить не за то, что он сказал, а за то, что у меня кровь ударила в голову!

Люди дошли уже до того, что винят Бога.

— Геронда, а тенденция судить всех и вся была у людей всегда или же она появилась только в нынешнем молодом поколении?

— Нет, раньше такого не было, это дух нынешней эпохи. Сейчас судят мирян, судят всех политических и церковных деятелей, но этого мало — судят даже Святых и доходят уже до того, что судят Бога. “Бог, — говорят такие люди, — не должен был совершать то-то и то-то. Ему следовало бы поступить так-то и так-то, а Он поступил неправильно.” Слышишь, что несут? “Брат ты мой, ты что ли будешь Ему указывать? “ — “А что? Я выражаю свое мнение,” — отвечает он, не понимая, сколько в этом бесстыдства. Мирской дух разрушил много доброго. Зло развивается и доходит до скверного, уродливого состояния, доходит до богохульства. Люди судят Бога, и их даже не беспокоит помысл, что это хула на Него. А некоторые молодцы из тех, кого Бог ростом не обидел, если у них в голове есть при этом хоть немного способности к суждению, начинают говорить про других: “Это что еще за пигмей? Ну а это что за косолапый?

А на этого полюбуйся!" — и не считаются ни с кем.

Как-то раз ко мне в каливу пришел один человек и заявил: "В таком-то вопросе Бог не должен был поступать так, как Он поступил." — "А ты можешь, — спросил я его, — удержать на воздухе хотя бы один маленький камушек? Звезды, которые ты видишь на небе, это ведь не блестящие игрушечные шарики. Это небесные тела колоссальных объемов, которые несутся с головокружительной скоростью и при этом не сталкиваются друг с другом и не отклоняются от своего курса." — "А по-моему мнению, — снова говорит он мне, — это следовало устроить по-другому." Ты только послушай! Да неужели мы будем судить Бога? Появилось много логики, и исчезло доверие Богу. А если сказать таким людям, что они неправы, то они ответят: "Извини, но я высказал свое мнение. Разве я не имею на это права?" Чего только не приходится Богу слышать от нас! К счастью, Он не относится к нам всерьез.

В Ветхом Завете говорится о том, что Бог повелел израильтянам изгнать из страны всех хананеев без остатка (См. Втор. 7:2). Раз Бог дал такие повеления, значит Он что-то предвидел. Но израильтяне сказали: "Это не очень-то человеколюбиво. Давайте оставим хананеев, не будем их истреблять." Однако прошло время и, заразившись от хананеев, они были увлечены в безнравственность, идолослужение и приносили в жертву идолам собственных детей, как говорится об этом в псалме (См. Пс. 105:37: *"И приносили сыновей своих и дочерей своих бесам"*). Бог знает, что делает. А некоторые с бесстыдством спрашивают: "Зачем Бог создал адскую муку?" Человек начинает судить и с этого момента теряет доброе духовное состояние. У него нет [даже] малой Благодати Божией, чтобы понять что-то чуть глубже, то есть понять, по какой причине Бог создал то или другое. Суд, гордыня, эгоизм — вот что такое все эти "зачем?" и "почему?"

— Геронда, некоторые молодые люди спрашивают: "А зачем

было распинаться Христу? Что, разве Он не мог спасти мир по-другому, без распятия?”

— Да тут Он спас его Распятием и людей это не трогает! А что говорить, если бы Он спас его по-другому? А некоторые говорят: “Бог-Отец никак не пострадал. Это Сын принес Себя в жертву.” Но, по-моему, любой отец предпочел бы сам пожертвовать собой, только бы не отдавать в жертву свое дитя. Для отца больше страдания доставляет видеть, как жертвует собой его дитя, чем жертвовать собой самому. Но что ты скажешь людям, если они не понимают, что значит “любовь”?

А еще один человек сказал мне следующее: “У Адама было двое детей — Авель и Каин. Так откуда же взялась потом жена Каина?” Однако, почитав Ветхий Завет, человек узнает, что после рождения Сифа Адам *“родил он сынов и дочерей”* (Быт. 5:4). А Каин после убийства своего брата убежал в горы (Быт. 4:14-15). Он и не знал, что та, которую он взял себе в жены, была его сестрой. Бог устроил так, чтобы люди были одного рода-племени, “чтобы между ними не было злобы и преступлений, чтобы они говорили: “Мы дети одних родителей — Адама и Евы,” и это сдерживало бы человеческую злобу. Но даже несмотря на это — посмотри, какая злоба живет сегодня между людьми!

Как же я мучаюсь с некоторыми из людей, подобных тем, о которых сказано выше, когда они приходят ко мне в каливу! В конце концов, [видя, что дальше вести с ними беседу бесполезно,] я говорю: “У меня болит голова, а аспирина нет.” А они, уходя, еще расстраиваются, обижаются. “Мы проделали такой дальний путь, а он говорит нам, что у него болит голова,” — сетуют они, не понимая, почему я жалуюсь на головную боль. А некоторые предлагают: “Так, может быть, тебе аспирину принести?”

Бесстыдство изгоняет божественную Благодать.

Требуется многое внимание. Развязное и невнимательное

поведение — это препятствие для божественной Благодати. Отсутствие уважения к людям — самое большое препятствие для того, чтобы к человеку приблизилась божественная Благодать. Чем большее уважение к родителям, учителям, вообще к старшим имеют дети, тем большую божественную Благодать они приемлют. Чем они развязнее, непослушнее, тем больше их оставляет Благодать Божия. Мирская свобода изгнала не только благоговение, но даже элементарную мирскую вежливость. Некоторые ребята не стесняются крикнуть своему отцу: “Эй, батя! У тебя сигареты есть? А то мои кончились.” Разве раньше можно было такое услышать? Даже если подросток покуривал, он делал это тайком. А сейчас —как ни в чем не бывало! Как же после этого дети не будут вконец лишены божественной Благодати? Нынешние девицы в присутствии отца и матери самыми площадными выражениями поносят своих братьев за то, что те ходят в церковь, а отец только помалкивает. У меня волосы дыбом встали, когда я об этом услышал. Потом, оставшись один, я даже начал разговаривать сам с собой.

Мирская среда и мирские родители разрушают детей. Среда оказывает на детей сильное воздействие. Детей, у которых есть скромность и любочестие, немного. Большинство озлобленных, ожесточенных детей становятся такими, потому что ведут себя с бесстыдством. Многие родители приводят ко мне своих детей и говорят: “Отче, в моем ребенке бес.” А я вижу, что в этих детях нет беса. Да Боже упаси! Детей, имеющих в себе беса, не так много. Все остальные подвергаются бесовскому воздействию извне. То есть в самих детях беса нет, он помыкает ими извне. Но и действуя извне, он свое дело все равно делает. А с чего все это начинается? С бесстыдства. Разговаривая со старшими с бесстыдством, дети отгоняют от себя Благодать Божию. А когда уходит Благодать Божия, приходят тангалашки и дети ожесточаются, бесчинствуют. И наоборот: дети, которые имеют благоговение, почтительность, слушаются родителей, учителей, старших, непрестанно приемлют Благодать Божию. На таких

детях пребывает Божие благословение. Их покрывает Благодать Божия. Большое благоговение перед Богом вместе со многой почтительностью к старшим привлекает в души детей многую божественную Благодать и наполняет их Благодатью до такой степени, что божественное сияние Благодати выдает их другим. Благодать Божия не идет к маленьким бунтовщикам и безобразникам, она идет к любочестным, благоразумным, благоговейным детям. Детей, имеющих почтительность, благоговение, видно. Их глаза сияют. И чем больше уважения они имеют к родителям и вообще к старшим, тем большую Благодать Божию они приемлют. Чем они развязнее, непослушнее, тем более Благодать Божия их оставляет.

Ребенок, который имеет к другим претензии, ребенок, которому ничем не угодишь, — то ему не так, это не эдак, — превратится в бунтаря, превратится в диавола. Ведь и Денница хотел поставить свой престол выше Престола Божия. Посмотрите — ведь все дети, чьи прихоти исполняются родителями, становятся маленькими бунтарями. И если дети не покаются, чтобы освободиться от этой недоброй волны, обуревающей их, если они и дальше будут вести себя с бесстыдством, тогда — Боже упаси! — Благодать Божия оставляет их вдвойне. И они доходят даже до того, что и о Боге говорят непочтительно, после чего ими уже командуют злые духи.

“Чти отца твоего и матерь твою…”

До чего же дошли нынешние дети! Не могут вытерпеть ни единого слова. А уж где там вытерпеть березовой каши! Дети непочтительны, очень эгоистичны и неврастеничны. Они злоупотребляют свободой. Ребенок заявляет своим родителям: “Я отведу вас в полицию.” Не так давно один пятнадцатилетний подросток накуролесил так сильно, что отец дал ему оплеуху. Тогда сыночек пошел в полицию, подал иск на собственного отца и того отдали под суд! Во время суда отец сказал: “Вы творите надо мной неправедный суд. Ведь если бы я не дал своему сыну той пощечины, то он угодил бы в тюрьму. А больно

за него было бы не вам, а мне.” После этих слов он схватил юного “истца,” залепил ему две оплеухи и сказал: “Вот за эти оплеухи меня и судите, а не за ту. Сейчас сажайте меня в тюрьму, потому что я ударил его ни с того ни с сего.”

Я хочу сказать, до чего докатились дети. Таков их нынешний “менталитет.” В прежнее время родители ругали нас, могли дать нам ремня, но злого помысла у нас не было. Даже ремень мы принимали как ласку, не противореча, не углубляясь в то, сильно ли мы провинились или не очень. Мы верили, что ремень тоже шел нам на пользу. Мы знали, что родители любили нас и иногда ласкали, иногда целовали, иногда давали нам по затылку, потому что и родительская оплеуха, и родительская ласка, и родительский поцелуй — все это, — как бы получше выразиться, — все это от любви. Когда родители бьют своих детей, страдает их собственное родительское сердце, а когда дети принимают от родителей побои, то у них болит только щека. Стало быть, сердечная боль сильнее, чем боль от пощечины. Что ни делай мать своим детям: ругай она их, бей, ласкай — все это она делает от любви, все это исходит от одного и того же любящего материнского сердца. Однако, когда дети, не понимая этого, разговаривают с бесстыдством, противоречат и артачатся, они изгоняют из себя Божественную Благодать. А после этого уже закономерным будет принятие ими соответствующего бесовского воздействия.

— Геронда, но разве не бывают и горе-родители?

— Да, бывают. Однако детям, имеющим таких родителей, помогает Бог. Бог не несправедлив. И на грушах-дичках бывает полным-полно плодов. На Афоне, у дороги, ведущей к моей каливе, растет одна дикая алыча. Так на ней даже листьев не видно от множества плодов. Ветки ломаются под их тяжестью. А окультуренные деревья, несмотря на то, что их опрыскивают, [часто] не дают плодов вовсе.

Разрыв поколений.

Мир превратился в сумасшедший дом. Малые дети ложатся спать в полночь, тогда как им следовало бы ложиться сразу после захода солнца. Они заперты в многоэтажки, заключены в бетон, они живут по распорядку взрослых. Что поделать детям и что поделать взрослым? Приходят дети и говорят мне: “Нас не понимают родители.” Приходят родители и говорят мне: “Нас не понимают наши дети.” Между родителями и детьми образовалась пропасть, и чтобы она исчезла, родители должны поставить себя на место детей, а дети — на место родителей. Если сейчас дети не мучают родителей, то потом, когда сами они станут взрослыми, их не будут мучить и их собственные дети. И наоборот: тех, кто сейчас не слушается и мучает родителей, впоследствии будут мучить их собственные дети, потому что вступят в действие духовные законы.

— А некоторые дети, Геронда, говорят, что они испортились от чрезмерной любви к ним родителей.

— Они неправы. Когда у ребенка есть любочестие, он не портится от родительской любви. Но, извлекая из родительской любви корысть для себя, ребенок испортится, погибнет. Если ребенок портится от любви родителей, то, по сути, он уже испорчен. Ему следовало бы благодарить Бога за родителей, их любовь, а он вместо этого недоволен тем, что к нему относятся по-доброму. Ведь у некоторых детей вообще нет родителей! И что тут скажешь? Когда ребенок не признает родителей за своих благодетелей и не любит их — даже при том, что у его родителей есть страх Божий, — то как он может любить и чтить Бога — своего Великого Благодетеля и Отца всех людей? Ведь осознать великие Божий благодеяния в детском возрасте очень непросто.

5. Внутреннее неустройство людей.

Люди одеваются соответственно своему внутреннему

состоянию.

Геронда, пожелайте мне что-нибудь.

— Желаю, чтобы ты стала “духовно ряженой,” подобно юродивой Святой Исидоре, чтобы ты достигла “доброго лицемерия.” (Блаженная Исидора подвизалась в женском Тавеннисиотском монастыре, основанном Преподобным Пахомием Великим в начале IV века на берегу реки Нил в Верхней Фиваиде. Неся подвиг юродства ради Христа, Блаженная притворялась лишенной разума и бесноватой, смиряла и уничижала себя. Вместо монашеского куколя она покрывала голову лохмотьями, ходила босиком, без ропота и со смирением принимала от других уничижения и побои. Святость Блаженной была открыта в ангельском видении отшельнику Авве Питириму, который, в свою очередь, рассказал о ней всем сестрам монастыря. После этого, желая избежать славы человеческой, Блаженная тайно покинула обитель и подвизалась в безвестности до самого дня своей кончины. Память преподобной Исидоры совершается 10 мая. См. Жития Святых, месяц май, день десятый). Посмотри — несчастные мирские люди празднуют свое мирское лицемерие и одеваются соответственно своему внутреннему состоянию. В старые времена ряжеными одевались только раз в году — на масленицу. Сейчас большинство людей — ряженые постоянно. То есть в старину ряженых можно было видеть только семь дней в году — на масленицу, а сейчас их видно каждый день... Каждый одевается так, как ему подсказывает помысл! Люди стали вконец чудаками. Они сошли с ума! Мало людей сдержанных, скромных — будь то мужчины, женщины или дети. Особенно женщины — они уже дошли до предела. Сегодня, по дороге в город я видел одну такую особу, обмотанную широченной лентой — как бинтом все равно, в каких-то немыслимых высоченных сапогах и коротенькой юбке. “Так модно,” — объяснили мне. Другие женщины вышагивают вот на таких тонюсеньких каблуках. Чуть где неровно ступят — точно угодят к хирургу-ортопеду. А уж про прически лучше вообще помолчать... Видел ещё одну “красавицу,” простит меня Бог — что же это был за человек! Лицо какое-то дикое. В зубах сигарета: “пых-пых!”... Глазища красные! Говорят, что сейчас люди взяли за правило не курить дома, когда дети маленькие. А несчастные дети рождаются уже прокопченными, как селедка! И кофе тоже во вред, от него потом гримасничают как и не знаю кто. Ушла Благодать Божия, вконец покинула людей.

Помню, в бытность мою на Синае приезжали люди, одетые так, что даже не находилось слов... Как мне было больно глядеть на приезжавших в обитель туристок! Как же они безобразно выглядели! Все равно, что видишь выброшенные на помойку

прекрасные византийские иконы, с той лишь разницей, что люди — иконы Бога —выбросили себя на помойку сами. Однажды я увидел одну женщину, одетую во что-то наподобие фелони (Фелонь — священническая риза.), и сказал: “Ну, слава Богу, хоть одна одета более-менее прилично. Ладно, чего уж там, пусть хоть в фелони, хоть в мелочи, зато, по крайней мере, отличается от остальных.” Но вот “дама в фелони” поворачивается ко мне лицом... Что я вижу! Все спереди у нее было полностью открыто!

До чего докатились люди! Мне прислали фотографию одной невесты с просьбой помолиться, чтобы ее брак был счастливым. Её свадебное платье не укладывалось в рамки никаких приличий. Быть так одетой, значит, нечестиво относиться к Таинству, к священному пространству Церкви. Духовные люди и то не думают, что же взять с остальных? Поэтому я и говорю, что если и монастыри не станут удерживающей силой, то никакого другого тормоза не найдется. Сегодня люди необузданны, у них нет тормозов.

В старину, когда были Христа ради юродивые, в мире было очень мало сумасшедших. Так, может быть, нам стоит попросить Христа ради юродивых исцелить юродивых от природы и снова явиться в мире юродивыми ради Христа? Да что там говорить: сегодня видишь и слышишь самые немыслимые вещи. Один человек рассказал мне, что нынешние модники-лоботрясы берут свою одежду, в разных местах специально протирают и лохматят ее, потом разрезают и толстенной иглой нашивают на нее заплатки. Я как это услышал, даже перекрестился. Ну ладно, для рабочего человека естественно быть так одетым. Но для лоботряса!.. А потом это человек рассказал мне и кое-что еще. “Расскажу, — говорит, — тебе, Геронда, и кое-что похлеще. Моя жена встретила как-то на площади Согласия (Центральная площадь в Афинах.) одного паренька из семьи наших друзей. Видит она, что штаны у парня разодраны на том месте, откуда ноги растут. “Детонька, — говорит моя супруга, — прикройся ты хоть ладошкой сзади...” — “Оставь меня в покое! -отвечает ей юный лоботряс. — Сейчас

мода такая!” Несчастные дети!..

— Геронда, некоторые носят блузки, рубашки с изображениями Святых. Можно ли это делать?

— Если Святые изображены на блузках или куртках, то пускай, ничего страшного. Лучше пусть носят на себе изображения Святых, чем картинки с диаволом. Но изображать Святых на брюках негоже. Это неблагоговение. Есть такие благоговейные люди, что любят украшать одежду разными христианскими рисунками. Например, когда Патриарх Димитрий был в Америке, там выпустили блузки, футболки с изображением Патриарха и храма Святой Софии в Константинополе.

— Они сделали это от благоговения?

— Ну не евреи же это сделали, а христиане. Есть ведь и люди, которые делают что-то хорошее, так же как наряду с шарлатанами есть хорошие врачи.

— Геронда, бесчинство в одежде происходит и от влияния из-за рубежа?

— Ну а откуда еще? Поэтому в годы моей юности и говорили: “Ну, это люди из Смирны...” Смирна была приморским городом и туда стекались многие иностранцы. Святой Арсений был очень строг в отношении одежды. Одна девушка из Фарас вышла замуж и носила пестрый платок, привезенный из Смирны. Святой Арсений неоднократно делал ей замечания, говорил, чтобы она выбросила этот платок и одевалась скромно, как все фарасиотки. Молодая щеголиха его не слушала. Однажды Святой Арсений вновь увидел ее в пестром платке и строго сказал: “Западных болячек мне в Фарасах не нужно. Знай, что если ты не образумишься, то дети, которых ты будешь рожать, будут умирать после своего крещения. Они как ангелы будут уходить к Богу, но тебе не придется порадоваться ни о ком из них.” Но она и после этого не образумилась, и у нее умерло два

младенца. Только тогда она остепенилась, выбросила свой пестрый платок, пришла к Святому Арсению и попросила у него прошения.

— Геронда, а помогает ли в духовной жизни темная одежда тому, кто хочет стать монахом?

— Да, темная одежда очень помогает. Она помогает убежать из мира, тогда как яркой цветной одеждой человек цепляется за мир. Если тот, кто собирается стать монахом, говорит: “Вот когда уйду в монастырь, тогда и буду одеваться в черное, тогда и буду исполнять монашеское правило," — то он и там, в монастыре, сделает свою жизнь... черной. Если же, еще находясь в миру, человек делает с радостью то, что должны делать монахи, и с нетерпением ждет этого, то он и в миру радуется духовно и потом, в жизни монашеской, будет идти вверх, перескакивая через две и через три ступеньки.

— Геронда, иногда дети, ходящие в Церковь и скромно одевающиеся, подвергаются со стороны старших сильным нападкам.

— Делая так с верой и от сердца, они и старших ставят на свое место. Я был знаком с одной девушкой, которая носила черное платье с длинными рукавами. Какое же у нее было благоговение! Как-то раз одна шибко “моднючая” старуха начала ее упрекать: “И не стыдно тебе, молоденькой девушке, ходить в черном и с длинными рукавами?” — “Раз вы, пожилые, не даете нам таких примеров, — ответила ей девушка, — то, по крайней мере, будем одеваться в черное мы, молодые.” Так она поставила старую модницу на место.

Видишь как: какая-то женщина хоронит мужа и тут же одевается в яркую одежду. Что тут скажешь? А вот моя сестра, оставшись вдовой двадцати трех лет от роду, уже не снимала черного платья до самой своей смерти. Для меня блаженны не те броско одетые горемычницы, что проводят греховную —

“броскую” — жизнь, а те вдовы, которые в сей жизни, пусть и не по своей воле одевшись в черное платье, живут белой, светлой жизнью и не ропща славословят Бога.

Иногда трудно отличить мужчину от женщины.

Однажды к Премудрому Соломону, желая его испытать, привели детей — совершенно одинаково одетых мальчиков и девочек, с тем, чтобы он отличил одних от других. Соломон отвел детей к источнику и велел им умыться. Наблюдая, как дети умывались, он разделил их. Девочки аккуратно, стыдливо прыскали водой в глаза, тогда как мальчики смело плескали воду в лицо и били по ней ладошками.

Сегодня мужчины стали настолько женоподобны, что часто в них и не различить мужчин. В старое время на расстоянии пятисот метров можно было отличить мужчину от женщины. Сейчас иногда не отличишь и вблизи. Не поймешь: мужчина перед тобой? женщина? Поэтому пророчество и говорит, что придет время, когда нельзя будет отличить мужчину от женщины. Старец Арсений Пещерник как-то спросил одного длинноволосого юношу: “Так кто же ты есть? Мальчик ты или девочка?” Сам Старец не мог этого понять. Раньше на Святой Горе таких стригли. Сейчас приезжают какие есть... Но я их стригу: ножницами, которыми обрезаю шерсть, когда плету четки. Знаете, скольких я уже обстриг! Я стригу их во дворе за стеной алтаря. Когда приходят такие длинноволосые, я говорю им: “Вот хорошо! А то у меня есть несколько лысых знакомых и я обещал приклеить им шевелюры. Окажите любовь, дайте вас обстричь! Что поделать, я ведь дал людям слово.”

— Соглашаются, Геронда?

— Зависит от того, как им об этом сказать. Я ведь не налетаю на них с криками: “Что за срамотища такая! Как вам не стыдно! Вы не чтите это священное место!,” но говорю: “Слушайте, парни, ведь этими волосами вы оскорбляете свое мужское

достоинство. Если вы увидите, как гвардеец почетного караула марширует по площади Согласия с дамским ридикюлем, как вы на это посмотрите? Ну, скажи, приличествует ли гвардейцу ридикюль? Давай острижем твои волосы!” И стригу. Знаете, сколько я собираю волос! Иногда, если кто-нибудь из них заартачится и начнет всякие “почему” да “зачем,” я отвечаю: “Что еще за “почему”? Разве я не монах? Вот и совершаю постриги. Ведь это моя работа.” Все дело в том, как это преподнести. Ребята смеются, а это мне и нужно. После этого я их стригу. Нет, имена при “постриге” не меняю. Только одному малому дал имя *“Достойно есть,”* потому что, когда я совершал его “постриг,” неподалеку проходил крестный ход с иконой *“Достойно есть”*! А как бывают рады родители моих “постриженников”! Знаешь, сколько благодарных родительских, материнских писем мне приходит? У! Только за это простит меня Бог!

Сейчас еще взяли моду обстригать на голове волосы, а сзади оставлять хвостик. “Эй, орлы! — спрашиваю, — какой же в этих хвостах смысл?” — “Мы, — отвечают “орлы,” — оставляем хвосты, чтобы на нас обращали внимание.” — “Чудики вы, чудики, — говорю я им, — да у людей сегодня столько проблем, что они не будут обращать на вас внимания, даже если вы станете им за это платить!” А другие, здоровенные дылдища носят в ушах сережки. Сколько же я поснимал с них этих сережек!

— А некоторые, Геронда, носят только одну сережку.

— Одну серьгу носят анархисты. Одна серьга в ухе — символ анархии. Они надевают эту серьгу не для того, чтобы украсить себя, как женщины. Они протыкают свое ухо и надевают серьгу в знак протеста. Как-то ко мне в каливу пришел отец с сыном двадцати двух лет — длинноволосым, с бородой и сережкой в ухе. “Неприличны парням сережки, — сказал я ему. — Многие вас понимают неправильно. Мне это объяснять не нужно, но люди-то ведь не знают, что вы анархисты, и понимают это

неправильно.” После он снял сережку и отдал ее мне. Она была золотая. “Отдай ее, — говорю, — ювелиру, чтобы он сделал тебе нательный крестик.”

— Некоторые, Геронда, носят серьгу даже в носу.

— Это значит, что диавол вставил им в нос кольцо. Только уздечки не видно. А некоторые носят на шее широкие золотые цепочки — в несколько рядов. Одному я устроил выволочку, поснимал с него все эти побрякушки и сказал: “Отдай это золото какому-нибудь сироте. Или вручи его своей матери, чтобы она передала его какому-нибудь бедняку.” После того, как я привел его в более-менее божеский вид, он меня спрашивает: “Что мне делать?” — “Начни с того, — говорю, — что надень на себя крестик на скромной цепочке.” Подумать только — мужчины, а носят золотые украшения! Стоит перед тобой, весь сверкает золотом, на шее в два-три ряда толстенные золотые цепочки — принцессы и то таких не носят, стоит и жалуется, какие у него проблемы! А проблема-то как раз в этом! Его проблемы — это епитимья, которую он несет. С одних я снимаю эти побрякушки сам, другим говорю, чтобы они сделали это своими руками. Люди потеряли меру. Они стали вконец никуда негодными. Некоторые носят на шее знаки зодиака. “Что это? — спрашиваю одного. — Первый раз такое вижу.” — “Это, — отвечает, — зверушка такая, мой знак зодиака.” А мне сперва показалось, что это иконка Божией Матери. “Что же, — говорю, — сами-то вы разве тоже зверушки из зоопарка, коли носите на себе эти знаки зодиака?” Ой, чудные... Внутреннее бесчинство выпирает наружу. Давайте же молиться, чтобы Бог просветил молодежь и сохранил немного закваски.

Люди жаждут простоты.

Хорошо, что люди жаждут простоты. Они дошли до того, что ввели простоту в моду, пусть внутри у них простотой и не пахнет. Некоторые приезжают на Святую Гору в вылинявшей потертой одежде, и я задаюсь вопросом: “А почему они так одеты? Ведь

они же не работают в поле?” Один разговаривает на безыскусном деревенском языке, потому что для него это естественно, и ты радуешься, слыша журчание деревенской речи. А другой подделывается в своей речи “под селянина,” но от его “мужицкого говора" становится тошно. А некоторые приезжают на Святую Гору при галстуках... Из огня да в полымя... Один такой “паломничек” взял с собой на Афон шесть или семь галстуков. Утром, собираясь идти ко мне, он надел галстук, костюм — вырядился как на парад. “Что ты там копаешься?” — спрашивает его кто-то. “Собираюсь к отцу Паисию,” — отвечает он. “А зачем ты так торжественно одеваешься?” — “Затем, — отвечает, — чтобы сделать ему честь.” Ох, до чего же мы докатились!

У людей совершенно нет простоты. От этого молодежь и начала бродяжничать, скитаться, не находить себе места. А духовные люди, не умея жить просто, будучи “застегнутыми на все пуговицы,” молодежи не помогают. Нынешней молодежи не с кого взять пример, и она начинает вести образ жизни бродяг. Потому что, видя в христианах людей, застегнутых на все пуговицы, людей, затянутых галстуками, важных и надутых, молодые не находят в них никакого отличия от людей мира сего и потому противостоят. Если бы они видели в духовных людях простоту, то не доходили бы до такого состояния. Но молодые сейчас отличаются мирским духом, а христиане — мирским чином. “Нам, христианам, следует ходить так, это делать сяк, а это — эдак...” Христиане ведут себя так не от сердца, не от благоговения, а потому, что “так следует себя вести.” А молодые, видя все это, говорят: “Что это? Ходить в церковь с затянутой шеей? А ну, пошли отсюда!” Они сбрасывают с себя всё и бродят раздетыми. Их бросает в другую крайность. Тебе понятно? Все это молодежь делает, выражая свой протест. У молодых есть идеалы, но им не с кого взять пример. Их стоит пожалеть. Поэтому нужно, чтобы кто-то “задел” их любочестие, тронул их своей простотой. Молодые люди негодуют, видя, как даже духовные люди, даже священники пытаются сдержать их с

помощью мирских ухищрений. Однако, встречаясь со скромностью, а также с простотой и искренностью, молодые задумываются. Потому, что если в человеке есть искренность, и он не берет себя в расчет, то он прост и имеет смирение. Все это дает покой ему самому, но в то же время заметно и для другого. Другой человек чувствует, больно ли тебе за него или же ты лицемеришь. Какой-нибудь бродяга лучше, чем христианин-лицемер. Поэтому нужна не лицемерная "улыбка любви,” а естественное поведение, не злоба и притворство, но любовь и искренность. Меня больше трогает, если человек упорядочен внутренне, то есть если у него есть уважение и настоящая любовь к другим, если он ведет себя просто, а не по установленным “моделям поведения.” Ведь в противоположном случае человек застревает на одном внешнем и становится внешним человеком, то есть тем самым ряженым на масленицу.

Внутренняя чистота прекрасной души истинного человека красит и его внешний вид, а божественная сладость Божией любви услаждает даже его облик. Внутренняя душевная красота духовно красит и освящает человека даже внешне, посредством божественной Благодати она выдает его другим. А кроме этого, она украшает и освящает даже ту некрасивую одежду, которую носит исполненный Благодати человек Божий. Батюшка Тихон (О Старце Тихоне см. в кн.: Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 13-39) сам толстой иглой шил скуфейки из обрывков рясы. Эти скуфьи были похожи на какие-то кульки, но он носил их и они излучали многую Благодать. Какую бы одежду ни надевал Старец — старую или мешковатую, она не выглядела некрасивой, потому что своей внутренней душевной красотой он делал красивой и ее. Как-то раз один посетитель сфотографировал Старца в том виде, как его застал, — с кульком вместо скуфьи на голове и в какой-то пижаме, которую он накинул ему на плечи, видя, что батюшка мерзнет. И сегодня те, кто смотрит на эту фотографию, думают, что Старец носил архиерейскую мантию, а ведь это была всего-навсего старая пестрая пижама! Даже к лохмотьям отца Тихона люди относились с благоговением и брали их себе в

благословение. Такой благословенный человек, изменивший себя внутренне и освятившийся, даже внешне имеет достоинство большее, чем все те люди, которые без конца меняют свое внешнее (то есть свою одежду), а внутри сохраняют своего ветхого человека с его "доисторическими грехами."

"На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье" (Втор. 22:5).

— Геронда, как нам относиться к женщинам, которые приходят в монастырь в брюках? Они часто говорят, что брюки не только удобнее, но и скромнее, чем короткие юбки.

— Нынешние женщины одеваются или в мини-юбки или в брюки! Выбирают одно из двух! В то время как в Ветхом Завете об этом сказано совершенно ясно и еще с какими подробностями! "Мужчине непозволительно одеваться в женское платье, а женщине — в мужское." Это закон. Но и помимо закона, одевать на себя одежду противоположного пола — непристойно. Мужчин, которые надевают юбки, гораздо меньше, чем женщин, которые носят брюки.

— Однако женщины, работающие на полях, говорят, что свободно двигаться во время работы они могут только в брюках.

— Это все отговорки.

— Геронда, а матери говорят, что девочки носят брюки, чтобы не простудиться.

— Разве нельзя придумать ничего другого? Что, нет длинных колготок? Вот пусть и носят длинные колготки, чтобы не простудиться. Можно выйти из любого затруднения — было бы желание.

— Геронда, что делать, когда в монастырь приезжают какие-нибудь официальные лица, а с ними женщина в брюках ?

— Вы им объясняйте. Спросите их, хотят ли они, чтобы вы пошли ради них на уступку, нарушили заведенный порядок и в монастыре творилось бесчинство?

— Однажды, Геронда, приехали тридцать преподавательниц в брюках, и мы пропустили их в обитель.

— Вот и плохо, не надо было этого делать. Надо было им сказать: “Извините, у нас в монастыре такое правило: женщинам в брюках вход запрещен.” А то после они поедут и в другие монастыри, там будут говорить, что в такую-то обитель их пропустили в брюках. Вы, не желая их компрометировать, сделали им снисхождение, а они потом скомпрометируют вас. Повесьте на воротах табличку с соответствующим отрывком из Ветхого Завета. Сшейте полсотни юбок и мягко, по-доброму предлагайте их женщинам в брюках или коротком платье, которые, не зная о монастырских порядках, приезжают к вам в первый раз.

— Геронда, а как быть, когда приезжают учащиеся старших классов и все девочки одеты в брюки?

— Вынесите им угощение за ворота (По традиции гостеприимства, в монастырях Греции каждого приходящего паломника встречают угощением — лукумом или какой-то другой сладостью и стаканом холодной воды. — Прим. пер)**. Это заставит их задуматься. Или если они заранее сообщают вам о своем приезде, предупредите их по телефону: “Пожалуйста, пусть учительницы и ученицы будут одеты не в брюки.” Так они поймут, что надо отнестись к монастырю с почтением. Здесь не приход. На приходе священник должен просвещать женщин, чтобы они поняли, почему им нельзя носить брюки и привели себя в божеский вид. А если иной раз в его храм придут женщины в брюках из другого прихода, то он должен что-то придумать. Церковь — мать, а не мачеха.**

— Геронда, однако, многие говорят: “Поступая с такой строгостью, вы отгоняете людей от Церкви.”

— Но раз в Ветхом Завете есть заповедь от Бога, запрещающая женщинам надевать мужскую одежду, то что им еще нужно? Но они, видишь ли, рассуждают: “Почему женщина не может носить брюки? Почему в приходские советы не могут входить атеисты — ведь Церковь и народ — это одно и то же?” Но таким образом судьба Церкви будет зависеть от решения безбожников! Вот и превратят храмы в библиотеки, склады и тому подобное, раз они ко всему подходят со своим “почему.” И что ты тут скажешь?

В монастырях не нужно терпеть и раздетых туристов. Нечего оправдываться тем, что на собранные с туристов деньги монастырь будет одевать бедняков — это уловка лукавого, который стремится сделать монаха чуждым Божьих благословений и превратить его в мирского человека. Напротив, действительное устранение монаха от мира, совершаемое ради Христа, делает его богатым добродетелями.

— Геронда, в монастыре Стомион Вы были вынуждены вешать соответствующие объявления для туристов?

— Да, я развесил дощечки-объявления. Одна со словами “Добро пожаловать” была у входа в монастырь. Еще две висели пониже, в двадцати минутах ходьбы от обители. На одной было написано: “В одеждах неблагопристойных — на речку” и стояла стрелочка, указывающая к реке. На другой было: “В одеждах благопристойных — к священной обители” и стрелочка — указатель к монастырю. Правда, хорошо написал?

— Геронда, а что нам делать летом? В это время года многие женщины приходят в обитель с открытой спиной.

— Э, сшейте какие-нибудь попоны — закрывать им спину. Так они поймут, что надо с уважением относиться к месту, в которое они пришли.

Косметика — пятна на образе Божием.

До какого же безобразия докатились сегодня люди! Нынешние женщины делают себе разные химические завивки и волосы у них стоят дыбом — как все равно накрахмаленные. А как они пахнут! Просто аллергия начинается. Видя мирскую женщину, по-мирски украшенную, по-мирски пахнущую, я испытываю внутреннее отвращение.

Как-то мне сказали, что одна особа поехала в Германию учиться косметологии. “И что же такое косметология?” — спросил я. “Косметологи, — объяснили мне, — старух превращают в молодух!” Вот тут-то я и вспомнил, что тоже видел как-то одну пожилую “молодуху” с горизонтальным шрамом на лбу. “Что с ней, бедной?” — спросил я потом у одного её знакомого. “Ничего страшного, — ответил он. — Она сделала пластическую операцию, чтобы на лице натянулась кожа и исчезли морщины.” А я-то подумал, что несчастная бабушка попала в аварию и перенесла серьезное хирургическое вмешательство. До чего же доходят нынешние люди!

— Сегодня, Геронда, косметику грехом не считают.

— Да, это я уже понял. Недавно встретил одну женщину, с которой был знаком раньше. Прежде она была подобна ангелу, а сейчас, размалеванную, я ее даже не узнал. “Бог, — сказал я ей, — сотворил все очень премудро, но в отношении тебя допустил одну большую ошибку.” — “Почему, отче?” — удивилась она. “Потому, — говорю, — что не “украсил” тебя синевой под глазами! Это была Его ошибка! Других-то людей Он сотворил красивыми, но с тобой просчитался! Неужели ты сама не понимаешь, несчастная? Ведь всей этой косметикой ты себя уродуешь! Все равно что берешь византийскую икону и в разных местах пачкаешь ее краской, малюешь, портишь. Так что же, будем мазать краской образ Божий — [себя самих] ? Представь, что художник написал красивую картину, потом пришел человек, ничего не смыслящий в живописи, схватил кисточку и наставил на картине разных аляповатых мазков, то есть изуродовал произведение искусства. Ты делаешь то же самое.

Этой косметикой ты все равно что говоришь Богу: “Ты, Боже мой, сделал меня плохо. Я исправлю Твою ошибку.”

Помню еще одну женщину. Она пришла ко мне с красными ногтями — длиннющими, как у ястреба, и начала просить: “Мой ребенок тяжело болен. Помолись, отче. Я тоже молюсь, но...” — “Что ты там молишься! — перебил я ее. — Такими когтищами ты наносишь раны Христу! Чтобы ребенок выздоровел, постриги сперва свои ногти. Ради здоровья своего ребенка сделай, по крайней мере, это: обрежь ногти и смой с них краску.” — “А можно я покрашу их белым лаком, отче?” — “Я тебе говорю: очисти свои ногти от краски и подстриги их. Сделай хоть какую-то жертву ради здоровья своего ребенка. Да что же это такое, а? Ведь если бы так было надо, то Бог изначально создал бы тебя с красными ногтями...” — “Так, значит, я покрашу их белым лаком, отче?” Ух, уморила. “Да, — подумалось мне, — дождетесь вы здоровья — и ты, и твой ребенок... “ Больше всего духовно “простужает” детей мать, когда она не одета в скромность сама и вдобавок старается “ощипать,” лишить скромности своих собственных чад.

Кто-то может быть не очень красивым или иметь какое-нибудь увечье. Бог знает, что это духовно помогает ему. Ведь Бога больше заботит не тело, а душа. У всех нас есть достоинства, но и какие-то небольшие изъяны, недостатки. Это даже не крест, а маленькие крестики. Эти крестики помогают нам в спасении души.

Часть четвертая.
О Церкви в нашу эпоху.

Церковь есть Церковь Христа и Ей управляет, благочестивые люди возводят из камней,

песка и известки, а варвары разрушают огнем. Церковь есть Сам Христос.

1. Просвещение.

Греческий язык.

Геронда, зачем в греческой грамматике упразднили ударения? (В греческом языке существует три вида ударения: острое, тупое и облечённое. В 1982 г. в Греции были введены новые правила правописания, согласно которым, в новогреческом языке был оставлен лишь один вид ударения. Одновременно был сделан ряд других искусственных упрощений, значительно снизивших грамматический уровень современного греческого языка. См. также сноску 8 на стр. 314. — Прим. пер.).

— Сейчас, подобно тому, как люди не могут ничего потерпеть и всем швыряются, так и буквы не могут ничего потерпеть — ни острых, ни облечённых ударений! Буквы стали похожи на людей: они скачут во весь опор и не ставят за собой даже точки.

На каком же языке пишут некоторые! В одном современном переводе Нового Завета я прочитал: “Я позвал своего сына из Египта” (Мф. 2:15). Брат ты мой, да разве так можно! Священное не отделяется от несвященного. Они пишут так якобы для того, чтобы “выровнять” язык, привести его к единообразию. Но какой человек, будь он даже из самой глухой деревни, не понял бы, что значит *“из Египта воззвал Сына Моего”*? А однажды на Святой Горе во время чтения в трапезной какого-то святого отца в переводе на новогреческий я услышал, что слова “хлеб,” “вино,” “Божественное Причащение” были заменены на современные приземленные словечки, употребляющиеся в расхожем быту. Но такие слова не годятся [для передачи священных понятий] ! Разве можно? Кто из греков не знает, что такое “артос” и “инос” ?

— Геронда, говорят, что греческий шрифт собираются заменить на латинский.

— Не волнуйся, этого не произойдет. Не пройдет у них этот номер. К счастью, Бог извлекает добро даже из кривого и злого.

А иначе мы бы пропали. Предание, язык не погибли даже в то время, когда все письменные памятники были рукописными, когда не было ни ксероксов, ни иных технических приспособлений. Так что же, разве они погибнут сейчас, когда появилось столько технических средств? Нет, предание и язык не погибнут -как бы ни старались их погубить. Посмотрите на греков-переселенцев из России — как они сохранили свои обычаи! Они знали понтийский язык, и это им помогло. Таким образом, они сохранили у себя предание. Но они уехали из России, чтобы найти свободу, несмотря на то, что какая-то малая свобода была дана им и там, в России. Если бы они не уехали, то жили бы как птичка, которую выпустили из клетки и оставили свободно летать по комнате. Разве в комнате эта птичка не тосковала бы ? А представьте, каково было несчастным понтийцам раньше!

Есть и такие, кто хочет создать новый язык. Однако греческий язык имеет “язык” от огненных языков Святой Пятидесятницы (Деян. 2:3). Никакой другой язык не может передать догматы нашей веры. А поэтому, по Промыслу Божию, Ветхий Завет был переведен семьюдесятью толковниками на греческий язык и Евангелие тоже было написано на греческом. Если кто-то, не зная древнегреческого языка, занимается догматикой, то он может впасть в заблуждение. А мы убрали древнегреческий язык из школьной программы! Пройдет еще немного времени, и в наши университеты станут приезжать немцы, чтобы учить нас древнегреческому. Тогда, став сперва посмешищем, наши интеллигенты по достоинству оценят значение древнегреческого языка и скажут: “Гляди-ка, значит, не зря Церковь сохранила древнегреческий!”

Наш православный народ стремятся уничтожить. Понимаете, что это значит? Быть сегодня православным народом — это великое дело. Прежде у нас была философия. Святая Екатерина заградила уста философов, основываясь на философии (Житие и страдания Святой Великомученицы Екатерины. Жития Святых, месяц ноябрь, день 24). Философы приуготовили дорогу для

христианства. Евангелие было написано на греческом языке и распространено в мире. Потом греки просветили славян. То, что существует Эллада, некоторым очень мешает. “Она, — говорят эти люди, — наносит нам вред. Нужно ее уничтожить” .

Проблемы образования.

— Геронда, Вы часто говорите, что сегодня всё стремятся разложить. И систему образования тоже?

— Да. Разве вы не видите, что происходит? Разве это школы? Разве то, что преподают сегодня детям, это наш язык? Разве это наша история? Ну а в Богословии, можно подумать, дела обстоят лучше? Безбожнику с богословским дипломом разрешают преподавать Закон Божий. Но при этом не проверяют, чему он учит детей — Закону Божию или безбожию. “Уволить его, — говорят те, кто за это отвечает, — мы не можем.” А вот если филолог захочет преподавать математику, разрешат ли ему это?

А другой выпускник богословского факультета не разрешает людям причащаться, чтобы они не заразились СПИДом. Это “богослов” из тех, кто поступил на богословский факультет не по призванию, а “по разнарядке” компьютера. Такое знание — это не знание Бога. “Произошло дитя священные науки,” — говорили в старину, потому что ученье было тогда священным делом. А сейчас видишь, как профессор богословия не верует в Бога, хулит перед студентами Пророков, но от преподавания его не отстраняют. Но, господин хороший, что ты забыл на богословском факультете? Каких богословов ты вырастишь?

А какое влияние оказали на нас протестанты, католики? Насколько же глубоко проник в католичество безбожный дух! Мало-помалу католики хотят умалить Святых. “Святая Екатерина, — говорят они, — не была великой святой: ее отец был, так себе, — мелкий царек. Святитель Николай был незначительным святым. Великомученик Георгий — миф, Архангела Михаила не существовало — было просто явление

Божие. То же самое относится и к Архангелу Гавриилу.” Потом они скажут, что Христос не Бог, что Он просто был великим Учителем. Затем дойдут до того, что Бога станут называть некой силой, а потом заявят, что Бог — это природа. Столько очевиднейших сверхъестественных событий, столько Пророков и пророчеств, столько живых чудес, но, несмотря на все это, некоторые из православных доходят до того, что верят подобным глупостям.

Как-то ко мне пришел один молодой человек, чтобы взять благословение на учебу в Италии. Он собирался изучать там литургику и писать диссертацию. “В своем ли ты уме? — спросил я его. — Собрался ехать к иезуитам писать диссертацию и еще пришел ко мне за благословением? Да они не знают, что творится у них самих! Ведь там преподают униаты, иезуиты и не знаю кто еще!” В отношении учёбы нашей молодёжи за границей надо быть внимательными во всех отношениях. Потому что происходит следующее: наши студенты едут на учебу в Англию, Францию, другие западные страны, заражаются европейскими микробами, а потом пишут какую-нибудь диссертацию. К примеру, они изучают греческих отцов в переводах на западноевропейские языки. Но западные переводчики — либо будучи не в силах правильно передать смысл подлинника, либо от лукавства — добавили в святоотеческие сочинения собственные неправые мнения. И вот наши православные ученые, выучившись иностранным языкам, набираются на Западе этих иностранных микробов и переносят их сюда. А потом еще учат этим болезням других. Конечно, если человек внимателен, то он легко отличит золото от подделки.

— Геронда, некоторые воцерковленные ребята, не поступив в университет здесь, в Греции, едут учиться за границу и теряют веру.

— А я вот скажу об этом кое-каким своим знакомым. Попрошу их открыть в Греции еще пару университетов, чтобы наша молодежь не уезжала за границу. Пусть учатся здесь. А то и дети

разлагаются, и родителям затраты, и столько денег уходит в карман чужому дяде.

Молодым, которые едут учиться за границу, я всегда говорю так: “Поезжайте, раз вам этого хочется. Но будьте внимательны, чтобы не потерять свою веру. Приобретайте за границей одни лишь знания. И самое главное: не забудьте потом вернуться на Родину. Эллада ждет вас. Ваш долг ей помочь. Ваше место здесь — рядом со своими соотечественниками, чтобы они не были вынуждены мучиться, ища по заграницам врача или специалиста в какой-то области науки. Будьте внимательны, чтобы ваше сердце не охладело. Европейцы — народ холодный. Да и в Америке — в ней можно материально разбогатеть, но духовно разориться.”

— Геронда, а какой же вред наносят забастовки учителей! Дети по целому месяцу не ходят в школу и слоняются по улицам.

— Я говорю учителям, чтобы они никогда не устраивали забастовок, кроме случаев, когда нужно, к примеру, протестовать против планов упразднить Закон Божий, отменить молитву перед уроками (В школах Греции перед началом и в конце занятий в классах читают вслух православную молитву. В начале учебной недели на школьном дворе, в присутствии всех учащихся торжественно поднимают государственный флаг Греции, а в конце недели его спускают. — Прим. пер), убрать с греческого знамени крест или сделать что-то подобное этому. В этом случае учителям нужно протестовать. Но не в других случаях, иначе в чем провинились дети, которые сидят без уроков?

— То есть, Геронда, сформировавшаяся система образования принесет много зла?

— Теперь души многих детей будут искалечены этой системой, но ведь и Благий Бог не будет судить их формально. Он испытает, в каком состоянии они находились бы, если бы не попали под дурное влияние, если бы им не сделали этого зла. Однако и нам нужно много молиться за несчастных детей, чтобы Бог вмешался и помог им, чтобы они не искалечились духовно, но обладали крепким духовным здоровьем и стяжали

добродетели.

Детей уводят от Церкви.

Когда я был маленьким, как же помогало мне то, что я ходил в Церковь! В начальных классах у нас был очень хороший учитель. Он тоже нам помогал, разучивал с нами национальные греческие песни и церковные песнопения. По воскресеньям мы пели в Церкви Великое Славословие, “Молитвами Богородицы...,” “Святый Боже,” Херувимскую песнь.

— И девочки тоже пели?

— Да, все дети пели вместе. Раньше церковь была возле школы, и мы играли вокруг нее на церковном дворе. По праздникам учителя водили нас в церковь, даже во время уроков. Учитель предпочитал потерять какой-нибудь учебный час, чтобы дети помолились на службе. Так дети учились, освящались, становились ягнятками. Один из наших учителей был евреем, но Закону Божию он нас не учил, преподавать Закон Божий приходила другая учительница. Однако, даже будучи евреем, этот учитель водил нас до храма. А потом все дети смирненько и тихонечко стояли на службе.

И вот сегодня детей уводят от Церкви, и я вижу, как они ожесточились. Ведь в Церкви они становятся тихими, добрыми детьми, потому что в Церкви ребенок приемлет благословение Божие, освящается. Теперь детям не разрешают ходить в церковь, чтобы они не “попали под духовное влияние,” но при этом от всякой чуши их не защищают. И не только не защищают, но еще и учат разной галиматье. Да неужели непонятно, что дети, попади они действительно под “духовное влияние,” в конечном счете, не будут бесчинствовать, станут благоразумными, прилежными в учебе детьми, а не такими угорелыми, какие они сейчас. А повзрослев, дети, живущие в Церкви, станут сознательными гражданами своего Отечества. Они не будут связываться с дурными компаниями, с

наркотиками, не превратятся в ни на что не годных людей. Разве все названное выше не есть достаточное условие для того, чтобы они выросли порядочными людьми? Неужели те, кто уводят их от Церкви, станут отрицать даже это? Неужели им на это наплевать?

Но сегодня их цель — увести детей от Церкви. Детей отравляют, заражают различными теориями, расшатывают их веру. Им препятствуют в добром, чтобы сделать их не годными ни на что. Их разрушают с малых лет. И естественно, что из ягняток дети превращаются в юных козлищ. Потом они начинают ужасать своими выходками родителей, учителей и тех, по чьей указке они себя так ведут. Лети переворачивают всё вверх дном — митингуют, захватывают школы, отказываются посещать занятия. Но в конце концов придут в разум и те, кто подталкивает детей ко злу, — когда развращенные ими дети дойдут до того, что начнут вспарывать своим злым учителям животы.

Детей загружают многим.

Я вижу, что нередко не только выпускники средней школы, но даже выпускники университета выводят какие-то каракули, делают орфографические ошибки. Мы, закончив одну начальную школу, таких ошибок не делали. Сейчас более-менее грамотны только студенты филологических и юридических факультетов (В современном греческом языке существует два языковых стиля: димотика (буквально “народный” язык) и кафаревуса (или “чистый” язык). В грамматическом и лексическом отношении кафаревуса значительно ближе к древнегреческому языку, на основе которого исторически развились оба стиля. До 1974 г. преподавание в греческих университетах велось на книжном языке — кафаревусе. Сейчас в подавляющем большинстве высших учебных заведений Греции преподавание ведется на димотике, которая изначально была разговорным стилем. В совокупности с искусственным упрощением правописания (см. сноску 1 к стр. 305), обильным проникновением в новогреческий язык иностранной лексики и т.п., упразднение кафаревусы как школьного языка привело к значительному упадку образовательного уровня современных греков. — Прим. пер). На других факультетах даже писать без ошибок не умеют. А в старое время школа-восьмилетка была почти как...

— Как университет, Геронда!

— Да уж, если в начальной школе дети приобретали столько знаний, что говорить о восьмилетке! А сегодня детей загружают и заваливают целой кучей всякого мусора. Их перекармливают

науками, но при этом оставляют пустой другую чашу весов — духовную. В школах детей прежде всего должны учить страху Божию. Малые дети учат английский, французский, немецкий — а древнегреческого не учат. Занимаются музыкой, еще чем-то, пятым, десятым... Но чему надо учиться в первую очередь? Сейчас учатся только буквам да цифрам, а тому, что необходимо знать об Отечестве, — самому главному, — не учатся. Ни патриотическим песням, ничему подобному.

Останови какого-нибудь современного ребенка и спроси: “В какой области находится твоя деревня? Сколько в ней жителей?” Он не сможет тебе ответить. “Я, — подумает он, — пойду на автостанцию, сяду в автобус и он привезет меня в мою деревню. А уж где она, моя деревня, это должен знать кондуктор. Я ему скажу, что еду в такую-то деревню, заплачу за билет, и автобус довезет меня до места.” Мы в начальной школе знали всю карту мира как свои пять пальцев. Ученик начальной школы должен был знать назубок названия городов всех стран с населением свыше пятисот тысяч жителей. Кроме того, надо было запомнить, какие реки в этих странах самые длинные, какие самые широкие, какие занимают второе место, как называются самые высокие в мире горы и многое подобное этому. А уж про Грецию и говорить нечего! А в нынешние времена! Мне приходилось встречать не только маленьких детей, но и взрослых людей — студентов, которые не знают, сколько жителей в городе, где они учатся. Я спросил одного студента, какая самая высокая гора в Греции. Он не смог ответить. Какая самая большая река? Молчание. Какая самая маленькая? Молчание. Студент — и ничего не знал о своей Родине! А потом, когда придут наши “друзья,” наши “добрые соседи” и скажут: “Это не ваша, а наша Родина,” то он им ответит: “Да, вы правы, так оно и есть.” Вам это понятно? Мы катимся к этому. Однако если спросить современных детей о футболе или телевидении, то увидишь, что они знают всех и вся до последней запятой.

Зато дети, которые приехали из Албании — Северного Эпира, умеют читать и писать. Спрашиваешь их: “Где же вы научились грамоте?” — и они отвечают: “В тюрьмах.” Эти несчастные тюрьмы превратили в школы. А наши греческие дети школы превратили в тюрьмы. Они позахватывали школы и позакрывались изнутри. Нынешние дети, особенно в подростковом возрасте, доведены до одурения — особенно в средних и старших классах. В университетах юные более зрелы, к тому же университетские лекции они посещают, когда хотят.

Но вместо того, чтобы принять необходимые меры в отношении системы образования, её всё портят и портят. И ведь искажают-то все больше духовное. Вот послушайте-ка молитву из хрестоматии для чтения в начальной школе: “О, Дева Мария, Твой Малыш — самый прекрасный в мире!” Ох, до чего же мы докатились! Что учили дети в школе раньше и что они учат сейчас:

“Моя козочка-коза,

Не бодайся, егоза.

Покорми своих козлят,

Сосуночков-дьяволят

... чтобы дали молочка

Твоим маленьким внучкам,

Рогатеньким ребяткам,

Козляткам-дьяволяткам.”

(Просим прощения у читателей за то, что при переводе мы оставили приводимый Старцем стишок без изменений — несмотря на всю его отвратительность. Однако духовное содержание проблемы значительно страшнее ее уродливой эстетической оболочки. Приведенный отрывок взят из учебника по родной речи, официально рекомендуемого Министерством Образования Греции для 2-го класса начальной школы, то есть очевидно, что против детей Греции ведется такая же целенаправленная духовная война, как и против их русских сверстников. Следовательно, и методы духовной обороны, предлагаемые Блаженным Старцем Паисием в настоящей главе, могут быть на практике применены русскими родителями и педагогами. — Прим. пер).

Мыслимое ли дело — учить малых детей таким

отвратительным гадостям! Но они делают это специально чтобы приучить детей к диаволу и таким образом сатанистам легче было бы делать свое дело. Да простреет Бог свою руку, потому что сегодня дети не получают помощи, чтобы измениться к лучшему, но становятся бесноватыми.

Дети получают знания таким образом, что при этом они совсем не учатся работать головой. Поэтому они и не шевелят мозгами. Но коли мозги не шевелятся, то они полны туманной мглы. Вот изобретатели — те мозгами шевелили. Имея перед собой какую-то проблему, они думали, как её решить. А сегодня большинство смотрит, что написано в инструкции. Люди остаются на этом уровне: все цифры да номера, а больше ничего. “Это винт номер один, этот болт номер два”... А если какой-нибудь винтик не полезет в какую-нибудь дырку и машина не заработает, то сразу зовут инженера. Не соображают, что надо взять напильничек, чуточку расточить отверстие и винт в него пройдет. А если отверстие, наоборот, чересчур большое, то надо взять какой-нибудь кусочек изоляции, обмотать им винт и он не будет болтаться. Нет, чуть что, так сразу: “Давай вызовем инженера.” Что тут скажешь? Телевидение, другие современные технические средства оболванили человека. Даже умные люди становятся, в конце концов, как магнитофонные кассеты [:что на них записали, то они и воспроизводят]. То есть я хочу подчеркнуть, что человек должен работать мозгами. В этом вся основа. Ведь не шевеля мозгами, он может сегодня что-то выучить, но завтра перепутает это с чем-то еще. Поэтому задача в том, чтобы мозг человека сам что-то производил, сам находил решения. Мозг, который сам ничего не производит, — мозг недоразвитый.

Дело учителя священно.

— Геронда, иногда педагогам в школах создают больше всего трудностей [не ученики, а] их собственные коллеги.

— В нашу эпоху человеку, который хочет правильно вести себя в

кругу своих коллег, необходимо многое рассуждение и просвещение. Требуется много благоразумия и божественного просвещения в каждом отдельном случае. Иногда даже не нужно показывать другим, что ты верующий, но вести себя тихо и рассказывать сослуживцам о вере больше не словами, а примером своей настоящей православной жизни. Так человек поможет другим, не раздражая их. А особенно в педагогической среде: там некоторые проблемы подобны опухоли — иногда доброкачественной, а иногда и злокачественной. Подходя к какой-то проблеме основываясь на логике, мы вместо добра наделаем много зла. Если опухоль злокачественна, то после хирургического вмешательства начнутся метастазы. Поэтому такую опухоль лучше аккуратно прижечь.

— Геронда, педагогам, которые хотят сделать что-то хорошее, бывает нелегко, потому что они связаны, ограничены в возможностях.

— Если человек хочет, то он всегда сможет найти способ сделать что-то хорошее. Те, кто хотел, находили такую возможность даже при безбожных режимах. Так что же, не могут найти ее здесь? Один грек поехал как-то в Болгарию (еще при безбожном режиме) и возле одной школы стал раздавать детям крестики. Однако его заметил какой-то коммунист, стоявший неподалеку. Учительница, видя что за ними наблюдает этот коммунист, стала отбирать у детей крестики, ругая их за то, что они их взяли. Но когда безбожник ушел, учительница сама раздала крестики ребятишкам. Видишь, как учительница сумела избежать конфликтов и с законом, и с Богом?

А греки-учителя в Малой Азии? Сколько дали они народу в те трудные годы! А всё потому, что они трудились от сердца, болели за дело, имели благоговение, жертвовали собой. А насколько мудро вел себя в Фарасах Святой Арсений Каппадокийский! Приготовив помещение для школы, он вместо того, чтобы поставить парты, постелил на пол мохнатые козьи и овечьи шкуры. Стоя на этих шкурах на коленях, дети слушали урок.

Поступая так мудро, Святой Арсений не раздражал турок. Даже заставая детей во время занятий, турки думали, что те молятся. А когда Святой Арсений хотел вывести учеников отдохнуть на природу, он отводил их на свой участок, который был как сад, якобы на работу — и говорил: “Если заметите турка, то начинайте работать, что-нибудь делать. Ломайте ветки на деревьях, чтобы он подумал, что вы очищаете сад." Так они, бедные, и делали. Ведь если бы турки догадались, что Святой вывел детей на природу, то у него были бы большие неприятности. Самая настоящая тайная школа! А когда турок уходил, дети опять принимались за игры. И летом, во время каникул, Святой Арсений тоже собирал детей у себя -чтобы они не отвыкали от учебы и не забывали, чему он их учил.

— Геронда, а для чего Святой Арсений писал на уроках по-турецки, но греческими буквами?

— Для того, чтобы, турецкий язык дети тоже знали и могли жить среди турок. И кроме того, если бы турки уличили Святого в том, что он учит детей читать, и увидели греческие буквы, то, услышав, как он читает по-турецки, они бы успокоились. Так что и дети учились, и турки не волновались. Всё, что было присуще самому Святому Арсению бескомпромиссное отношение к Православию, благоговение — он передавал своим ученикам.

Поэтому я и говорю, что если человек хочет, то он может делать детям добро — где бы ни оказался. Как-то мне в руки попала прекрасная книга о Северном Эпире, которую написала одна побывавшая там учительница. Да одна такая учительница стоит пятисот мужчин! Как же умело она обращалась с албанскими идеологами! Она разбила их в пух и прах. Вот молодчина!

Настоящий учитель — великое дело, особенно в наши дни. Дети — они как чистые магнитофонные кассеты. На них могут быть записаны или похабные песни или дивные византийские песнопения. Дело учителя священно. На учителе лежит великая

ответственность, и если он будет внимателен, то может получить от Бога великую мзду. Его долг — стараться научить детей страху Божию. Педагоги должны находить способы доводить до детей какие-то знания о Боге и об Отечестве. Пусть они сеют семя. Не видят, как оно прорастает? Ничего. Ничто не проходит бесследно — придет время и семя прорастет.

И пусть они всегда ведут себя с детьми по-доброму, со снисхождением, с любовью. Пусть стараются разбудить в детях любочестие. Ребенок хочет любви, тепла. Многие дети совершенно лишены этого у себя дома. Если учителя полюбят детей, то и дети их тоже полюбят. И тогда учителям будет легче делать свое дело. Наш учитель, когда мы шалили, мог высечь нас прутом. Но он любил детей, и дети его тоже любили. Своих детей у этого человека не было, и он очень любил детей.

Поэтому достойны похвал те родители, которые, рождая много детей, становятся многодетными отцами и матерями, но еще больших похвал достойны те настоящие педагоги, которые возрождают великое множество детей и становятся “премногодетными” отцами и матерями. Они дают обществу возрожденных людей, и таким образом общество становится лучше.

2. Духовенство и Церковь

Геронда, а почему Вы не стали священником?

— Наша цель в том, чтобы спастись. Священство

— это не средство для спасения [человека, который его принимает].

— А Вам никогда не предлагали стать священником?

— Меня принуждали к этому много раз. Когда я жил в

общежительном монастыре, меня принуждали и к священству, и к великой схиме. Но задача в том, чтобы стать монахом внутри. Меня заботило как раз это — ничто другое меня не занимало. Еще будучи юношей, мирянином, я пережил некоторые чудесные события и поэтому, придя в монастырь, говорил: “Хватит мне и того, чтобы по-монашески жить.” Основной упор я сделал на это, и меня не занимал вопрос, когда же меня постригут в великую схиму и стану ли я священником. И недавно в келью Панагуда, где я живу, приходил один человек, который очень настаивал на том, чтобы я принял священный сан. Он даже ездил по этому поводу во Вселенскую Патриархию, а когда на Святую Гору приехала экзархия из Константинополя, он подошел к ним с тем же вопросом. Но архиереи ответили ему: “Скажи об этом самому отцу Паисию. Чтобы не получилось так, что мы примем решение о его рукоположении, а он от нас убежит.” Вот он и пришел ко мне. Когда я это услышал, то даже на него накричал. Тогда он мне говорит: “Стань, по крайней мере, священником, чтобы читать над людьми, которые к тебе приходят, разрешительную молитву. Ведь они говорят тебе не только о своих трудностях, но и о своих грехах. Разве ты не жаловался мне на путаницу из-за того, что люди по-разному рассказывают о своих духовных проблемах разным духовным лицам"? А разве не бывает, что ты велишь им рассказать что-то своему духовнику или архиерею, но они говорят только половину? Вот поэтому и стань духовником сам: выслушивай их грехи и читай им разрешительную молитву, чтобы они получали разрешение грехов и их духовные проблемы тоже разрешались.” Он-то, бедолага, говорил все это с добрым помыслом, но то, что он предлагал, было не для меня.

— Стало быть, Геронда, что делать человеку, который чувствует, что он слаб для священства, но другие подталкивают его к этому?

— Пусть он скажет им свой помысл. Никого не могут принудить ни к священству, ни к великой схиме. Однако если человек от

послушания и со смирением примет то, что ему предлагают, если он приложит к этому чуточку любочестия и чуточку любви, то Бог восполнит все. А кроме того, и сами люди обладают безошибочным критерием: они видят тех, кто стал священником от любви к Богу и для служения Его Церкви. Ведь есть и такие, кто хочет стать священником от похоти славолюбия. Если такие священники окажутся в каком-то затруднении, то они будут мучиться, потому что Христос не станет им помогать -если только они не смирятся и не покаются. Однако если человек хочет стать священником, не преследуя каких-то мирских целей, то в минуту опасности Христос поможет ему. Но вообще, по [духовному] закону надо, чтобы тебя принуждали к священству, надо, чтобы этого хотели другие, чтобы этого хотела Церковь. Тогда тебя будет покрывать Христос, и если ты окажешься в нелегком положении, на твою защиту встанут другие, и Сам Христос тоже поможет тебе.

Конечно, редко и весьма немногие идут в священники по каким-то недуховным расчетам. Я о таких даже и речи не веду. Большинство идет в священники с добрым расположением. Но потом начинает свое дело диавол, и видишь, как у батюшки появляется любовь к славе, страстное желание получить более высокий сан и он забывает обо всем. Некоторые доходят даже до того, что используют людей, знакомства, посредников, чтобы их назначили настоятелем храма, избрали в архиереи, поставили на какую-то церковную должность... Начинают ради Христа, заканчивают ради золотого креста... Золотые кресты, золотые митры, бриллиантовые панагии... Все что угодно, кроме того, что действительно необходимо. Как же обманывает нас диавол, если мы невнимательны!..

— Геронда, что хочет от священника Бог и чего хотят от него люди?

— То, что хочет Бог, весьма велико, ты лучше этого не касайся. А насчет того, чего хотят люди... В старое время священники подвизались, были добродетельны, святы и люди перед ними

благоговели. А сегодня люди хотят от священника двух вещей: чтобы он был несребролюбив и имел любовь. Если люди находят в священнике эти две вещи, то они считают его святым и со всех ног бегут в церковь. А раз они бегут в Церковь, то спасаются. Потом Бог, по Своему снисхождению, спасает и этого священника. Но как бы там ни было, священник должен иметь великую чистоту.

Монаха диавол старается обессилить недовольством и ропотом, чтобы вывести его из строя и чтобы его молитва была лишена всякой духовной силы. Для того чтобы монах имел Благодать Святого Духа, он должен быть настоящим монахом. Только тогда он обладает некой от Бога данной властью и своей молитвой помогает людям весьма результативно. Но священник, даже не находясь в духовно высоком состоянии, все равно помогает людям — той властью священства, которая ему дана. Он помогает им, совершая Таинства, служа молебны, требы, исполняя другие священнические обязанности. Даже если священник убьет человека, Таинства, совершаемые им, все равно будут действительными, до тех пор, пока его не запретят в священнослужении. Однако если священник находится в высоком духовном состоянии, то он — настоящий священник и помогает другим больше.

Отвечая священникам, спрашивающим меня, как они могут помочь своим прихожанам, да и вообще, беседуя со всеми, кто несет какую-то пастырскую ответственность, я подчеркиваю следующее: нужно стараться работать над самим собой. Надо исполнять положенное молитвенное правило, но не ограничиваться им одним, нужно духовно трудиться “сверх нормы,” чтобы всегда иметь какие-то духовные сбережения. Духовная работа над собой — это одновременно и негромкая работа над нашим ближним, потому что добрый пример говорит сам за себя. И тогда люди подражают добру, которое они видят, и исправляются. Не стяжав духовного богатства, необходимого для того, чтобы жить на “духовные проценты” в случаях, когда нам

придется [духовно] “даром” работать на других, мы будем самыми несчастными и достойными сожаления людьми. Поэтому не надо считать пустой тратой времени работу над собой — какой бы эта работа ни была: краткой, долгой или постоянной — пожизненной. Ведь это таинственное делание обладает свойством совершать таинственную проповедь слова Божия в душах людей. Об-лагодатствованный человек Божий передает божественную Благодать другим и изменяет людей плотских. Освобождая их от рабства страстей, он тем самым приближает их к Богу, и они спасаются.

Священник несет великую ответственность.

Священник никогда не может закрыть перед другими дверь своего дома. Священник несет великую ответственность. Кто-то дошел до отчаяния, кто-то болен и нуждается в помощи, кто-то лежит при последнем издыхании... Одних священник должен принять, других посетить сам. Священник не может отказаться. Души людей находятся в опасности, и он должен им помочь. Если он не поможет этим душам и Бог заберет их неподготовленными, то кто понесет за это ответственность? Разве не священник? Будучи монахом, я могу закрыть свою дверь и уйти. Я могу исчезнуть с человеческих глаз и незаметно помогать миру молитвой. Потому что распутывать клубки людских проблем — это не мое дело. Мое дело — творить молитву за мир. Я не стал ни священником, ни духовником именно для того, чтобы помогать людям иначе, по-монашески.

Если бы я был священником в миру, то никогда не мог бы закрыть дверей своего дома. Мне всегда, не делая различий между людьми, нужно было бы дать каждому то, что ему требовалось. Прежде я заботился бы о своих прихожанах, а избыток [времени, сил, возможностей] отдавал бы другим — тем, кто просил бы меня о помощи. Я беспокоился бы не только о верующих, но и о неверующих, и о безбожниках, даже о врагах Церкви. Или, если бы я был духовником и один человек жаловался бы мне на другого, то я звал бы к себе и того —

другого, чтобы разобраться в их отношениях. Я звонил бы людям по телефону, чтобы узнать, что с человеком, который ранее пережил какое-то искушение, как живет тот, кто столкнулся с какой-то трудностью. Разве мог бы я при всем этом вести тихую безмолвную жизнь?

Священник должен идти впереди других, чтобы верующие шли за ним. Вон как в стаде: впереди идет вожак, а следом за ним — остальные овцы. Вожак поворачивает рогами вправо, и все овцы поворачивают вправо. Все овцы следуют за главой стада — своим вожаком. Поэтому овцы и не отбиваются от стада — одна овечка тянется за другой. Вожак задает направление, овцы следуют за ним.

— Геронда, а если пастырь любит какого-то одного — доброго — пасомого больше, чем другого, отличающегося чрезмерными претензиями, то это оправдано?

— Вот смотри: ты, к примеру, пастух. У тебя в стаде много ягнят. Одни мирно щиплют травку и радостно блеют, а другие — заморыши или больные — жмутся в сторонке. О каких ты станешь заботиться больше? Разве не о заморышах? А если на каких-то ягнят нападет шакал, и они станут жалобно блеять, то к кому ты поспешишь на помощь? К тем, которые радостно и спокойно пасутся и блеют, или же к тем, которые душераздирающе кричат, прося защитить их от хищника? Пастуху больнее за ягненка израненного, и он заботится о нем особо, пока и тот не станет здоров. И те, кто творит чудеса, и те, кто изранен врагом — диаволом, должны занимать в нашем сердце одинаковое место. Мы не должны внутренне презирать вторых. К тем, кто прежде вел греховную жизнь, а сейчас подвизается, стремясь отсечь свои страсти, я испытываю больше любви, больше боли, чем к тем, кто не мучим страстями. О первых я помню постоянно. Если в человеке есть внутренняя любовь, то о ней извещается и его ближний, потому что эта любовь услаждает и всего внешнего человека — она делает его

краше посредством Божественной Благодати, которую невозможно скрыть, потому что она сияет.

Пастырям, будь они священники или архиереи, было бы хорошо помнить и о Моисее, о том, как он мучился с двумя миллионами строптивого народа. О том, сколько он с любовью молился о своем народе, о том, сколько горя хлебнул он вместе с народом за долгие годы странствия по пустыне, пока не привел их в Землю Обетованную. Приводя все это себе на память, христианские пастыри будут получать неисчерпаемую силу и никогда не возропщут из-за своих страдании — ничтожных по сравнению с теми страданиями, которые пережил Моисей.

Обмирщение духовенства.

— Геронда, пономарь обязательно должен быть одет в мантию даже летом, в жару? Я вот в жару в мантии просто потом обливаюсь.

— Ну и ну... Вот уж нынче монашество так монашество!.. Что ты тут скажешь... Преподобный Афанасий Афонский, подвизаясь, носил толстую одежду и тяжелый-пре-тяжелый крест, а мы... До чего же мы сейчас докатились! Будучи в Австралии, я видел в одном храме пономаря в шортах. В таком виде, — сказал я ему, — ходят на пляж, в море купаться.” — “А мне, — отвечает, — удобнее так.”

Начинают с этого, потихоньку идут дальше, а потом доходят до того, что говорят: “Давайте сбросим рясы, чтобы нас не пекло солнце.” Мешает мантия? Сбрось ее! Мешает платок, апостольник, обливаешься потом? Сбрось и их, чего там! Да-да, мы катимся к этому. Брат ты мой, но если жарко, то каждый монах должен подумать о себе. Пусть надевает поменьше одежды под подрясник.

Геронда, а можно ли монаху снять рясу и быть облаченным в одну мантию?

— А священники пусть снимут подрясники и останутся в штанах, да? Что тебе на это сказать... Мантия -это облачение монаха. В нее облачается монах, принимающий малую или великую схиму. Во время пострига в мантию облачен восприемник постригаемого. Облачив новопостриженного в рясу, восприемник снимает с себя мантию и надевает на него. Когда я был в Александрии, то поразился тому, что некоторые местные женщины были одеты в черное с головы до ног. Такое у них предание. И это при тамошней жаре! А что же мы — не можем вытерпеть рясы, принятой нами от наших отцов?

— Геронда, некоторые недоумевают: “ Разве ряса делает человека священником?”

— А ты посмотри, к примеру, на два масличных дерева — одно в листьях, а другое без них. Какое из двух тебе больше понравится? С листьями или без? Живя в каливе Честного Креста, я однажды ободрал кору со ствола росшего во дворе масличного дерева и написал: “Древа свой сбросили наряд — посмотрим, сколько уродят!,” а рядом еще: “Поп безрястсвенный” — видать безнравственный.” В то время живо обсуждался вопрос об отмене ношения ряс священниками и некоторые приходили, надеясь получить от меня благословение на это!

— Геронда, один человек привез к нам в обитель православного священника в брюках. Надо ли было брать у него благословение?

— Какое там еще благословение! Кем бы ни был тот, кто привез вам этого священника, надо было сказать ему так: “Просим прощения, но у нас в монастыре принято за правило давать духовным лицам рясу. Разве можно приезжать в женский монастырь священнику в брюках? Это неприлично.” Если не стыдно ни тому, кто вам его привез, ни самому этому священнику, то тебе-то почему должно быть стыдно дать ему

рясу? Как-то раз я встретил на аэродроме одного улетавшего за границу молодого архимандрита в мирской одежде. “Я — отец такой-то,” — отрекомендовался мне архимандрит. “Ну и где твоя ряса?” — спросил я его и, естественно, не стал брать у него благословения.

— А некоторые, Геронда, утверждают, что, став более современным, духовенство принесет больше пользы.

— Когда Патриарх Дмитрий, находясь в Америке, посетил Богословскую Школу Честного Креста, то к нему подошли некоторые благоговейные студенты-американцы и сказали: “Ваше Святейшество, в нашу эпоху духовенство должно стать современнее!” А Патриарх им ответил: “Святой Косма Этолийский говорит, что когда духовные лица превратятся в мирян, миряне превратятся в бесов!” Правда, хорошо он им ответил? Ему приготовили великолепную комнату, с роскошной кроватью, богатой обстановкой, а он, увидев все это, сказал: “Где вы меня поселите? В этой комнате? Принесите мне лучше какую-нибудь раскладушку. Обмирщевляясь, духовное лицо становится кандидатом в диаволы.”

— Геронда, следует ли нам шить более простые священные облачения? Может быть, облачения со многой вышивкой священникам не на пользу?

— Вам сделает честь, если вы будете говорить заказчикам так: “Вот такие простые облачения мы шьем. Мы можем шить облачения и со многой вышивкой, но не шьем, потому что нас беспокоит помысл, не соблазняем ли мы людей.” А потом, ведь это используют и неверующие. До нас доходит, что в народе поговаривают: “Нам не на что купить хлеба, а у попов — целая куча облачений.” Если вы будете шить облачения с простыми вышивками, то и покупать их у вас будут серьезные батюшки. А священники, мудрствующие по-мирски, купи они у вас облачения, украшенные многими вышивками, и сами будут в них смотреться как шуты гороховые, и вас скомпрометируют. А

вот облачения для Святого Престола, Воздухи для священных сосудов можете украшать более богатой вышивкой. И старайтесь не вышивать крестов, изображений святых в нижней части подризников, стихарей и фелоней. Изображайте в этих местах облачений какие-то простые, не священные символы. А то священники садятся прямо на святых, на кресты... Это — неблагоговение.

“Кто обличит Меня в грехе?”

— Геронда, если священнослужитель впадает в какой-то смертный грех, то теряется ли божественная Благодать, которую он имеет?

— Нет, как же она может потеряться? Божественная Благодать может не потеряться, а удалиться. Запрещенный в служении священник не лишен священства, но совершаемые им Таинства недействительны. Такой священник уже не имеет силы. Самое основное — это Благодать. Если же запрет со священника снят, то обладают силой и совершаемые им Таинства.

В отношении священников, имеющих канонические препятствия для священства, требуется многое рассуждение. Необходимо особое внимание, чтобы нерассудительные строгости не породили в людях соблазна; чтобы не начала мучиться помыслами семья этого священника. Он должен оставить служение литургии рассудительно, чтобы вместо добра это не принесло верующим зла. Ведь о канонических препятствиях знают Бог и священник, и если он прекратит священнослужение резко, одним махом, то и верующие и его семья начнут мучиться помыслами, а зло станет больше.

Иногда я вижу, как благоговейным, но имеющим канонические препятствия священнослужителям Бог попускает какую-то телесную немощь — например, кровотечения из носа, болезни желудка или нечто подобное. Эти священники рады, что все устраивается таким образом, что они должны прекратить

служение литургий. Иногда ко мне в каливу приходит священник, имеющий какое-то каноническое препятствие, и я вижу, что ему, бедному, надо оставить священнослужение. Но подчас случается, что его епископ имеет на этот счет другое мнение. Что тут скажешь? Остается только молиться, чтобы вмешался Бог. Помню конкретный случай. Одному священнику я посоветовал оставить священнослужение и подготовил его к этому шагу. Но когда он сказал об этом своему духовнику и епископу, те не согласились. Так он продолжал священнослужение, несмотря на то, что имел каноническое препятствие. Прошло немного времени и его сбила машина. С проезжей части машину вынесло на тротуар, по которому он шел, и она задавила его насмерть. *“Страшно впасть в руки Бога живого!”* (Евр. 10:31).

У нашей Православной Церкви нет ни единого порока. Единственный порочащий Церковь порок происходит от нас же самих, когда мы, начиная с того, кто стоит во главе иерархии, и кончая простым верующим, представляем Церковь не так, как подобает. Избранных может быть и немного, однако это не должно быть поводом для беспокойства. Церковь есть Церковь Христа и Ей управляет Он. Церковь — это не храм, который благочестивые люди возводят из камней, песка и извести, а варвары разрушают огнем. Церковь есть Сам Христос — *“и тот, кто упадет на Этот Камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит”* (Мф. 21:44).

Сегодня Христос терпит происходящее. Он терпит, и ради народа действует божественная Благодать. Мы проходим через бурю, но положение прояснится. То, что происходит сейчас, не устоит. Помнишь, как написано в Евангелии: “Я трости надломленной не переломлю и льна курящегося не угашу” (Ис. 42:3 и Мф. 12:20). Христос сказал это для того, чтобы в день Судный нам нечем было оправдаться. Знаешь, когда в емкости светильника закончилось масло и осталось только немного масла в фитиле, то светильник скоро погаснет, хотя его пламя “играет" — то

ярко вспыхивает, то становится едва заметным. Такой светильник подобен человеку, лежащему на смертном одре, в котором видны последние проблески жизни. Однако Христос не хочет задуть, погасить этот светильник, потому что потом погасший светильник скажет: “Я горел бы и дальше, но Ты на меня дунул и погасил мое пламя!” А что там было на тебя дуть? Ведь у тебя в чашке совсем не было масла! И к надломленной трости Христос тоже не хочет прикасаться, потому что потом, сломавшись совсем, тростинка станет протестовать: “Это Ты до меня дотронулся, и потому я сломалась!” Но раз ты была надломленной, еле держалась и вот-вот сломалась бы сама, то что же ты обвиняешь Христа в том, что Он до тебя дотронулся и тебя сломал?

Не живя согласно Евангелию, мы — монахи, да и священнослужители тоже — распространяем безбожие. Люди нуждаются в наших добродетелях, а не в наших сквернах. А особенное, огромное значение имеет пример, который показывают мирским людям монахи. Мирские люди ищут повод для того, чтобы оправдать свои грехи, поэтому требуется внимание. Гляди, ведь мы не можем повторить вслед за Христом слов: *“Кто из вас обличит Меня в неправде? (в грехе)”* (Ин. 8:46), но слова: “Кто обличит меня о соблазне?” мы сказать можем. Христос сказал эти слова о грехе, потому что Он был Совершенный Бог и Совершенный Человек. А мы люди. У нас есть несовершенства, с нами случаются падения — что тут поделать. Но становиться поводом к тому, чтобы кто-то соблазнялся, мы не должны.

Один генерал рассказывал мне, что если бы он не унаследовал веру от своей матери, то потерял бы ее, находясь на Кипре в связи с тогдашними событиями (20 июля 1974 г. турецкие войска вторглись на Кипр и оккупировали его северную часть). Был приказ, который предписывал относиться к мирному турецкому населению гуманно, но этот генерал своими ушами слышал, как одно духовное лицо кричало в телефонную трубку: “Режьте вы турок!” — так, ни за что ни про что. И фарасиоты,

переселившись в Грецию из Малой Азии, совратились в секты, которые начали распространяться здесь в те годы, потому что видели неблагоговейных архиереев, священников. Видя в Церкви людей иного пошиба — не ведущих духовной жизни, беженцы из Малой Азии соблазнялись, ведь у себя на родине они знали другое духовенство. И сразу, тут как тут появились еретики-“евангелисты,” которые говорили, что они якобы применяют Евангелие в жизни, и несчастные совращались в сектантство.

Но ведь если виноват какой-то владыка, священник или монах, то Христос не виновен. Однако люди так глубоко не копают. “Разве, — говорят они, — это не представитель Христа?” Да, но вопрос в том, утешает ли этот представитель Того, Кого он представляет? Или же люди не думают о том, что ждет такого представителя Христа в жизни иной? Поэтому некоторые, соблазняясь какими-то неподобающими явлениями в жизни духовных лиц, доходят до того, что теряют веру. Несчастные не понимают, что если виноват какой-то жандарм, то не виновен его народ, и если виноват какой-то священник, то не виновна Церковь. Однако те, кто соблазняется, но имеет доброе расположение, способны понять это, если им объяснить. У таких людей есть и смягчающие вину обстоятельства, потому что их могли увлечь ко злу, а каких-то вещей они просто не могут понять.

— Геронда, а почему никто не выказывает открыто свою позицию в отношении стольких происходящих в Церкви соблазнов?

— В отношении того, что происходит в Церкви, не по всем вопросам можно открыто выразить какую-то позицию. Можно просто переносить происходящее, терпеть, покуда Бог не покажет, что нужно делать. Терпеть происходящее — это одно, а одобрять его. в то время как одобрять это нельзя, — совсем другое дело. В случаях, когда предстоит что-то сказать, надо сделать это с уважением и мужеством — не брызгая в гневе

слюной и не выставляя проблему на всеобщее обозрение. Надо сказать то, что требуется, наедине тому липу, которого касается дело. Сказать с болью, от любви, чтобы он был более внимателен к каким-то вещам. Искренен и прям не тот, кто “режет правду в глаза,” и не тот, кто трубит о ней всему свету, но тот, кто, имея любовь и живя по правде, с рассуждением говорит то, что нужно и когда нужно, в необходимый для этого час.

Те, кто обличает, других без рассуждения, находятся в духовном помрачении и, к несчастью, смотрят на людей как на пни или бревна. Эти нерассудительные люди без жалости обтесывают остальных, которые мучаются и страдают. Но при этом помраченные “мастера кубизма” радуются тому, что из-под топора их обличений выходят ровные, обтесанные под прямым углом люди-чурки. Только для человека, одержимого старшим бесом, есть оправдание в том, что он выставляет людей на позорище и раскрывает их прошлое, чтобы колебать слабые души. Конечно, последнее касается лишь тех, в отношении кого бес имеет на это право. Понятно, что нечистый дух выставляет на всеобщее обозрение не добродетели людей, но их немощи. И наоборот: люди, освободившиеся от своих страстей, не имеют злобы и поэтому исправляют зло добром. Увидев где-то нечистоты, которые нельзя убрать, такие люди присыпают их чем-нибудь сверху, чтобы они не вызвали отвращения у кого-то еще. А вот люди, расковыривающие мусор и грязь чужих грехов, похожи на кур, которые копаются известно в чем...

Сейчас (Произнесено в 1974 г) диавол много пачкает, чернит и порочит. Он устраивает страшную путаницу, но в конце концов он обломает себе зубы. Пройдут годы, и праведники воссияют. Они будут заметны, даже если их добродетель невелика, потому что тогда в мире станет господствовать великая тьма и люди повернутся к ним. А тем, кто сейчас соблазняет других, если они доживут до тех времен, будет стыдно.

Правильное отношение к церковным проблемам

— Геронда, когда в Церкви возникают какие-то сложные проблемы, то как правильно к ним относиться?

— Надо избегать крайностей. С помощью крайностей проблемы не решаются. В старое время бакалейщик брал совком сахарный песок, крупу или что-то подобное и добавлял их на весы по чуть-чуть. Так он добивался точности, и весы приходили в равновесие. То есть он не швырял на весы и не забирал с них сразу помногу и резко. Обе крайности всегда мучают Мать-Церковь. И те, кто придерживается этих крайностей, тоже страдают, потому что каждая крайность обычно больно колется своим острым краем. Это похоже на то, как если бы с одного края держался бы за свою крайность бесноватый — человек духовно бесстыдный, все презирающий, а с другого края уперся бы в свою крайность сумасшедший, у которого глупая ревность соединена с узколобием. То есть, духовно бесстыдный человек никогда не придет к согласию с ревнующим глупой ревностью зилотом. Эти люди будут пожирать и бить друг друга, потому что оба они лишены божественной Благодати. И тогда — Боже упаси! — обе крайности могут бить и колоть друг друга постоянно, и конца-края этому не сыщешь. А вот те, кто сможет согнуть друг пред другом края обеих крайностей — так, чтобы они соединились — пришли к единомыслию, примирились, — увенчаются от Христа двумя неувядающими венцами.

Нам надо быть внимательными, чтобы не создавать в Церкви проблем и не раздувать случающиеся малые человеческие слабости, чтобы не сделать большее зло и не дать лукавому повода к радости. Тот, кто, видя какой-то маленький непорядок, приходит в сильное волнение и в гневе бросается его исправлять, похож на неразумного пономаря, который, увидев, что течет свеча, со всех ног бросается ее поправлять, сбивая при этом молящихся, переворачивая подсвечники и создавая во время богослужения величайший беспорядок. К несчастью, в наше время Мать-Церковь смущают многие: одни — образованные — ухватились за догмат умом, но не духом Святых

Отцов. Другие — неграмотные — тоже ухватились за догмат, но зубами. Поэтому они ими и скрежещут, обсуждая какие-то церковные проблемы, и таким образом Церкви наносится вред больший, чем от врагов нашего Православия. Хорошо, чтобы река не была ни чересчур стремительной, потому что тогда вода уносит за собой деревья, камни, людей, ни слишком мелководной, потому что тогда она превращается в какое-то стоячее комариное болото.

А есть люди, которые занимаются не общим благом, а взаимной критикой. Человек следит за кем-то больше, чем за самим собой. Он ждет, что скажет или напишет его оппонент, чтобы после этого нанести ему безжалостный удар, тогда как если бы ему самому пришлось сказать или написать то же самое, то он ещё и подкрепил бы свои рассуждения многими выдержками из Священного Писания и творений Святых Отцов. Зло, которое делает такой человек, велико потому, что, с одной стороны, он совершает несправедливость по отношению к своему ближнему, а с другой — сокрушает его на глазах у верующих. Вдобавок, такой человек часто соблазняет души слабых людей и, таким образом, сеет в них неверие. Некоторые, оправдывая свою злобу, обличают других, а не самих себя, и, спекулируя на евангельских словах *“скажи Церкви”* (Мф. 18:17), выставляют какие-то внутрицерковные проблемы на позор всему миру, трубя на всех углах о том, о чем не подобает и говорить. Пусть эти люди начнут со своей малой церкви — с семьи или монашеского братства, и если это придется им по душе, то пусть уже потом позорят и Мать-Церковь. Я думаю, что добрые дети никогда не станут обвинять в чем-то свою мать.

Церкви нужны разные люди. Все — и те, кто отличается мягким характером, и те, кто суров нравом, — приносят Церкви свое служение. Телу человека необходима разная пища — и сладкая и кислая, необходимы даже горькие листья одуванчиков. Ведь в каждой пище есть свойственные ей вещества и витамины. Так и для Тела Церкви необходимы люди любого склада. Один человек

восполняет нрав другого. Каждый из нас обязан терпеть не только особенности духовного склада нашего ближнего, но даже и те слабости, которые имеются в нем как в человеке. Но к сожалению, некоторые имеют неразумные претензии к другим. Они хотят, чтобы все были такого же духовного склада, как они сами, и когда другой человек от них отличается, например, более снисходительным или резким характером, то они тут же приходят к заключению, что он — человек недуховный.

О высоких санах и славе человеческой

Я удивляюсь тому, что некоторые придают такое значение человеческой славе, а не славе Божией, которая ожидает нас, если мы "человеческая славы отбежим." Если мы приобретем даже самый высокий сан из тех, что есть в целом мире, и если целый мир готов осыпать нас похвалами, то какую пользу нам это принесет? Похвалы мира -возведут ли они нас в рай или же подтолкнут к пропасти ада? А что сказал Христос? *"Не принимаю славы от человеков"* (Ин. 5:41). Какую пользу принесло бы мне, если бы я был не простым монахом, а стал иеромонахом, Владыкой, Патриархом? Более высокие саны помогали бы мне спастись? Или же они лежали бы на слабом Паисие тяжким грузом и повергли бы его в адскую муку? Если бы не было жизни иной, то безумие стремления к высшему сану еще бы могло быть как-то оправдано. Однако тот, кто стремится ко спасению своей души, *"все почитает тщетой"* (Фил. 3:8) и к высшим санам не стремится.

Моисей был послан Богом на освобождение израильского народа. Но несмотря на это, войти в Землю Обетованную он не удостоился, потому что из-за своего народа он возроптал на Бога. Моисей жил среди их постоянного ропота и брюзжания и вот однажды и сам возроптал. "Эти люди, — сказал он, — требуют у меня воды. Откуда я возьму им воду?" (Числ. 20:10). Как? Ведь только недавно ты ударил по камню, извел воду и напоил их! Разве это было тяжело? Но Моисей, с головой погрузившись в разные административные дела и проблемы своего народа,

забыл о том, сколько воды он извел из камня раньше. Он не понял своей ошибки и не попросил у Бога прошения. Если бы он попросил прошения, то Бог бы его простил. То, что он не вошел в Землю Обетованную, было маленьким наказанием от Бога, епитимьей за его ропот. Конечно же, Бог взял Моисея в рай. Он почтил его тем, что во время Преображения Господня послал его вместе с пророком Илией на Фавор. Все эти события из Священного Писания помогают нам понять, каким великим препятствием на пути, ведущем христианина в рай, бывает тот высокий сан, которым он облачен, и связанная с этим ответственность.

А некоторым следовало бы испытывать внутри и излучать снаружи одну только радость, поскольку Бог устроил так, что они не несут никакой ответственности. Но вместо этого, такие люди, наоборот, стремятся к ответственности и более высокому сану, а когда такой сан им не дается, они все изводятся от мучения и разрушают свою душу, а заодно и тело, которое, по апостолу Павлу, есть храм Божий (1 Кор. 3:16). В то время как Христос готовит им небесную славу, они хотят попасть в рай посредством славы человеческой.

Однако кто-то может меня спросить: “Тогда почему некоторые сперва прославляются от людей, а потом — от Бога?” Но по сути дела, если человек хочет славы человеческой, то Бог его не прославит. Человек никогда не должен сам стремиться к ответственности. И если его освобождают от ответственности, то ему следует радоваться. Ведь по [духовным] правилам, ответственность, которую человек несёт, должна быть ему в тягость. Если человек не радуется тому, что его отстранили от ответственности, то это значит, что в нем затаилась гордость. Никогда не будем стремиться к высшим санам, званиям, должностям, чтобы таким образом прославиться, потому что эти стремления — признак далеко зашедшей болезни. Это указывает на то, что в нашей болезни мы идем дорогой, отличной от той дороги смиренномудрия, которой прошли и достигли рая

Святые Отцы.

У нас есть множество Святых, которые избегали разного рода ответственности: игуменства, священства и архиерейства. Одни из них отсекали себе руки, другие -носы, третьи — уши, четвертые — языки — чтобы иметь физические увечья и избежать рукоположения. Были Святые, над которыми раскрывали крышу хижин и рукополагали их сверху, были Святые, подобные Святому Амфилохию, — их рукополагали на расстоянии. Эти люди были образованны, они имели святость. Но, осознав, сколь великое достоинство имеет душа, осознав великий труд ответственности, который становится большой преградой для спасения человека, они избегали этой ответственности. Путь, который нашли эти люди, им духовно помог.

И на Святой Горе некоторые считают священство препятствием в духовной жизни. Ведь кроме прочих обязанностей иеромонахи должны ходить в другие монастыри на встречу архиерея, их посылают по престольным праздникам... Конечно, это духовные праздники, но внутреннего упокоения от них все равно мало. Живя в общежительном монастыре, я был знаком с одним иеродиаконом. Он состарился и скончался в том же иеродиаконском сане. Когда он был еще молодым монахом, в монастыре не было диакона и поэтому его рукоположили. Потом в обитель пришла более молодая братия. Они становились диаконами, священниками, а диакон, рукоположенный раньше их, все время кому-то уступал свою очередь и оставался в том же сане. Когда его побуждали к иеромонашеству, он отвечал: “Сейчас у монастыря такой нужды нет. Слава Богу, есть братия и помладше меня.” Потом ему дали послушание в монастырской канцелярии. Когда в обитель пришли образованные послушники, он попросил освободить его от канцелярии и ушел на другое послушание. А когда обитель переживала тяжелые времена, благоговейный иеродиакон стал просить одного добродетельного иеромонаха согласиться на избрание в

игумены. “Почему же ты сам уклонялся от ответственности? — спросил его иеромонах. — Решил нагрузить ее на меня? Давай поступим вот как: ты становись членом Духовного Собора, и тогда я стану игуменом.” Так один стал игуменом, а другой вошел в Духовный Собор. Но когда все наладилось и монастырь стал жить нормальной жизнью, наш диакон ушел и из Духовного Собора. Этот диакон мне очень помог. Он имел многую Благодать Божию. Когда в Священном Киноте Святой Горы обсуждали какие-то трудные вопросы, то его приглашали туда, чтобы он сказал свое просвещенное мнение.

— Геронда, так в чем же причина того, что духовные люди, не любя деньги, стремятся к славе? Выходит, что справедливы слова древних греков: “Богатство возненавидели многие, славу — никто” (Изречение Клеовула — тирана г. Линдоса на Родосе — одного из семи древних мудрецов (6 в. до Р.Х.))?

— Причина в том, что в голове у них так пусто, что хоть шаром покати. Это и есть пустая, суетная слава. Слова “богатство возненавидели многие...” отражают мирской взгляд на вещи. В духовной жизни такому места нет. Это слова древних греков, не знавших Истинного Бога. В духовной жизни слава должна исчезнуть. Вынес ли кто-то из людей бесчестие большее, чем то, которое претерпел Христос? Отцы искали бесчестия, и Бог воздавал им честью. А те, кто сами ищут чести, находятся еще на мирском поприще — то есть на стадионе. Гоняют в футбол: “Слава Спартаку!” А в той славе, о которой говорится в Евангелии, есть любовь и смирение. *“Прославь Сына Твоего,* — говорит Христос, — *да и Сын Твой прославит Тебя... Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога”* (Ин. 17:1 и далее). То есть Христос просил у Бога Отца, чтобы люди познали своего Избавителя и таким образом спаслись. А сегодня большинство пытаются добиться славы где это только возможно. Слава слева, слава справа, а потом хромают сразу и на правую и на левую ногу. Это то, о чем сказал Христос: *“Друг от друга принимаете славу”* (Ин. 5:44), *“вводя в заблуждение и заблуждаясь”* (2 Тим. 3:13). От такой славы меня тошнит, в

такой атмосфере я не могу прожить и суток.

Ответственность за других — это великое препятствие в духовной жизни. Те, кто хочет заниматься духовным деланием, ответственности избегают. Обычно те, кто стремится к высшим санам и начальствованию, заканчивают плохо.

Подмешивается личностное начало, эгоизм, и потом начальники начинают сталкиваться, ругаться между собой. Ведь в таких начальниках — ив одном и в другом — присутствует эгоизм. Однако те, кто любочестно подвизается, не дают себе поблажек и убирают свое “я” из каждого своего действия, помогают другим весьма результативно, потому что только тогда утешаются нуждающиеся в помощи души и только тогда души тех, кто помогает людям, будут внутренне утешены и в сей, и в вечной жизни.

В старину Святые Отцы уходили в пустыню и подвигами опустошали себя от страстей. Не строя собственных планов и проектов, они отдавали себя в руки Божий и избегали высоких санов и власти — даже если приходили в меру святости. Исключением были случаи, когда испытывала нужду Мать-Церковь. Тогда они оказывали послушание воле Божией и имя Божие прославлялось их святой жизнью. То есть, сперва живя в пустыне, питаясь здоровой духовной пищей и находясь под неусыпным отеческим наблюдением, Святые Отцы достигали крепкого духовного здравия, а уже после этого становились духовными донорами сами.

Управление Церковью.

Православная Церковь всегда устраивала Свою жизнь посредством Соборов. Это православный дух: в Церкви должен действовать Священный Синод, а в монастырях — Собор Старцев. Предстоятель Церкви и Синод должны принимать решения вместе. Настоятель или игуменья монастыря должны принимать решения вместе с Духовным Собором обители.

Предстоятель Церкви — первый среди равных. Патриарх — это не папа, он имеет ту же самую степень [священства], что и прочие иерархи. Вот папа — это да — он фигура иного разряда. Он восседает высоко, а остальные целуют ему ногу. Но Патриарх -не папа, он сидит вместе с другими иерархами и согласовывает их действия. И настоятель или игуменья монастыря в отношении остальных членов Духовного Собора — тоже первые среди равных.

Предстоятель Поместной Церкви или настоятель монастыря не может делать все, что ему вздумается. Одного архиерея или члена Собора Старцев Бог просвещает в отношении чего-то одного, другого — в отношении чего-то другого. Посмотри, ведь и четыре Евангелиста дополняют один другого. Так происходит и при обсуждении какого-то вопроса на Священном Синоде или в Духовном Соборе монастыря: каждый излагает свое мнение, и если чье-то мнение несогласно с другими, то это записывается в соборных протоколах. Потому что если речь идет о решении, которое противоречит евангельским заповедям и кто-то с этим решением не согласен, то если он не потребует, чтобы его мнение было записано в соборном протоколе, создастся впечатление, что он согласился с неправдой. Если член Священного Синода или Духовного Собора не согласен с неправым мнением, но подписывает общее решение, не записав своего мнения в протокол, то он делает зло и несет ответственность. В этом случае он виновен. Тогда как если он выскажет свое мнение, то пусть большинство с ним и не согласится — перед Богом он не согрешает. Если Синод в Поместной Церкви или Духовный Собор в монастырях не работает правильно, то, говоря на словах о православном духе, мы на деле имеем дух папский. Православный дух такой: каждый должен высказывать и фиксировать свое мнение, а не молчать ради страха или чести — чтобы быть в хороших отношениях с Предстоятелем Церкви или настоятелем монастыря.

Но и те священнослужители, которые в молодом возрасте

занимают какие-то руководящие церковные должности, себе вредят. Они растрачивают себя попусту даже если у них есть необходимые для их должности качества. Их зажимают, закручивают административные и канцелярские шестеренки и духовной пользы они не получают, хотя и обладают необходимыми для этого предпосылками. Не растрачивая себя понапрасну, а занимаясь работой над самими собой, некоторые из них составили бы впоследствии великий духовный капитал Церкви. Не занимаясь, в хорошем смысле этого слова, самим собой, то есть над собой не работая, человек уподобляется купцу, который занят куплями и продажами, не зная при этом, сколько на нем висит долгов. А в конце концов такого купца сажают в долговую яму.

Я очень огорчаюсь, слыша, что молодые священники сидят в начальнических креслах. Если бы они еще немного времени не брали на себя начальственное бремя, то позже их помощь другим была бы велика. Однако сплошь и рядом настоятелями храмов становятся не опытные батюшки, способные духовно работать над своей паствой, а молодые иереи. Таким образом происходит двойное зло. То есть первое зло в том, что молодые, не совершив предварительно духовной работы над самими собой, взваливают на свои плечи ответственность за других. Не стяжав еще духовного богатства, они занимают место, которое обязывает раздавать это духовное богатство другим. А второе зло в том, что духовенство более старшего возраста, не занимая в Церкви ответственных должностей, не имеет возможности делиться с другими своим драгоценным опытом и божественным просвещением.

Божественная Литургия.

— Геронда, когда совершается Божественная Литургия, то на ней всегда должны быть причастники?

— Да. Потому что главная цель Божественной Литургии в том, чтобы христиане, хотя бы те немногие, кто к этому готов —

причащались. Во всех молитвах Божественной Литургии говорится о верующих, которые будут причащаться. Поэтому за Литургией должен быть хотя бы один причастник. Конечно, иногда бывает, что никто из молящихся за Божественной Литургией к Причастию не готов. Это дело другое, но все же хорошо, если хоть кто-то причастится — какой-нибудь малыш, грудной младенец. Когда нет ни одного причастника, то литургия служится только для причащения священника и поминовения имен. Но это должно быть не правилом, а исключением.

За каждой Божественной Литургией переживаются новозаветные события. Святой Жертвенник — это Вифлеем, Святой Престол — Всесвятой Гроб Господень, Распятие за Престолом — Святая Голгофа. Божественной Литургией, присутствием Христа освящается все творение. Божественные Литургии удерживают мир! Как страшно то, что дал нам Бог! Мы этого недостойны. Есть священники, которые переживают это страшное Таинство за каждой Божественной Литургией. Одно духовное лицо рассказывало мне, как очень простой и добрый священник жаловался ему: “Очень мне трудно потреблять Святые Дары. Не могу я сдержать своих гадких слез. Они попадают прямо в Святую Чашу и я из-за этого сильно переживаю.” А как же он плакал! “Попроси Христа, — сказал ему мой знакомый, — чтобы Он дал немного “гадких” слез и мне.”

— Геронда, почему, когда священник совершает входные молитвы, Вы выходите из стасидии?

— Я выхожу из стасидии потому, что когда священник молится, Бог ниспосылает ему божественную Благодать, чтобы освободить его от слабостей и он мог совершать Божественное Таинство. В это же время верующие тоже должны с благоговением молиться, чтобы приять Божественную Благодать.

Божественная Литургия начинается с Проскомидии. Как же промыслительно устраивает подчас Бог, чтобы и мы поняли, что такое Божественные Таинства, и их пережили! Когда я нес послушание пономаря, со мной произошло одно чудесное событие. Однажды, когда священник, совершивший Проскомидию, произнес слова: *“Яко овча на заколёние ведется,”* я услышал, как на Святом Дискосе затрепетал агнец. А когда священник произнес слова: *“Жрется Агнец и Сын Божий..."* (Так по греческому служебнику. — Прим. пер.)**, я услышал, как от Святого Жертвенника доносится блеяние ягненка. Как же это страшно! Поэтому я говорю священникам, что нельзя вынимать и разрезать агнец до Проскомидии, а потом только класть его на Святой Дискос со словами: *“Жрётся Агнец Божий”* и *“яко овча на заколёние ведется.”* Во время произнесения этих слов, и никак не раньше, священник должен брать Святое Копие и разрезать просфору. То есть когда произносятся слова: “жрется Агнец Божий,” тогда и должно совершаться “заклание” агнца на Жертвеннике.**

Когда во время Проскомидии священник звонит в колокольчик (По традиции Святой Афонской Горы, после молитвы 3-го часа священник, совершающий Проскомидию, звонит в колокольчик, расположенный на жертвеннике, и служба прерывается. Монахи выходят из стасидий и про себя поминают имена живых и усопших. В это время священник вынимает частички, произнося: “Помяни Господи.” По истечении нескольких минут прерванная служба продолжается. См. Святогорский устав церковного последования. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. С. 33.) **и вы про себя поминаете имена, то ваше сердце должно соучаствовать в боли каждой поминаемой вами души, будь это живой или усопший человек. Приводите себе на ум все человеческие нужды вообще и конкретно того, о ком вы молитесь, и просите: “Помяни, Господи... Марию, Николая... Ты, Боже мой, знаешь, какие у них трудности. Помоги им.” Имена, которые вам дают для поминовения, поминайте на нескольких Божественных Литургиях — какие-то на трех, какие-то на пяти. Остальные имена поминайте во вторую очередь. А то что же — одних ты поминаешь постоянно, а других, которые нуждаются в молитвенной помощи, не поминаешь совсем ? Я такого не понимаю. Имена католиков, иеговистов и прочих еретиков поминать на Проскомидии нельзя. Нельзя ни вынимать за них частичку, ни служить панихиду. А об их здравии и просвещении мы молиться можем, и даже петь молебный канон.**

— Геронда, некоторые священники говорят, что не хотят часто служить Литургию, чтобы к ней не привыкнуть.

— Не следует священнику говорить такие вещи. Это неправильно. То есть он все равно что говорит: “Навещаю своих родственников нечасто, чтобы они меня получше принимали, когда прихожу.” Однако к Божественной Литургии нужно готовиться. Божественное Причащение исцеляет, освящает того, кто подвизается. А как же оно поможет тому, кто не подвизается? Что изменит Христос, если человек не изменяет себя сам? Когда-то на Афоне в пещере Преподобного Афанасия жил старец с двумя послушниками, один из которых был иеромонахом, а другой — иеродиаконом. Как-то раз послушники пошли в одну церквушку служить Литургию. Священник очень завидовал диакону, поскольку тот был умнее и способнее его во всем. Однако и сам диакон содействовал этой зависти своим эгоизмом. Итак, священник внешне приготовился к служению Божественной литургии: прочитал правило ко Святому Причащению и сделал все, что положено. Однако, к несчастью, он не сделал главного — не подготовился к Литургии внутренне. То есть ему надо было смиренно поисповедываться, чтобы изгнать из своего сердца зависть и ревность. Ведь если мы переодеваемся в чистую одежду и моем голову -эти страсти от нас не уходят. Ну так вот, иеромонах подготовился к служению Литургии лишь внешне, вошел в Алтарь, где приносится Страшная Жертва, и хотел начинать Проскомидию. Но только лишь он ее начал, как случилось следующее: внезапно раздался страшный гром и он увидел, как Святой Дискос поднялся с Жертвенника и исчез. Следствием этого было то, что они не смогли служить Литургию. Помысел говорит мне, что если бы Благой Бог не помешал им таким образом и священник, находясь в неподобающем духовном состоянии, приступил бы к служению Божественной Литургии, то с ним бы случилась страшная беда.

(См.: Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 102-104) ■

— Геронда, если во время Божественной Литургии случится что-то непредвиденное, то может ли она быть прервана?

— Начатую Божественную Литургию священник не может прервать на середине — что бы ни случилось. Даже если начнется война — Литургию он должен закончить. Он должен завершить Литургию, даже если к храму будут подходить враги. Самое большее, что он может сделать в таком случае, — это постараться закончить ее побыстрее. Но надо иметь доверие к Богу и не бояться.

Служитель Вышнего Бога должен отличаться многим вниманием, чистотой, бескомпромиссностью. Священники — выше, чем Ангелы. Во время совершения Таинства Божественной Евхаристии святые Ангелы закрывают свои лица, в то время как священник это Таинство совершает.

(Словом “бескомпромиссность” здесь переведено греческое слово “” — дословно: точность, строгость. В Православном Богословии “акривией” называется святоотеческий принцип строгого отношения к Священным Канонам (и вообще к Преданию Церкви), при котором признаётся необходимым их буквальное, точное применение) ■**

3. Праздники.

“Празднуем, верные, праздник духовный.”

См. шестую песнь второго канона на Введение во Храм Пресвятой Богородицы (21 ноября).

Возводя нас на духовную высоту Своей великой любовью и Своим великим радованием, которое Он всеми Своими праздниками рассыпает душам верных, Христос поистине воскрешает нас, возвращает нас к жизни. Лишь бы сами мы участвовали в этих праздниках и имели духовный вкус к тому, чтобы они становились духовным торжеством. Тогда мы духовно пируем и духовно пьянеем от принесенного Святыми райского вина, которого они дают нам испить.

— Геронда, а как человек может пережить праздник духовно?

— Для того чтобы пережить праздник, надо погружать свой ум в святые дни, а не в те дела, которые ради этих святых дней нам нужно делать. Надо размышлять о событиях каждого из святых дней, будь то Рождество Христово, Богоявление, Пасха или любой другой праздник, и произносить Иисусову молитву, славословя Бога. Так мы будем праздновать каждый праздник со многим благоговением. Люди мирские стремятся постичь смысл Рождества Христова с помощью жареной свинины, Пасхи — с помощью печеной баранины, а масленицы — при помощи конфетти. Однако истинные монахи ежедневно переживают Божественные события и радуются постоянно. Каждую седмицу они живут как Страстную Седмицу. Каждую среду, четверг и пятницу они переживают Великую Среду, Четверток и Пяток — то есть Страсти Христовы. А каждый воскресный день они переживают Пасху — Христово Воскресение. Что, разве необходимо ждать Страстной седмицы, чтобы вспомнить о Христовых Страстях? Или подобно людям мирским придется дожидаться Пасхи с печеным барашком, чтобы понять, что значит *“Христос Воскресе”*? Что сказал Христос? *“Будьте готовы,”* а не “давайте, начинайте готовиться сейчас.” С того момента, как Христос произносит слова “будьте готовы,” каждый человек и, особенно, монах должен быть готов постоянно. Он должен постоянно исследовать и переживать божественные события. Исследуя события каждого праздника, человек естественным образом придет в чувство и будет молиться с благоговением. Кроме того, наш ум должен находиться в празднуемых событиях, и мы должны с благоговением следить за стихирами и тропарями, которые поют. Когда ум человека пребывает в божественных смыслах, человек переживает священные события и таким образом изменяется. Если, находясь в таком состоянии, мы размышляем, к примеру, о каком-то Святом, о том, кого мы особенно почитаем или память которого совершаем, то наш ум идёт чуть дальше — идёт на Небо. Когда мы думаем о Святых, Святые тоже думают о нас и нам помогают. Так человек заводит дружбу со Святыми, а такая дружба — надежнее любой другой. Тогда человек, живя

один, может одновременно жить вместе со всеми — и со Святыми, и с Ангелами, и со всем миром. Быть одному — и ощутимо переживать все это дружеское общение! Присутствие Святых живо. Все Святые — Божий дети, а мы — несчастные Божий дети, и они нам помогают.

Чтобы получать помощь, мы всегда должны с благоговением праздновать память Святых, проливших ради Христовой любви кровь или пот и слезы. И слушать чтение Синаксария: *“В сей день память Святого...”* — мы должны стоя, подобно тому, как стоят по стойке “смирно” солдаты, когда зачитывают имена их геройски погибших однополчан: “Такого-то числа и месяца солдат такой-то пал смертью храбрых на таком-то фронте.”

Для того чтобы ощутимо пережить праздничное событие, в праздник нельзя работать. К примеру, если человек хочет что-то ощутить, пережить в Великий Пяток, то в этот день он не должен быть занят ничем, кроме молитвы. В миру несчастные мирские люди на Страстной седмице заняты работой и делами, а в Великий Пяток начинают расточать друг другу пасхальные поздравления: “Многая вам лета!,” “Будьте здоровы!,” “Пошли вам Бог невесту!..” Так нельзя! Я в Великий Пяток закрываюсь в своей каливе. После пострига в ангельский образ, новопостриженный монах-великосхимник одну неделю должен пребывать в безмолвии. Эти безмолвные дни очень помогают ему, потому что божественная Благодать напаяет его душу, и монах понимает, что с ним произошло. Также великую пользу приносит безмолвие в праздники. В праздничные дни нам дается благоприятная возможность немного отдохнуть, почитать и помолиться. Так к нам придет какой-то добрый помысл, мы углубимся в себя, какое-то время посвятим молитве Иисусовой и от всего этого ощутимо переживем что-то от божественного события празднуемого дня.

“Лучше малое праведнику...”

К несчастью, сегодня мы используем свободу не для доброго, не

для стяжания святости, а для мирской суеты. В прежнее время вся неделя была рабочей, а воскресенье — выходным днем Сейчас сделали выходным и субботу. Однако живут ли теперь люди более духовно или же они больше грешат? Если бы люди использовали свое время на духовные занятия, то все было бы по-другому — они были бы собранными. Но мы, окаянные люди, хотим украсть часть духовного, похитить часть Христову. Если мирским людям нужно отработать лишний день, то они договариваются между собой отработать его в воскресенье. Они выискивают свободное воскресенье для "воскресника," какой-нибудь праздник для "субботника," и потом на них приходит гнев Божий. Чем после этого им помогут Святые? Разве воскресный, праздничный день — для работы? И если мирские люди хотят в чем-то помочь нам, монахам, то пусть это будет не работа в воскресенье, а какая-то другая помощь.

Мы не даем Богу нами управлять. А то, что совершается без веры в Бога, к Богу отношения не имеет. Поэтому то, что мы делаем, не имеет благословения, а значит не будет и доброго результата. А потом мы говорим: "Виноват диавол." Не диавол виноват, а мы сами не даем Богу помочь нам. Работая в дни, когда по церковному уставу работать не полагается, мы даем диаволу права над собой и он вмешивается в то, что мы делаем, с самого начала. *"Малое у праведника — лучше богатства многих нечестивых"* (Пс. 36:16), — говорит Псалом. Вот это-то и имеет благословение, а все остальное — стружка, чепуха. Однако надо иметь веру, любочестие и благоговение, надо с доверием возлагать всё на Бога, А иначе и в праздники ты будешь работать кое-как, и в другие дни станешь терять время попусту.

И посмотрите, ведь Бог никогда не оставляет [верных Ему]. По воскресеньям и праздникам я никогда не работал, и Бог никогда не оставлял меня, Он благословлял мой труд. Помню, как-то к нам в деревню приехали комбайны жать пшеницу. Отцу сказали, что они начнут с нашего поля, а потом пойдут дальше. Было воскресенье. "Что будем делать? — спрашивает меня отец. —

Пришли комбайны.” — “Я, — говорю, — в воскресенье работать не буду. Подождем до понедельника.” — “Но если мы упустим эту возможность, — снова говорит мне отец, — то потом замучаемся жать на лошадях.” — “Ничего, — говорю, — буду жать хоть до Рождества Христова.” Пошел я в церковь, словно никакие комбайны и не приезжали. А те направились к жатве. Ну что же, тут же и сломались, ещё по дороге! Тогда комбайнеры снова пошли к отцу и сказали: “Просим прощения, у нас поломались комбайны. Сейчас мы поедем в Янину на ремонт, а как вернемся в понедельник, так начнем прямо с вас.” Так вот и перенесли они жатву с воскресенья на понедельник. Много подобных случаев довелось мне увидеть своими глазами.

Если мы, монахи, не будем как должно относиться к праздникам, то что останется делать людям мирским?

Какой же дух был раньше в монастырях! Помню, как в миру люди, отпраздновав Воздвижение Честнаго Креста по новому стилю, везли на Святую Гору виноград. Однако их баркасы иногда подходили к берегу Афона как раз в тот день, когда мы праздновали Воздвижение по старому календарю. Если так случалось, то монахи никогда не шли разгружать виноград в праздник. Они возвращали его назад или же оставляли нагруженный виноградом баркас у пристани. Если в какой-то праздничный день привозили масло или лес, то происходило то же самое. А ведь монастыри были бедными. Но святогорцы думали так: “Что скажет мирской человек, увидев, как монахи работают в праздничный день?” Для монахов было в тысячу раз предпочтительней, чтобы неразгруженный баркас разбило за ночь штормом, чтобы и виноград и лес пропали, нежели разгружать их в праздник, лишаясь праздника, да при этом ещё и соблазняя души людей.

А сейчас... Накануне одного праздника я оказался в некой обители. Монахи разгружали виноград. После собрали всю братию его топтать. Вечером должно было быть бдение, но его перенесли на другой день! А ведь это был великий праздник!

“Ради нужды, — говорят, — даже закон может потесниться...” В другой обители после пожара сгоревшие здания восстанавливали в воскресные дни. Ну что же — сгорят снова. А ведь это видят люди мирские и говорят: “Невелика важность все эти праздники.” Надо быть очень внимательным в отношении того, чтобы не работать в праздники. Особенно это относится к нам, монахам, потому что, работая в праздники, мы не только согрешаем сами, но и становимся соблазном для людей мирских. Тем самым согрешаем вдвойне. Люди мирские ищут повода, чтобы оправдать свои грехи. Сами они могут работать день и ночь, не соблюдая праздников. Но вот они видят, как монахиня или монах работают в праздник по какой-то великой нужде. После этого диавол говорит им так: “Да тут вон даже попы работают! Что же ты-то сидишь сложа руки?” Увидев, как какая-нибудь монахиня вытряхивает в воскресный день одеяло, мирские люди скажут: “Раз работают монашки, то почему нельзя пойти на работу и нам?” Поэтому надо быть очень внимательными, чтобы не становится соблазном для людей.

— Геронда, а если в какой-то праздничный день, например, на Введение во Храм Пресвятой Богородицы, в монастырь для работы приедет какой-то мастер?

— Введение Пресвятой Богородицы, а в обители будет работать мастер?! Негоже! Пусть не работает.

— Геронда, этот случай произошел потому, что ответственная за работу сестра не догадалась сказать ему, чтобы он не приходил.

— Тогда надо наложить на эту сестру канон, наказание.

— Геронда, а если в праздничный день после бдения слипаются глаза от усталости, то можно ли заниматься рукоделием и творить Иисусову молитву?

— Разве нельзя делать поклоны? Чтобы разогнать сон, лучше делать не рукоделие, а поклоны.

— А в воскресенье? Если монашеское правило прочитано, то все равно нельзя, например, плести четки?

— Зачем их плести? Почему в это день ты не насыщаешься духовно? К несчастью, даже в монастырях появляется какой-то мирской дух. Я узнаю, что в некоторых обителях в воскресенья и великие праздники сразу после полудня монахи расходятся по послушаниям. Можно подумать, что у них умирают с голоду дети и дом продают с молотка! УЖ такая великая нужда!.. Архондаричный, повар — это дело другое. В архондарике (Архондарик — место для приёма гостей в греческих монастырях. — Прим. пер), на кухне кто-то должен исполнять послушание и в воскресенье, и в праздники. Оставить эти участки без людей нельзя.

Иногда, когда мне в каливу приносят рыбу, я говорю принесшему: “Забирай ее и уходи.” Если мне начнут нести рыбу, кто живую, кто снулую, то что из этого выйдет? И если сюда, в монастырь, приносят на праздник рыбу и вам надо возиться и готовить ее, то какая вам будет радость от праздника? Помните отца Мину из скита Святой Анны? Однажды воскресным утром рыбак принес рыбы для престольного праздника его каливы и сказал: “Вот свежая рыба, Геронда.” — “Постой-ка, — удивился старец, — ведь сегодня воскресенье! Когда же ты ее поймал, что она свежая?” — “Сегодня утром,” — ответил рыбак. “Выбрось ее! — посоветовал ему отец Мина. — Это отлученная рыба! Если хочешь убедиться в этом сам, брось одну рыбешку коту. Увидишь, что он не станет ее есть.” И действительно, когда рыбак бросил коту одну рыбку, тот с отвращением от нее отвернулся! Вот какая чуткость была у наших отцов!

А нынче по великим праздникам в монастырях видишь рабочих, мастеров... Как-то раз на Успение возле одной обители целая бригада рабочих валила бензопилами лес. Поначалу на небе не было ни облачка, но вдруг нашла туча, началась гроза и рядом с лесорубами засверкали молнии. От молний загорелся лес, и рабочие убежали оттуда в таком ужасе, что даже никому об этом

не сообщили. Пожар разгорелся так сильно, что пожарные боялись его тушить. Ну и что бы вы думали: в следующее воскресенье в лесу опять послышался треск и жужжание бензопил! На этот раз пилить лес вышли уже две бригады лесорубов. Но раз мы пилим лес по воскресеньям и праздникам, то пожары — это тоже гнев Божий. И худо то, что мы этого не понимаем. Мы уже перешли границы терпения Божия.

Если возникает какая-то нужда, то монахи тянут с молитвой четку — сто узелков, а Бог просвещает кого-то, и он присылает монахам сто тысяч драхм. Дело монаха — это молитва. Кто будет иметь доверие Богу, если его не будет даже у нас, монахов? Люди мирские? Если монах вверяет свою жизнь Богу, то Бог обязан его услышать. В общежительном монастыре, где я жил в начале своего монашеского пути, у игумена был один келейник. В его обязанности входило готовить зал для собраний братии. Когда он был болен или занят чем-то другим, то его послушание поручали мне. Келейник был человек не слишком расторопный, к тому же на Божественной Литургии он всегда стоял до самого конца, однако со всей работой при этом справлялся. Я был расторопнее, чем он. Чтобы успеть приготовить зал до прихода братии, я уходил с Божественной Литургии раньше, но все у меня шло наперекосяк. То опрокидывался кофейник и выливался кофе, то сыпались чашки, то валились из рук стаканы с водой... Все шиворот-навыворот! А келейник, отстояв в храме до самого окончания Божественной Литургии, осенял себя крестным знамением и верил, что Бог ему поможет. А если его ругали [за то, что он не уходил на послушание заранее], то он принимал это со смирением. У этого монаха было смирение, и польза, которую он получал, была двойной.

Как бы там ни было, но, не цепляясь за то второстепенное, что можно без ущерба опустить, люди получают сугубую пользу и сугубо славословят празднуемых Святых. Будем, насколько возможно, внимательны, чтобы всё, что мы делаем, не шло бы в ущерб духовному. Чтобы освящались все наши труды, чтобы мы

имели благословение Божие — духовное должно совершаться в первую очередь. Будем уделять первостепенное внимание не материальному, а духовной жизни. Если у монаха дела и заботы стоят на первом месте, а молитва — -только на втором, то большую ценность для него имеет работа, а не духовная жизнь. А в этом есть гордость и неблагоговение. Дело, которое совершается, но при этом духовно разоряет того, кто его делает, не освящается. Если мы будем уделять первостепенное внимание духовному, то Бог все устроит. Если не будем как должно относиться к праздникам мы, монахи, то что останется делать людям мирским? Если мы не выполняем свои духовные обязанности, не просим о помощи Святых, то кто станет их об этом просить? Так, мы на словах говорим, что веруем в Бога, но на деле не имеем к Нему доверия. Если мы, одетые в рясы иноки, не чтим даже священных канонов, все попираем и бесчестим, то какой в нашей жизни смысл?

Люди работают по воскресеньям.

По правилам, перед вечерней накануне праздника или воскресного дня всякая работа прекращается. Лучше, если это возможно, поработать подольше в предыдущий день, чтобы во время и после праздничной вечерни не работать. Если кто-то по большой необходимости сделает какое-нибудь несложное дело поближе к вечеру в самый воскресный и праздничный день, то это дело другое. Но и такая легкая работа должна совершаться с рассуждением. В старые времена даже работавшие в поле крестьяне, услышав благовест к вечерне, осеняли себя крестным знамением и прекращали работу. То же самое делали и женщины, которые по-соседски собирались с рукодельем возле своих домов. Они поднимались со скамеек, осеняли себя крестным знамением и откладывали в сторону вязанье или иную работу. И Бог их благословлял. Они были здоровы и радовались жизни. А сейчас люди отменили праздники, удалились от Бога и Церкви, но в конечном итоге они растрачивают все заработанные деньги на врачей и больницы.

Как-то ко мне в каливу пришел один отец и сказал: “Мой ребенок часто болеет, и врачи не могут понять что с ним.” — “Прекрати работать по воскресеньям и все уладится,” — ответил я ему. И действительно, он послушался, и его малыш больше не болел,

Я всегда даю мирянам совет прекратить работать по воскресеньям и праздникам, чтобы на них не сыпались беды. Упорядочить свою работу могут все. Вся основа — в духовной чуткости. Если есть эта чуткость, то в любой ситуации находится выход. И если этот выход повлечет за собой какой-то малый убыток, то благословение, которое получат эти люди, будет сугубым. Однако многие этого не понимают и не ходят по воскресеньям и праздникам даже на Божественную Литургию. Божественная Литургия освящает человека. Если христианин не идет в воскресенье в церковь, то как он освятится?

Но, к несчастью, люди потихоньку идут к тому, чтобы ни от праздников, [ни от Предания] ничего не осталось. Видишь как: для того, чтобы забылись Святые, изменяют даже христианские имена. Василику превращают в Вику. Из Зои делают Зозо, а получается-то ведь не одно животное, а целых два! (У Старца игра слов, основанная на омонимичности новообразованного имени ** (искажённое Зои] — жизнь — соответствует русскому имени Зоя, и слова “**” — животное). Придумали “праздник матери,” первое мая, первое апреля... Скоро скажут: сегодня “день артишока,” завтра — “праздник кипариса,” послезавтра — память изобретателя атомной бомбы или того, кто придумал футбол... Но несмотря ни на что, Бог нас не оставляет.

4. Православное Предание.

“Иисус Христос вчера, сегодня, и во веки Тот же.”

(Евр. 13:8).

Геронда, часто приходится слышать об “обновлении Церкви.” Как будто бы Церковь тоже стареет и Ей требуется обновление!

— “Постарела”? Как бы не так! Да тут даже те, у кого нет благоговения, но есть хоть чуточку соображения в голове, не удовлетворяются новыми современными поделками, а разыскивают древности. К примеру, новописанные иконы таких людей не трогают — они понимают достоинство иконы древней. УЖ если так ведут себя просто сообразительные, то что же говорить о тех, в ком есть благоговение! Из этого сравнения понятно, насколько ошибочны все эти разговоры об “обновлении Церкви” и подобных вещах.

Если сегодня человек старается как-то хранить Предание — соблюдать посты, не работать в праздники, быть благоговейным, то некоторые говорят: “Да он что, с луны свалился? Ведь это все пережитки прошлого! Сейчас это устарело!” А если попытаешься их образумить, то в ответ услышишь: “Ты в какое время живешь ? Все это кануло в Лету!” Мало-помалу Предание Церкви принимают за сказки. Однако что говорит Священное Писание? “Иисус Христос вчера и днесь той же, и во веки.” Если человек не может соблюдать Предание, то пусть он, по крайней мере, скажет: “Согреших, Боже мой!” Тогда Бог помилует этого человека. Но сегодня, имея какую-то слабость, человек хочет принудить к ней и своего ближнего, потому что если у ближнего этой слабости нет, то грешника это обличает. Возьми бесноватого и помести его в какую-то духовную среду. Вот увидишь — он станет ерзать как на иголках, не найдет себе места. Все потому, что духовная среда будет его беспокоить. Так же и люди, живущие в грехе, — правильная жизнь других их обличает, беспокоит. Они стремятся наступить своей совести на горло и поэтому говорят всю эту ложь о пережитках. Даже [вечные] ценности они объявляют сейчас отжившими свой век и хотят заменить эти ценности на бесчинства. В мире творится великое растление! Духовную красоту считают уродством. То есть, для людей мира сего духовная красота представляется по-мирски

некрасивой. А ты возьми какого-нибудь монаха и обстриги ему волосы! Каким же он станет некрасивым! Однако эту некрасивость люди мира сего принимают за красоту.

И посмотри — сейчас сражаются с Церковью, борются за Ее разрушение. Ладно, допустим, эти люди не веруют. Допустим, они учат других безбожию. Но как они могут не признавать то добро, которое Церковь дает людям, как они дерзают идти против Нее? В этом есть много злобы. К примеру, как они могут не признавать того, что Церковь заботится о детях, что Она помогает им стать добрыми людьми, а не каким-то хулиганами? Однако они подталкивают детей ко злу, они развязывают руки тем, кто детей растлевает. Но чему учит юных Церковь? Быть благоразумным ребенком, уважать других, блюсти себя в чистоте, чтобы войти в общество настоящим человеком. Но [несмотря на старания разрушителей Церкви] все снова встанет на свои места. В России, еще при безбожном режиме, одна бабушка пришла в храм, за колонной опустилась на коленочки и стала молиться. Одновременно с ней в храме оказалась еще одна женщина — молодая. Несмотря на свой молодой возраст, она была уже видным научным работником. Увидев молящуюся на коленях бабушку, молодая женщина сказала: “Это все дела давно минувших дней.” Тогда бабушка ответила ей так: “Вот к этой самой колонне, где я сейчас молюсь и плачу, потом придешь плакать ты. Ведь ваше-то, дочка, оно пришло и ушло: нынче было, а завтра быльем поросло. А Христианство — нет, оно не порастет быльем никогда.”

Уважение к Преданию.

Многие Святые Мученики, не зная догматов веры, говорили: “Я верую в то, что установили Святые Отцы.” Говоря так, человек свидетельствовал о Христе, становился мучеником. То есть, христианин не мог привести доказательств истинности христианской веры, чтобы убедить в ней гонителей, но он имел доверие Святым Отцам. “Как же я могу не доверять Святым Отцам? — думал он. — Ведь они были и более опытны, и более

добродетельны [чем я], они были святы. Как я могу согласиться с бессмыслицей и стерпеть хулу на Святых Отцов?” Мы должны доверять Преданию. Сегодня, к несчастью, и у нас появилась европейская “корректность,” и люди стремятся показать себя добрыми. Желая проявить свое “высшее благородство,” они заканчивают тем, что кланяются двурогому диаволу. “Пусть будет одна религия,” — говорят они и всё ставят на одну доску. Ко мне в каливу тоже приходили несколько человек с такими взглядами. “Нам, то есть всем, кто верует во Христа, — говорил они мне, — надо объединиться в одну религию.” — “Это все равно что предлагать мне собрать в одну кучу столько-то каратов золота и столько-то отделенной от этого золота меди, чтобы снова сделать из них один сплав, — ответил я. — Но разве разумно опять смешивать золото с дешевыми металлами? Спроси золотых дел мастера: “Можно ли смешивать мусор и золото?” Ведь было столько борьбы, чтобы очистить догмат от мусора.” Святые Отцы знали, что делали. Они воспретили общение с еретиками не без причины. Но сегодня призывают к совместным молитвам не только с еретиком, но и с буддистом, огнепоклонником и сатанистом. “Православные, — говорят, — тоже должны присутствовать на экуменических совместных молитвах и конференциях. Это — свидетельство!” Да какое там еще “свидетельство”! Эти люди разрешают все проблемы с помощью логики, они находят оправдание тому, чему не может быть оправдания. Европейский дух считает, что с прилавков Общего Рынка можно торговать даже духовными предметами.

Некоторые из тех православных, кто, отличаясь легкомыслием, хотят “протолкнуть Православие,” “развернуть миссионерскую деятельность,” устраивают совместные конференции с инославными — чтобы при этом было побольше шума, и думают, что таким образом — смешиваясь со злославными во единый винегрет — они “проталкивают Православие!” После этого принимаются за дело “суперревнители.” У этих другая крайность: доходят даже до хулы на Таинства Поместных Церквей, живущих по новому календарю, и тому подобного,

весьма соблазняя благоговейные и православно чуткие души. А инославные, со своей стороны, приезжают на все эти совместные конференции, строят из себя учителей, отбирают из услышанного от православных хорошее духовное сырье, обрабатывают его в своей лаборатории, окрашивают в свой цвет, наклеивают свой ярлык и выдают за подлинник. И странные современные люди, приходя от подобных странностей в восторг, духовно разрушаются. Но все же, когда это будет нужно, Господь восставит и Марков Ефесских, и Григориев Палам, которые соберут воедино всех наших израненных соблазном братьев — для исповедания веры, во утверждение Предания и на великую радость нашей Матери-Церкви.

Если бы мы жили по-отечески, то у всех нас было бы крепкое духовное здравие. И все инославные, завидуя этому здравию, оставляли бы свои нездравые заблуждения и спасались без проповеди. Сейчас наше святое отеческое Предание их не трогает, потому что они хотят видеть в нас преемников Святых Отцов, видеть наше действительное родство с нашими Святыми. В обязанности каждого православного входит всеивание доброй обеспокоенности и в инославных, чтобы они поняли, что находятся в заблуждении, и не успокаивали бы ложно своего помысла, лишая себя тем самым богатых благословений Православия в сей жизни, а в жизни вечной — еще больших, вечных Божиих благословений. Ко мне в каливу приходят некоторые ребята-католики — расположенные очень по-доброму, готовые познать Православие. “Мы хотим, чтобы ты сказал нам что-то, способное духовно помочь нам,” — просят они. “Сделайте вот что, — советую им я, -возьмите церковную историю. Вы увидите и то, что когда-то мы были вместе, и то, до чего вы дошли впоследствии. Это вам очень поможет. Сделайте это, и в следующий раз мы побеседуем с вами обстоятельно.”

Раньше люди дорожили какой-то вещью, принадлежащей их дедам, и бережно хранили ее как реликвию. Я был знаком с одним очень хорошим человеком, адвокатом. Его дом отличался

простотой. Эта простота восстанавливала силы не только ему самому, но и его гостям. “Несколько лет назад, отче, — рассказывал адвокат, — мои знакомые смеялись надо мной из-за моей старой мебели. А сейчас они приходят и восхищаются ею как антиквариатом! Я, пользуясь этой старой мебелью, радуюсь. Радуюсь потому, что она напоминает мне о моем отце, о моей маме, о моих дедах. Эти воспоминания согревают мне душу. А мои знакомые собирают в свои квартиры разный старинный хлам, делают свои гостиные похожими на лавки старьевщика, чтобы забыться среди всех этих предметов и хоть ненадолго престать думать о своей мирской душевной тревоге.” Крохотную золотую монетку, полученную от матери, от деда, в прежнее время хранили как великое сокровище. А сегодня, если кто-то имеет от своего деда, к примеру, греческий золотой времен Короля Георгия и эта монета оценивается на сто драхм дешевле, чем английский золотой времен Королевы Виктории, то он поменяет первое на второе. Такой человек не чтит, не берет в расчет ни мать, ни отца. Появляется этот европейский дух и потихоньку всех нас уносит в общую стремнину.

Помню, как впервые приехав на Святую Гору, я познакомился со Старцем одного братства. Он был уже старый человек, отличавшийся большим благоговением. От благоговения он не выбрасывал не только камилавки, которые носили “дедушки” — его предшественники, но даже деревянные колодки для изготовления этих камилавок. Разные красиво обернутые старинные книги и рукописи хранились у него в тщательно закрытом книжном шкафу. Он берег их от пыли. Этими книгами он не пользовался и держал их под замком. “Я, — говорил, — такие книги и читать-то недостоин. Я почитаю вот эти, простые — Отечник, Лествицу." Потом в их братство поступил один молодой монах (в конце концов, он не остался на Святой Горе) и начал обличать Старца: “Что ты собираешь здесь всякий хлам?” Собрал он старые колодки для камилавок и хотел бросить их в огонь. “Это принадлежало моему духовному деду, — с плачем говорил ему Старец, — чем они тебе помешали? Ведь у

нас столько

Головной убор священнослужителей и монахов. — Прим. пер. комнат! Сложи их в каком-нибудь уголочке.” От благоговения этот старый монах хранил не только книги, реликвии, камилавки, но даже и старые колодки! Если есть почтение к малому, то и к великому будет многое почтение. Если нет почтения к малому, то почтения к великому тоже не будет. Так хранили Предание Отцы.

Будем хранить в монашестве то, что проверено опытом.

— Геронда, если сестра приходит на новое послушание и находит там некий ранее заведенный порядок, то может ли она менять что-то в этом порядке?

— Нет, поначалу не надо ничего менять, даже если она выполняет это послушание одна. Изменения, о которых ты говоришь, сделали пришедшие в старые обители новые монашеские братства. К опыту своих предшественников они отнеслись без уважения. Приступая к делу с таким отношением, вводя свои расписания богослужений и распорядки дня, и упраздняя при этом древние монастырские уставы — то есть существовавший ранее чин, проверенный опытом и помогавший в монашеской жизни, — монахи не имеют не только Предания, но даже и уважения к Преданию. Потом-то они поймут, какую пользу приносило все то, что они изменили. Те, кто заводили в монашестве какой-то порядок или правило, знали, что делали. То, что хранится в монашестве издревле, — взвешено, проверено опытом. Посмотри, ведь в любом искусстве или ремесле надо соблюдать каноны. Я вот был столяром и знаю, что высота обычного стола должна быть восемьдесят, а ширина лестничной ступеньки — двадцать семь сантиметров. Все это проверено опытом, взято в правило, а ученик должен просто принять это на веру — ему не нужно объяснять, почему оно так, а не иначе. Эти установления — порождения опыта. От ученика требуется доверие мастеру и уважение к его опыту. Тот, кто не чтит

канонов ремесла, хорошей работы не сделает. Он сделает стол чересчур низким или высоким, в чем-то обязательно напортит.

Я поменял в своей жизни много калив, стал настоящим “кавсокаливитом” (Греческое слово “кавсокаливит” означает “сжигатель калив.” Так называли афонского Святого XIV в. Преподобного Максима (память 13 января), который вел подвижническую жизнь, часто переходя с одного места на другое, строя себе маленькие каливы-шалаши и затем сжигая их. — Прим. пер)! Иногда, приходя на новое место, я что-то менял — заколачивал “ненужные” двери, выдергивал “лишние” гвозди... Но потом я пришел к убеждению, что все, что сделано прежде, имеет какой-то смысл. Поэтому сейчас, придя в какую-то новую каливу, я вначале не меняю ничего из сделанного моими предшественниками, даже если испытываю от этого какие-то неудобства. Я не вытаскиваю из стен ни одного гвоздя. Если, не имея опыта, я вытащу из стены вбитые в нее гвозди, то потом, после бесплодных попыток вколотить их в другом месте, испортив штукатурку, я все равно буду вынужден вбить их туда, где они были раньше. Ведь тот, кто жил на этом месте до меня, вбил их туда, проверив это практической необходимостью. Раз в стену вбит гвоздь, то он там необходим — вешать майку, рясу или для чего-то еще. В одной келье, где я какое-то время жил, в каждом углу стояла толстая кривая палка. Я раздавал эти палки тем, кто ко мне приходил, но потом понял, для чего они были нужны. В этой келье было много змей, и тот, кто жил там до меня, расставил по углам палки — чтобы не бегать и не искать в случае необходимости.

Самое важное — держаться того, что проверено опытом. В противном случае уходит Предание и остается предательство (У Старца игра слов: “***” — предание; “***” — преступление, нарушение, попрание. В данном случае, в виде исключения, мы переводим последнее слово как “предательство.” — Прим. пер). Сравни слова “Предание” и “предательство”! Как же одно отличается от другого! Разве можно предательство Предания превращать в Предание? Сегодня некоторые монастыри делают что вздумается и считают, что это находится в рамках Предания. Так, по отношению к Преданию эти монастыри превращаются из хранителей — в предателей. Но если нет духовной чуткости, то как потом придет духовное рассуждение? Ведь монашеству

необходимо держаться иного пути. Ни марширующая солдатская колонна, ни “рельсы общественной активности,” ни производственный конвейер по типу фабрики или колхоза для нас, монашествующих, не годятся. Монашеству необходим монашеский, проверенный опытом “путь,” несущий на себе начертание — характер святоотеческого пути. Бывает, что “святоотеческим” называют и путь иной — ложный путь “теоретического монашества,” названный “святоотеческим” потому, что идущие по нему начитались Святых Отцов, не имея при этом внутренней связи ни с отцами, ни с монашеством вообще.

Некоторые новые монастыри сегодня живут и действуют как благотворительные организации. Конечно, какое-то оправдание у них есть — они не нашли закваски. Но они могли спросить о монашестве в старых обителях. Когда после турецкого ига в Греции стали вновь возвращаться к жизни первые монастыри, то закваски тоже не было. Баварские временщики (В 1833 г. королём освобождённой Греции был избран несовершеннолетний баварский принц Отгон. Вместе с ним и его регентским советом в Грецию прибыло множество немцев, которые заняли подавляющее большинство руководящих мест в греческом правительстве, армии и экономике. Таким образом, в Греции начался период т.н. “баварского засилья,” которое во многих отношениях было для греков тяжелее, чем свергнутое турецкое иго. Конец “баварскому засилью” был положен 3 сентября 1843 г. — отменой абсолютной монархии и принятием Конституции Греции. Король Отгон и большинство баварцев были выдворены из страны. — Прим. пер) **хотели уничтожить существовавшие обители и забрать их собственность. Стремясь уничтожить монастыри, они дошли до того, что издали распоряжение, чтобы монахи женились! Но, с другой стороны, и сами православные греки не захотели вдаваться в розыски старого монашества, чтобы увидеть, каким оно было, и вернуться к Преданию. Видя, что у монастырей есть коровы и телята, греки говорили: “Вот оно какое, это монашество! И коровы у них, и телята!” Однако все эти коровы, телята и поросята были у монастырей потому, что при турецком иге несчастные мирские люди отдавали в монастыри свое имущество, скот и тому подобное, чтобы уберечь его от турок. Больные, изувеченные люди приходили кушать монастырский хлебушек. В монастырях кормили убогих и нищих, туда стекались все несчастные. Благотворительных учреждений в те времена не было, и поэтому монахам приходилось возиться со скотиной — чтобы помогать людям. Но потом, когда у монастырей уже не было необходимости так много заниматься**

благотворительностью, они все равно продолжали иметь телят, коров и овец, продолжали заниматься всем этим животноводством. Тогда, видя это, многие духовные люди той эпохи начали показывать пальцем: “Полюбуйтесь, какое у нас монашество!” и, обратив взоры на Запад, стали брать за образец монашество западного типа, с его уклоном в миссионерство. Стали подражать всему западному. Они не обратились назад, к нашему собственному Преданию, чтобы, увидев, что произошло, и поразмыслив, сказать: “Ну ладно, все эти пережитки остались со времен турецкого ига. Тогда у монастырей не было возможности жить по-монашески, так, как подобает. Эта болезнь со старых времен. Сейчас нам надо опять вернуться к Преданию.” Нет, к нашему Преданию они не вернулись, а обратились к состоянию, в котором находятся монахи на Западе. Они взяли тамошние образцы, желая применить их здесь. Они не вернулись к Преданию, и в этом была их ошибка. Ведь даже турки с уважением относились к тому, что принадлежало Церкви, потому что и они многократно видели чудеса от наших Святых. И в монастырях турки искали не радушного приема, а божественной помощи.

Люди вернутся к старому.

Пройдет время, и люди оценят то, что христиане хранят сегодня честь, веру и величие Церкви. Вот увидите — люди опять вернутся к старому. Ведь и с иконописанием произошло то же самое. Было время, когда византийского искусства понять не могли. Люди теслом сбивали со стен старые фрески, чтобы отштукатурить и расписать их заново — в стиле Возрождения. Сейчас, после стольких лет за византийским искусством признали великую цену. Даже многие из тех, в ком нет благоговения, даже те, кто не верует в Бога, потихоньку возвращаются к старому и снимают со старинных, израненных теслом фресок скрывавшую их расписанную в западном стиле штукатурку. Точно так же люди потихоньку начнут разыскивать и то, что они выбрасывают как ненужное сегодня.

А посмотри, как возвращается всё на свои места в византийском церковном пении! Сейчас петь по-византийски выучились даже малые дети. Раньше было трудно найти человека, который знал бы византийское пение. А сейчас его знают малые дети, и взрослые, видя это, задумываются. А какие же у византийского пения красивые сладкие “завитушки”! Особенно в чисто византийских произведениях. Одни подобны тонкой соловьиной трели, другие — нежному плеску набегающей волны, третьи придают мелодии особую величавость. Все они передают и подчеркивают божественные смыслы. Вот только услышать эти красивые “завитушки” можно не часто. Большинство певчих пропевают музыкальные произведения не полностью, ущербно, шаблонно. В пении остаются незаполненные, дырявые места. А самое главное — поют, не следя за ударением. Удивляюсь: неужели в их певческих книгах нет ударений, подобно тому как их нет в нынешней грамматике? Большинство певчих поют совершенно поверхностно, одноцветно — как будто у них по нотам проехал дорожный каток и все умял. Всё “па-ни-зо” да “па-ни-зо” (Ноты византийской музыки), а толку никакого. Другие певчие выделяют ударные слоги, но без сердца и с визгом. Есть и такие, кто с силой выделяет слоги, но все одинаково, топорно — словно гвозди заколачивают. Да, правда ведь: поют или совсем без ударения или выделяют ударением, но слишком жестко. Такие певчие не воспламеняют, не изменяют тебя. А вот чистое византийское пение — насколько же оно сладостно! Оно умиротворяет, умягчает душу. Правильное церковное пение — это излияние вовне внутреннего духовного состояния. Это божественное веселие! То есть Христос веселит сердце, и человек в сердечном веселии говорит с Богом. Если певчий соучаствует в том, что поет, то, в положительном смысле этого слова, изменяется и он сам, и те, кто его слушает. Много лет назад один старый певчий, приехав из мира на Святую Гору, опростоволосился. Святогорцы пели по-старинному. Его поставили петь вместе с ними, но он пел без “завитушек,” потому что не знал их. А святогорские отцы выучились им по Преданию. Уж потом-то и этот певчий, и некоторые другие

начали в затылках чесать. У них появилась добрая обеспокоенность, они стали разыскивать, читать литературу, слушать старинных певчих, певших по преданию. Таким образом, и эти певчие из мира стали петь с “завитушками.”

Турки ведь тоже заимствовали свою музыку из Византии, когда пришли в Малую Азию. Поэтому турецкие народные песни некоторым образом берут слушающего за сердце. В народе даже говорят: “Пой песни по-турецки, разговаривай по-французски, а пиши — по-гречески.” Не то чтобы все турки отличались хорошим голосом, нет. Но даже те турки, у которых нет хорошего голоса, поют с душой, с чувством. А некоторые греки, не зная, что турецкие народные песни происходят из Византии, говорят, что, мол, это мы заимствовали византийское пение у турок! Да когда турки пришли в Византию из азиатских глубин, у них не было ни музыки, ни пения! У них тогда вообще ничего не было. Они взяли свои мелодии из византийского церковного обихода.

— Геронда, а почему католикам по душе европейская гармония?

— Почему? Говорят, что такая музыка понятнее народу. А ты помнишь тех католических монахинь во Франции, что пели “Христос Воскресе” и одновременно танцевали с иконой современный танец? Пасху справляли! А икону держала в руках сама настоятельница монастыря! Всё изменяли, подменяли одно другим — и видишь, до чего докатились в итоге! Как-то я услышал одного монаха, певшего славословие. Мелодия показалась мне несколько странной. “Что же он такое поет?” — подумал я. “Чье это ты пел славословие?” — спросил я его потом. “Петра Пелопонесского (Петр Пелопонесский (+1777 г.) — выдающийся сочинитель византийской церковной музыки послевизантийского периода. — Прим. пер), — ответил он, — только я его маленько подправил.” — “Ты подправил славословие Петра Пелопонесского?!” — “Ну, а что, — говорит, — разве я не вправе это сделать?” — “Если хочешь, можешь написать свое собственное славословие, но не надо портить чужое!” Вот так — взял и изменил мелодию чужого славословия, а потом, небось, еще и называл бы свой опус “святогорским.” Надо быть очень

внимательным. Нельзя менять то, что создано раньше. Если хочется, можно создать что-то свое и дать ему свое имя. На это человек имеет право. Но брать старое и его видоизменять — это неблагоговение. Все равно, как если бы человек, не смыслящий в иконописании, хотел бы “исправить” старинную икону. Если ему так хочется, пусть напишет свою икону, но не уничтожает чужую.

Без веры мир не может устоять.

Безбожные власти считали, что вера приносит обществу вред, и хотели ее упразднить. Сейчас они потихоньку понимают, что если человек не верует, то у него нет тормоза, и он становится зверем, они понимают, что человек не может устоять без идеалов. Как-то один журналист спросил старого политика-коммуниста: “На что нынешним политикам нужно обратить внимание, чтобы не потерпеть фиаско и преуспеть?” — “Мы потерпели фиаско, потому что пошли против Церкви,” — ответил ему старый коммунист. То есть неверующие коммунисты, у которых нет ни материальной заинтересованности, ни духовных высот, поняли, что они не могут бороться с Богом. Сейчас (Произнесено в июне 1985 г) в некоторых областях Сербии начали строить храмы. Югославские власти увидели, что там, где есть церковь, по статистике меньше душевнобольных, меньше преступлений и тому подобного. В Бога эти люди не верят, но для того, чтобы не пичкать людей таблетками от шизофрении, они строят им храмы. Даже Чаушеску, несмотря на то, что был “бесстыдным капралом” (Игра слов: фамилия политического деятеля, генерального секретаря компартии Румынии Николая Чаушеску (1918-1989) в греческой транскрипции омонимична словосочетанию “***” что буквально означает “бесстыдный капрал.” — Прим. пер), называл христианство “опиумом для народа” и произносил другую подобную хулу, одновременно говорил, что христиане — люди хорошие. Потому что те, кто веровал, имели “тормоза” и не устраивали беспорядков. А остальные, неверующие, разносили всё в пух и прах. А сколько Святых воссияет нам из России! Сейчас коммунизму объявлена война. Но есть и такие, кто всему пытается найти оправдание. “Ленин и Маркс, — говорят эти люди, — были согласны со Христом, но не поняли Его духа и поэтому совершили преступления.” Они

говорят так потому, что христиане возвысили свой голос, заявили, что хотят вернуться к своему старому Преданию, к своей вере. И вот, будучи не в силах удержать народ в прежней узде, коммунисты тоже обращаются к нему с призывами: “Давайте вернемся к нашему древнему Преданию!” Как будто причиной всему тому, что коммунисты натворили во время и после революции, является то, что они не поняли духа Христа!

Придет время, когда не только верующие, но даже и неверующие поймут, что если нет веры, то мир не сможет устоять. Тогда они будут принуждать народ к вере во что-то, чтобы его сдерживать. Пройдут годы, и наступит такое время, что если в какой-то день ты не будешь молиться, то тебя станут сажать в тюрьму. Люди будут отчитываться перед правителем в том, помолились они или нет!.. Так все встанет на свои места.

После себя мы должны оставить доброе Предание.

— Геронда, а отчего в некоторых областях, деревнях и селах родятся добрые люди?

— Оттого, что и прежде люди, жившие там, были добрыми. Они оставили после себя добрых потомков, и сейчас доброе Предание продолжается. А ты, видно, думала, что там просто земля на добрых людей такая урожайная? Нет, не в земле дело. Если в каком-то месте есть Предание — доброе или недоброе, то оно продолжается.

В Эпире, возле албанской границы была одна деревня, жители которой ходили в храм на вечерню, на Божественную Литургию — когда она совершалась. Ходили даже на повечерие. Эти люди, — как бы это получше выразиться, — они жили в раю еще в этой жизни и, перейдя в жизнь иную, они тоже пойдут в рай. Они помогли и самим себе, и следующему поколению, потому что создали добрую преемственность. Когда потомки воспринимают доброе Предание, то доброе Предание продолжается. А невдалеке была ещё одна деревня. В ней все воровали. Из этой деревни

вышел всего один священник, но даже он воровал из церкви иконы! Дело не в том, что в этой деревне была плохая земля, а в том, что у тамошних людей была плохая привычка. Так они оставили после себя плохих потомков, и это плохое предание продолжается. Для того чтобы в эту воровскую деревню пришло доброе Предание, необходимо положить много труда. И посмотри: если в каком-то месте живет какой-нибудь недобрый человек, то остальные жители стараются доказать, что он не коренной житель, докапываются до корней его родословной. А вот человека Святого все наперебой стараются записать себе в родственники. Как Святого Коему Этолийского — хотя он был родом из центральной Греции, его поместили в собор эпирских Святых, потому что его отец вел свое происхождение из одной эпирской деревни. Так, волей-неволей стал эпирцем Святой Косма.

Один мой знакомый, глава семьи, при разговоре, не переставая, нервно тряс указательным пальцем. Потом и его дети, рассказывая что-то, тоже трясли своими пальчиками. Ведь дети перенимают от отца все его привычки, они копируют их в точности. Но задача в том, чтобы перенимать только доброе. В противном случае зло затягивается надолго. Помню, как один юноша поступил послушником в особножительный монастырь, но там ему пришлось не по душе. “Подожди, чадо, — говорил ему его Старец, — не уходи, все изменится.” — “Как оно изменится, Геронда? — возразил послушник. — Ведь послушник старца такого-то — это его точная копия. Послушник отца такого-то тоже похож на своего учителя как две капли воды. Как же все может измениться?” Если в монастыре или монашеском братстве есть какое-то застарелое зло и послушники, не проявляя доброй обеспокоенности, просто “снимают копию” с того, что они видят, то недоброе состояние становится хроническим. Если же послушники проявляют добрую обеспокоенность, то недоброе состояние может измениться на доброе. Так могут стать бесконечными добро и зло.

Я понял одно: все, что у нас имеется — будь то святоотеческие

или уставные традиции, — это выскребки [по сравнению с тем, что было раньше]. То есть, все это можно уподобить тем редким гроздьям, которые остаются в винограднике после сбора урожая. Поэтому мы должны быть внимательны, чтобы сохранилось немного закваски. Это наш христианский долг. Оставлять после себя недоброе предание мы не имеем права.

Несколько лет назад (Произнесено в 1992 г) разные богословы, университетские профессора, другие видные деятели собрались в Женеве на “предсоборное совещание.” Рождественский и Петровский посты они решили упразднить, а Великий пост сделать на пару недель короче — поскольку народ все равно не постится. В этом совещании принимали участие и наши профессора. Когда, вернувшись оттуда, они приехали ко мне и стали обо всем этом рассказывать, я пришел в такое негодование, что даже накричал на них. “Понимаете ли вы, что творите? — говорил я. — Если кто-то болен, то он имеет оправдание есть скоромное в пост — общие правила на него не распространяются. Если кто-то съел в пост скоромное не по болезни, а по [духовной] немощи, то он должен просить: “Прости меня, Боже мой,” — он должен смириться и сказать “согреших.” Такого человека Христос не станет казнить. Однако если человек здоров, то он должен поститься. А тот, кто безразличен, все равно ест все, что хочет, и его ничего не волнует. Все и так идет само собой. Действительно, большинство не держит постов, не имея на это уважительной причины. И мы, желая угодить этому большинству, хотим вообще отменить посты ? Но откуда мы знаем, каким будет следующее поколение? А вдруг оно будет лучше, чем нынешнее, и сможет относиться к тому, что заповедует Церковь, без компромиссов? По какому же праву мы будем все это отменять? Ведь все это так просто! У католиков пост пред Святым Причащением продолжается один час. Что, будем поддаваться тому же духу? Будем благословлять свои слабости и падения? Но ради наших слабостей мы не имеем право перешивать Христианство на собственный аршин. Даже если хранить установленный чин могут немногие, ради этих немногих он

должен быть сохранен. Если больной человек оказался среди чужих, то пусть он ест скоромное так, чтобы другие его не видели и не соблазнялись. Пусть купит себе какой-нибудь сметаны и скушает ее у себя в комнате.” — “Это лицемерие,” — ответил мне один из этих профессоров. “Тогда почему, чтобы быть более искренним, ты не идешь на площадь и не грешишь на ней?” — спросил я его в ответ. В каком же свете выставляет им всё это диавол! Мы создаем свое собственное “православие” и в духе этого “православия” истолковываем Святых Отцов и Евангелие. В нашу эпоху, когда такое множество образованных христиан, Православие должно было бы ярко сиять! Да тут вон один Святой Никодим Святогорец сколько всего успел! Сколько он написал слов, сколько книг! Собрал Жития всех Святых! Все библиотеки Преподобный знал до последней запятой, хотя ни ксерокса, ни компьютера у него не было.

(Преподобный Никодим Святогорец родился в 1749 г. Был одним из наиболее образованных людей своего времени. Сочетал исключительные способности к наукам с неповреждённой чистотой Православной веры. С 1775 г. подвизался на Святой Афонской Горе. Здесь им было написано множество книг, составляющих “золотой фонд” Православного Богословия и аскетики. При непосредственном участии Преподобного Никодима были отредактированы и подготовлены к изданию “Добротолюбие,” “Эвергетинос” и другие святоотеческие творения. Почил о Господе 1 июля 1809 г. На русский язык большинство из творений Преподобного Никодима до сих пор не переведены. — Прим. пер)

Человек должен, насколько это возможно, стать правильным христианином. Тогда у него будет орган духовного чувства, тогда он будет испытывать большую или меньшую боль за Православие и Отечество и осознавать свой сыновний долг по отношению к ним. Находясь в таком состоянии и узнав о каком-то событии, христианин проявляет участие, беспокоится, молится. Однако христианин, которого надо то и дело подталкивать: “Сейчас поинтересуйся-ка вот этим, а потом — вот тем-то,” похож на квадратное колесо, которое, чтобы оно двигалось вперед, тоже надо постоянно толкать. Задача в том, чтобы подталкивание шло изнутри самого человека. Тогда он будет катиться гладенько — подобно круглому колесу. Если человек становится правильным христианином, если “подталкивание” исходит из него самого, то потом Бог извещает его даже больше и шире, чем того, кто читает [газеты]. Такой человек узнает не только то, что пишут, но и то, что собираются написать. Вам это понятно? К человеку приходит божественное просвещение, и все его действия просвещены.

Мы не имеем права растерять в наши дни то великое наследие, которое оставил нам Христос. Мы дадим ответ Богу. Мы, маленький греческий народ, уверовали в Мессию, нам дано благословение просвещать весь мир. За сто лет до Пришествия в мир Христа Ветхий Завет был переведен на греческий язык. А что перенесли первые христиане? Они то и дело подвергали опасности свою жизнь. И какое равнодушие царит сейчас! Разве можно быть равнодушным сегодня, когда мы можем просветить народ безболезненно, без опасности для жизни? А знаешь, что перенесли наши предки ради того мира, в котором мы живем сейчас? Знаешь, сколько людей пожертвовали собой? Если бы они не принесли себя в жертву, то сейчас у нас не было бы ничего. И вот я сравниваю: как тогда, подвергая опасности свою жизнь, они хранили веру, — и как сейчас, не подвергаясь никакому давлению, люди уравнивают все! Те, кто не терял национальной свободы, не понимают что это такое. “Боже сохрани, чтобы не пришли варвары и не нанесли нам бесчестия!” — говорю я этим людям, а в ответ слышу: “Ну и что мы от этого прогадаем?” Ты только послушай! Да чтоб вам было пусто, негодные вы люди! Такие вот они, человецы нынешние. Дай им денег, автомобилей и на веру, честь и свободу им будет наплевать.

Своим Православием мы, греки, обязаны Христу и Святым Мученикам и Отцам нашей Церкви. А своей свободой мы обязаны героям нашего Отечества, пролившим за нас свою кровь. Это святое наследие мы обязаны чтить. Его мы должны сохранить, а не растерять в наши дни. Будет обидно, если погибнет такой народ! И сейчас мы видим, как Бог собирает людей персональными повестками, подобно тому, как рассылают такие повестки военнообязанным пред началом войны. Бог делает это для того, чтобы что-то сохранилось, для того, чтобы спаслось Его создание. Бог не оставит нас, однако и мы должны делать то, что можно сделать по-человечески. А о том, что по-человечески сделать нельзя, мы должны молиться, чтобы подал Свою помощь Бог.

Миссионерский Листок #А38

Свято-Троицкая Православная Миссия

Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(duhovnoe_probuzhdenie_1_paisij_eznepidis.doc, 11-07-2003)

На главную страницу